

АНДРЕЙ

КИВИНОВ

**РАБОТА
С РИСКОМ**

ТРУДНО БЫТЬ МАЧО

ПОДСАДНОЙ

ОДНОКЛАСНИЦА.RU

**ВПЕРВЫЕ
В ОДНОЙ
КНИГЕ**

ТЭФИ за 2011 год

Андрей Кивинов

Работа с риском (сборник)

«АСТ»

2012

Кивинов А. В.

Работа с риском (сборник) / А. В. Кивинов — «АСТ», 2012

Трудно быть мачоКрупный строительный супермаркет «Планета-Хауз» оказывается в эпицентре криминальных событий. На этом взрывоопасном фоне разворачивается страстная любовь начальника службы безопасности и простой продавщицы. Их роман используют конкуренты, пытаясь заполучить такой лакомый кусок, как «Планета-Хауз». Чтобы добиться цели, эти люди не остановятся ни перед чем. И главный герой вынужден защищать не только свою любовь, но и жизнь.ПодсаднойУ несостоявшегося актера Николая необычное хобби – он блестяще играет роли хулиганов, бандитов, мошенников – но только не на театральных подмостках, а... в реальной жизни. И помогает раскрывать преступления. Странное увлечение наполняет его будни опасными приключениями и сильными эмоциями. Однако искусство перевоплощения в свою очередь играет с ним злую шутку, и он уже сам не может разобраться – где внедрение, а где жизнь...Одноклассница. ruОсвободившийся из колонии молодой человек Паша Угрюмов безуспешно пытается адаптироваться на свободе и постепенно скатывается на дно жизни. Когда до окончательного падения остается совсем немного, он встречает свою одноклассницу, которая в школе была в него влюблена. Чтобы не выглядеть в ее глазах неудачником, он выдает себя не за того, кто есть на самом деле. И эта ложь начинает оказывать на него весьма неожиданное влияние...

© Кивинов А. В., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Трудно быть мачо	5
Пролог	5
2005 год. Санкт-Петербург	12
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Андрей Кивинов

Работа с риском (сборник)

Трудно быть мачо

*Повесть основана на нереальных событиях.
Рекомендована Министерством культуры РФ для хорового чтения
в семейном кругу.
Принимать внутрь три раза в день после еды.
Не вызывает побочных эффектов.
Возрастных ограничений нет
Автор выражает благодарность Владимиру Башикирову*

Пролог

1995 год. Санкт-Петербург

– Женька, давай, давай!!! Уходи! Ноги!!! Ноги!!!

– Отрывайся, отрывайся!

Все игроки, включая запасного вратаря, вскочили со скамейки и прижались к борту, наблюдая, как лидер команды Женька Моисеев, «обокрав» у синей линии зазевавшегося защитника, рванул в чужую зону.

– Сам делай! – проорал со скамейки капитан «Южных» Паша Сочнев, провожая взглядом нападающего.

Женька и не собирался ждать подкрепления, фора в пару метров позволяла ему убежать и выйти один на один с вратарем. Левая «семерка» соперника, крепкий невысокий защитник, не уступавший в скорости иному нападающему, рванул наперерез, но все равно не успевал помешать Моисееву пообщаться с голкипером с глазу на глаз.

Женька не стал мудрить, бросив шайбу в «домик» между ног вратаря. Но тот успел присесть, и «резинка», кувыкаясь, отскочила от щитков в поле...

Женька тормознул возле штанги, с шумом резанув лед, развернулся, намереваясь добить шайбу. Но в эту секунду защитник, словно стенобитный таран, врезался в Моисеева. От удара Женьку швырнуло на борт. Он вскрикнул от боли и, согнувшись в пояснице, рухнул на лед. В принципе, от подобных столкновений игрок защищен амуницией, но «семерка» атаковал не корпусом, а «пикой» – торцом клюшки, причем явно умышленно. «Пика» прошла под плечо, где нет никакой защиты, кроме липучек нагрудника, и ударила по ребрам. Мало того, защитник, якобы по инерции, опрокинулся на Женьку, мол, извините, я не хотел.

Но судья, не успевший домчаться до места событий, на всякий случай свистнул и поднял руку.

– Ты чего творишь?! – Нападающий «Южных» Славка Чернаков подлетел к поднимающейся уже «семерке» и пихнул его на борт.

– Может, и ты хочешь?! – Тот оттолкнулся от борта и поднял правую руку для удара.

– Попробуй! Тоже мне, тофгай¹ хренов, – Славка бросил на лед клюшку и скинул краги, что по хоккейным понятиям означало – вызов принят и нападающий готов оставить пару автографов на лице защитника.

¹ Тофгай – игрок хоккейной команды, в чьи функции входит оберегать звезд от силовых приемов соперника и участвовать

«Семерка» давно заслуживал хорошей зуботычины: всю игру он незаметно для судей грубил и «рубил» нападающих, хотя перед началом встречи было объявлено: матч проходит по ветеранским правилам, толкаться можно, но в меру, и в борт никого не печатать. А этот не просто припечатал, да еще и «пушкой» добавил. Ладно, когда в азарте, нечаянно, но когда нарочно... За такое – в морду, непременно в морду!

Они успели обменяться парой ударов, но судьи прервали представление, растащив бойцов по разные стороны ворот под недовольные протесты зрителей. (Крови хотим! Крови! Убей его!) Остальные игроки обстреливали друг друга ругательствами², но в коллективное реалити-шоу не вступали, помня о правовых последствиях.

– Оба – на пять минут! – Главный рефери без раздумий указал на скамейку оштрафованных.

Один из судей и защитник «южных» склонились над Женькой, наверно, самым молодым игроком на площадке:

– Как ты?..

– Он чего, охерел? – простонал тот, держась за ребра, – еле дышу...

Партнеры по звену помогли Моисееву подняться и, придерживая под руки, увезли за пределы площадки под жидкие аплодисменты публики.

– Жека, играть сможешь? – Сочнев положил ему руку на плечо.

– Не знаю... Отдышаться надо. Он «пушкой» меня, гад...

– Да мы видели. – Сочнев досадливо поморщился.

Торопливо подошел стадионный врач, на всякий случай дежуривший на игре. Велел Моисееву снять набухший от пота нагрудник. Он тоже видел эпизод столкновения и сразу понял, что могли пострадать ребра.

Так оно и оказалось.

– Вызывайте «скорую»...

– Ни фига ж себе! Ну, козел! – Сочнев бросил взгляд на скамейку штрафников, где уже отдыхала «семерка», – мало Славка ему врезал...

Игроки поддержали своего капитана. Кто-то потребовал от судьи удалить «семерку» до конца встречи, а то и возбудить уголовное дело по факту умышленного нанесения телесных повреждений средней тяжести. Судья, пошептавшись с помощником, согласно кивнул. Дело возбуждать не стал, но удалить – удалил. Присутствие на льду провинившегося защитника «северных» могло привести к цепной реакции, лучше убрать его от греха подальше.

Судья подъехал к «семерке», чтобы объявить свой вердикт. Тот, выругавшись, отправился в раздевалку под свист чужих и одобрительное хлопанье своих болельщиков.

– Кто он вообще такой? – Сочнев раздраженно повернулся к партнерам.

– Витька Щербина... Из районного ОНОНа³, – ответил один из игроков. – Я с ним пересекался пару раз, – он и по жизни, говорят, такой резкий.

– Пусть он в сортире резким будет, а не на льду... Договорились же – без силовых!.. Пацана покалечил, урод...

– Я сейчас тоже в лобовую с «бубновым» пойду!

– А играть кто будет?!

Сочнев вновь поднял глаза на табло. Третий период только начался, а команда осталась без основного забивающего игрока. К тому же они проигрывали одну шайбу, а без Моисеева шансов на победу почти не было. Если только вратарь «Северных» не уедет перекурить или

в потасовках. В большей степени владеет приемами рукопашного боя, нежели клюшкой.

² Здесь и далее мат опускается в целях экономии бумаги.

³ ОНОН – отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В настоящее время реорганизован.

пропустит «бабочку». Но тот пока не пускал, стоял уверенно и надежно. Да еще Чернакова удалили на пять минут. Совершенно не по делу. Придется перекраивать звенья.

– Миша, Олег, давайте на лед, – скомандовал Сочнев нападающим, – играем в два звена. Мужики, поборемся, поборемся...

– Тяжеловато, Паш. Уж не юниоры!..

– Водку надо меньше жрать и на тренировки ходить!

– А я водку не пью! Только коньяк...

Бороться было за что. На кону не какой-нибудь кубок ГУВД или переходящий картонный вымпел. Поездка в Монреаль на международный турнир полицейских команд по хоккею. Кто сегодня победит, тот и полетит за океан защищать честь питерской милиции. А что такое поездка в Канаду на целых две недели для рядового сотрудника? Да еще с женой? Да еще за чужой счет?! Мечта! Сказка! Халявная халява! Кто ж откажется? Даже кто на коньки встал второй раз в жизни. Здесь действительно главное – не победа, а именно участие. Пожить в Монреале, подышать импортным воздухом, попить местного пива и виски... Остаться, если понравится, и финансового убежища попросить. Мол, в отечественной милиции не платят ни фига. Спасите!..

И когда руководство отдало распоряжение подготовить пятнадцать достойных, умеющих обращаться с клюшкой, а не только с пивом, выяснилось, что в хоккей играют гораздо больше милиционеров, чем предполагалось. Только основных команд оказалось две. Одну спонсировал какой-то мясной магнат, сам в прошлом мент, вторую – другой филантроп, оплачивая лед, услуги тренера и накладные расходы. И играли бойцы не в дворовый хоккей. Некоторым когда-то довелось погонять шайбу и в командах мастеров, а тот же Моисеев окончил хоккейную школу «Спартак», но спортивной карьере предпочел милицейскую.

После Великого капиталистического переворота любительский хоккей держался в основном на энтузиастах – регулярного чемпионата города среди профсоюзных команд не проводилось. Хорошо хоть иногда разыгрывались различные кубки. Обе ментовские команды регулярно заявлялись в таких турнирах и выглядели вполне достойно.

Сборную солянку из двух команд решили не создавать. Возникнут обиды, начнутся интриги, стрельба, поножовщина, короче, ментовские войны. Будем проще: кто победит в честном открытом поединке, тот и полетит за океан. В случае ничьей – серия буллитов. Игру проводили на катке СКА, пригласив профессиональных судей и ведомственную прессу. Нагнали для массовой милицейских курсантов, закупили воздушные шарики и флажки. То есть хотели устроить спортивный праздник. Разумеется, пришли и болельщики, в основном родственники хоккеистов.

Но праздника не получалось. Праздник, это когда на ящик пива играют или на «ку-ка-ре-ку», а когда на Канаду... Тут уже праздник с синяками на руках. Чемпионат Японии по харакири и то спокойней.

Команды условно обозначили «Южными» и «Северными», как на армейских маневрах. Играть мог любой аттестованный сотрудник, любого возраста и любого уровня мастерства. Самым младшим у «Южных», как уже упоминалось, был Женя Моисеев – милиционер вневедомственной охраны, самым опытным – Паша Сочнев, сорокачетырехлетний следователь из следственного управления, в прошлом игравший за колпинский «Ижорец» – кузнецу кадров для питерского хоккея. Он и руководил игрой – своего тренера, в отличие от «Северных», у «Южных» не имелось.

Это, впрочем, не особо сказывалось на поединке: команды были примерно равны по мастерству. И разница в одну шайбу ни о чем не говорила – чистая невезуха. «Южные» усилили натиск, минута-другая – и все встанет на свои места. И тогда в ход пошли не совсем спортивные методы. Правда, не известно, по своей ли инициативе Щербина «сломал» Моисеева

или получил тренерскую установку. Ведь в случае победы наставник тоже сможет посетить зал хоккейной славы в Канаде.

Примерно об этом же думал удаленный на пять минут Славка Чернаков, оперативник районного отдела по раскрытию убийств, крепкий невысокий мужик тридцати пяти лет от роду. Вернее, не думал, а просто мысленно матерился, поливая и вражеского тренера, и Щербину, и судью, вынесшего несправедливый приговор. Пять минут команда будет биться вчетвером, да еще и в два звена. Самое обидное – «Северные»-то остались в полном составе и получили неплохой шанс уйти в отрыв! А две шайбы при такой игре отыграть проблематично. Хоть полет на марсианский турнир пообещай... Он, конечно, команду подвел, но не анекдот же Щербине было рассказывать.

«Жаль, этого ловкача выперли, я б ему показал, как крюком размахивать... Договорились же по-людски играть...»

Слава снял шлем, старенькие, стертые до дыр краги, брошенным на скамье полотенцем вытер мокрое от пота лицо и короткий ежик волос. Мрачно уставился на поле. Судья уже выехал в круг, приглашая команды продолжить игру. Работник стадиона включил бодрую «Калинку», поднимая боевой дух игроков.

Вбрасывание. Треск клюшек. Рубка. «Нет, такой хоккей нам не нужен!» – сказал бы знаменитый комментатор. Нужен, нужен... После случившегося про джентльменский уговор можно забыть. Здесь уже не за Канаду битва, а за принципы. Тут мотивация посерьезней.

«Северные» вошли в зону, заняли осадные позиции, разыгрывая шайбу до верного. Времени хватит: пять минут – не две, можно не суетиться. Но «Южные» стойко держали оборону. В итоге защитнику атакующей стороны пришлось щелкнуть от линии. Витка Сапожников бросился под шайбу, прикрыв крагой лицо. Каучуковый снаряд попал в щиток на ногу и выскочил из зоны. Уф-ф-ф... Можно перевести дух!..

Слава облегченно выдохнул и бросил взгляд на табло. Еще четыре минуты держаться. А потом он покажет класс, благо отдохнет. Чернаков не играл в профессиональных клубах, но на коньках стоял с детства – хоккейная коробка была прямо под окнами родительского дома. Он подавал надежды, и знающие люди предлагали заняться спортом серьезно. После школы рубился за сборную техникума, но потом на некоторое время вынужден был повесить коньки на стену. Работа, семья, заботы... тут уж не до хоккея. Так, иногда катался с мальчишками в парке по замерзшему льду пруда. Коробка перед домом давно превратилась в заросший бурьяном пустырь, лед уже никто не заливал, а бортики растащили вороватые дачники.

Год назад он случайно узнал от Сочнева о существовании ментовской команды. Купить новую форму на оперскую зарплату было нереально, пришлось доставать старую, бэушную. Но это Славу ничуть не смущало. Главное, он снова, как в юности, мог выйти на площадку, промчаться, рассекая лед, от ворот до ворот, врезать от плеча по шайбе и получить порцию положительных эмоций. Даже если при этом заработает пару-тройку синяков от защитников.

А сегодня за удовольствие еще и неслабая награда светит. Покруче внеочередного звания. Слава никогда не бывал за границей, даже в доступной Турции, а чтоб сразу в Канаду... Воплотить мечту детства – сходить на матч Национальной хоккейной лиги! Заглянуть в зал хоккейной славы, да и вообще забугорье увидеть не по телику, а вживую. За такое костями ляжешь.

Примерно так же рассуждали и все остальные. И «Северные» мужики, и Моисеев, и Паша Сочнев. Но Канада Канадой, а играть-то надо по правилам! Слава тоже знал пару-тройку качественных приемов, от них не спасла бы и защитная экипировка. Но зачем же своих калечить?! Под одной крышей служим, одно дело делаем! Ну, иногда – два...

Только Щербина, видимо, чего-то не догонял. Придется после игры с ним потолковать, подрихтовать мозговую косточку.

Еще минута позади. Мужики держатся, молодцы! «Северные» насаждают все активнее. Паша поменял звено, вышел сам. Моисеева явно не хватало, он один оттягивал на себя обоих защитников.

«Держитесь, держитесь... Я сейчас, я скоро...»

Еще одна стычка возле борта. Судья остановил время, но удалять никого не стал: пожалел «Южных».

«Калинка». Вбрасывание.

– Пятак!!! Пятак!!! – Чернаков вскочил со скамейки, заметив, что нападающий «Северных» совершенно спокойно пасется перед вратарем.

Сочнев, услышав крик, едва успел перекрыть зону. Чувствовалось, Паше не хватало дышалки – возраст плюс последствия обильного потребления никотина и фаст-фуда.

Чернаков в отличие от него не курил, хотя в убойном отделе волей-неволей начнешь. Да и до этого, на «территории», держался – единственный, кстати, среди оперсостава.

В милицию Слава попал, в общем-то, случайно. Как он любил говорить: «Напилился – уснул – забрали. И до сих пор не отпускают». На самом деле, окончив машиностроительный техникум, он распределился в НИИ, где должен был отпахать четыре обязательных года. Армия не грозила – «терем» имел военную кафедру, и вместе с дипломом учащийся получал зеленые корочки офицера запаса.

После техникума сразу поступил на заочное в институт. Изменять отечественному машиностроению он даже не помышлял. Но при окладе в сто десять советских рублей измена тебя сама найдет. Особенно если надо кормить молодую жену и годовалого ребенка. Слава женился рано, едва закончил техникум. Жить переехали к нему.

Как-то встретился со школьным приятелем, чей батя имел какое-то отношение к милиции. Приятель и предложил сменить профиль:

– Ты знаешь, сколько там летеха сраный получает? Двести двадцать! Где ты сейчас такие бабки поимеешь?!

Органы в то время партией и правительством финансировались щедро, не то что теперь. Ведущий инженер с двадцатилетним стажем в Славкином НИИ зарабатывал всего сто пятьдесят рэ в месяц. И никаких перспектив. А тут сразу двести двадцать. Плюс всякие льготы и премиальные. Плюс концерт на день милиции.

– Иди опером, а лучше участковым, – продолжал агитировать приятель, – еще и хату получишь служебную.

– А меня возьмут?

– А почему нет?! Там с кадрами дефицит. А у тебя незаконченное высшее, офицерское звание, прописка питерская. Больше ничего и не надо. Ну еще, чтоб судимостей не было. Не успел заработать?..

– Тьфу-тьфу...

– Ну и все. Иди и не парься.

– А сам-то чего не идешь?

– Батя не пускает... Фарцуешь, говорит, вот и фарцуй спокойно...

После совета с молодой супругой Слава решил, что милиция от его прихода, возможно, ничего не приобретет, но зато уж отечественное машиностроение от ухода точно ничего не потеряет. Если совсем откровенно, то оно интересовало его прежде всего из-за техникумовской «военки», освобождавшей от запаха портянок лучше французского дезодоранта. А теперь можно отдать долг Родине на другой службе.

На следующий день он уже сидел в отделе кадров ближайшего РУВД. Написал заявление. «Хочу быть в первых рядах борцов с преступностью и получать за это деньги и звания». Выбрал уголовный розыск. Прошел медкомиссию и получил направление на четырехмесячные курсы

в Пушкин. Институт не бросил: высшее образование, хоть и «заушно»-техническое, никогда не помешает.

Потом семь лет в территориальном отделе и два года в убойном. Кое-как защитил диплом, получил заветные корочки и «ромбик» на китель (что, правда, нисколько не сказалось на зарплате). Сейчас он носил на погонах капитанские звездочки и особо не жалел, что в свое время сменил род деятельности. Хотя финансовое обеспечение с годами практически сошло на нет...

Слава надел шлем, встал со скамьи подсудимых, тьфу ты – штрафников, хотя еще сидеть и сидеть. Целых две минуты. По хоккейным меркам – много... Просто не мог усидеть.

«Южные» пропустили «банку» за пятнадцать секунд до его выхода на лед. Вратарь отбил очередной щелчок, но нападающий успел на добивание. Такие шайбы самые обидные.

До конца игры оставалось еще восемь с половиной минут, вполне хватит, чтобы отыграться, но настроение на скамейке заметно упало. Сочнев подбадривал своих, как мог, рисуя радужные картинки североамериканской действительности. «Пиво там мировое, пиво!»

Чернаков, «вдохновленный» собственным удалением, ринулся за шайбой, как студент за стипендией. Пару раз его болезненно встречали защитники, но за три минуты до финальной сирены ему удалось проскочить вдоль борта, крутануть «улитку»⁴ и откинуть шайбу на «пятячок». Летевший по центру Витек Федоров пробил с ходу. В девятости девяти случаях из ста он бы, наверное, промазал, но сейчас шайба просвистела над правым плечом вратаря и, зацепив штангу, врезалась в сетку. Трибуны восторженно захлопали.

– Давайте, мужички, давайте... Они уже еле бегают... Дождем! – Паша призывал своих снова идти в атаку.

Чернаков сел на скамью, сделал глоток воды, посмотрел на секундомер. Две минуты будет биться Пашино звено, минута останется ему.

Ничего, сравняем. Сравняем! Чтоб знали, как ребра ломать!

Моисеева еще не увезли в больницу, врач увел его в свой кабинет, сделал обезболивающий укол и велел лечь, но Женька вернулся на скамейку и следил за игрой.

«Северные» не рисковали, рассчитывая удержать победный счет. Ушли в глухую оборону, играя на отбой. Взломать оборону при такой тактике – все равно что Измаил взять голыми руками, да еще и без Суворова...

Паша щелкнул от линии, но промазал. Защитник подхватил шайбу и выбросил из зоны. Судья свистнул, фиксируя проброс. Оставалось пятьдесят пять секунд. Сочнев вернулся на скамейку.

– Слава, сделай их... Главное, вбрасывание выиграй, мы Ваньку заменим.

– Не вопрос, Паш...

Сочнев помахал вратарю, предупреждая, чтобы тот вовремя покинул площадку, уступив место шестому полевому игроку.

«Калинка». Чернаков встал на точку. Соперник нервничал, держа клюшку на весу, чтобы после вбрасывания шайбы нанести удар сверху не по шайбе, а по крюку оппонента.

– Клюшку на лед! – Судья заметил нарушение.

Нападающий нехотя опустил «перо» на лед.

Шайба плюхнулась в центр круга. Чернаков с размаху попытался откинуть ее назад защитнику, но угодил в конек противника. Треск, сломанное перо отлетело к бортику...

По правилам, игра не останавливалась: игрок должен заменить клюшку или смениться сам. Но вместо того, чтобы броситься к своей скамейке, охваченный азартом Славка метнулся к шайбе, пытаясь коньком, по-футбольному откинуть ее партнерам. Сочнев заорал, приказывая

⁴ «Улитка» – крутой вираж на коньках.

Чернакову смениться, но тот продолжал биться «безоружным», не отдавая шайбу сопернику. В итоге прижал ее к борту, но потерял еще десять драгоценных секунд.

Взял запасной «инструмент», вновь встал на точку. На сей раз ему удалось выиграть вбрасывание – шайба отскочила к своему. Ванька метнулся к скамейке. Шестой игрок прыгнул через борт и помчался в чужую зону.

Двадцать секунд!.. Трибуны свистели и топали. Болельщики «Северных» завели обратный отсчет. Девять, восемь, семь...

Витька пошел напролом, освободился от опеки и без замаха, кистевым, бросил шайбу. Вратарь среагировал, отбив ее «блином». Чернаков ласточкой прыгнул вперед, рассчитывая добить ее, словно бильярдным кием, но не дотянулся.

Три, две, одна...

Сирена!

Обессиленный Славка остался лежать, прижимая горячее лицо ко льду. Обидно, как обидно... Они же сильнее, они же бились честно...

«Северные» бросились обниматься. «Здравствуй, Монреаль!»

Команды выстроились на рукопожатие. Щербина на лед не вышел.

В раздевалке «Южные» выпустили пар. Ток-шоу на тему «Ненормативная лексика как средство снятия стресса». Витька даже потребовал провести анализ на допинг: мол, соперник играл на «батарейках». Искали причины поражения, требовали переигровки, короче, сотрясали пропитанный потом воздух. Настроение – домкратом не поднять. Про Канаду даже не вспоминали, хотелось просто доказать, что они сильнее.

Сочнев, который зашел в раздевалку последним, стянул свитер, швырнул его в сумку и мрачно бросил:

– Кончайте, мужики... Мы, может, и сильнее... Но счет – на табло. Мы проиграли.

На выходе со стадиона Чернаков хотел дождаться Щербину, чтобы объяснить, чей кунг-фу лучше, но тот уехал раньше, предчувствуя неприятный разговор и возможную стычку. Вахтер сказал, что Щербина сел в машину прямо в хоккейной форме, даже не сняв шлем и краги.

– Коз-з-зел-л-л!

Славка сплюнул на клумбу и, взвалив на плечо тяжелую сумку, побрел на остановку.

2005 год. Санкт-Петербург

«Новый год к нам мчится, скоро все случится...»

«Сможем мы напиться...»

Последнюю фразу к популярной песенке, оккупировавшей радиоэфир, Вячеслав Андреевич добавил от себя. Он заглушил двигатель «девятки», вытащил панель магнитолы и по привычке засунул под сиденье. Хотя мог бы и не прятать. Здесь, на режимной территории, машину можно бросать смело, ничего с ней не случится.

Погода радовала: декабрь выдался мягким, без трескучих морозов, и, если верить синоптикам, они до середины января вообще не предвиделись. С другой стороны, слякоть и грязь – сомнительное удовольствие: не успеваешь ботинки чистить.

Вячеслав Андреевич вынул из «бардачка» губку-блеск и полирнул обувь. Ноблесс облич! Положение обязывает! Надо соответствовать. И только после того как навел глянец, он покинул салон машины, перешагнув через хоккейную клюшку, лежавшую на полу вдоль порога. Обычно здесь берут бейсбольные биты. Недавно один такой «бейсболист» внаглую подрезал машину Вячеслава Андреевича. Увидев жесткий, но справедливый жест последнего, обидчик перегородил дорогу, вытащил свой спортивный снаряд со следами выбитых зубов и решительно двинулся на татами. «Смерть лохам!» Но не зря говорится: не надо бояться человека с ружьем, если у вас гранатомет. «В ответ Онегин поднял клюшку...» Клюшка, конечно, много легче биты, зато длиннее, и при умелом обращении легко поражает жизненно важные «помидоры», а также кардинально исправляет мимику лица. «Бейсболист» об этом догадался и в кулинарный поединок вступать передумал. Поспешил убраться вместе со своим «Хундаем», поджав биту и пригрозив разобраться позже.

На часах – полдевятого утра. Рабочий день начинался в десять. Но он всегда приезжал в это время, раньше остальных сотрудников службы безопасности. Надо проверить посты, узнать новости у ночной смены, обойти территорию. Одним словом, быть готовым к любым происшествиям и нестандартным ситуациям. На то он и начальник. И охраняет не какой-то там интим-салон или склад, а один из крупнейших в городе строительных супермаркетов «Планета-Хауз».

Нажал кнопку на дверях служебного входа. Замок, погудев, щелкнул. Охранник, заспанный молодой парень, вышел из своего гнезда-«стакана» и вытянулся по струнке. Угадывалась армейская дрессура.

– Здравия желаю, Вячеслав Андреевич.

– Доброе утро, Саша. – Он протянул руку для пожатия. – Как у нас?

– За время вашего отсутствия происшествий не случилось!.. – по-уставному доложил охранник, оглаживая свою черную, похожую на эсэсовскую униформу.

Сам начальник СБ предпочитал гражданский костюм. Это выглядело гораздо представительней.

Он миновал лабиринт коридоров, толкнул последнюю дверь и оказался в торговом зале, представлявшем собой необъятный ангар со стеллажами, которые тянулись вверх до вентиляционных труб и разнообразных коммуникаций, закрепленных на потолке и напоминавших огромный кишечник. Пара рабочих, устроившись на стремянках, украшали зал новогодними гирляндами, водитель грузоподъемного электрокара ковырялся в двигателе, гремели ведрами уборщицы – все как одна мастера спорта по керлингу. Абы кого в «Планету-Хауз» не брали. Вообще-то, основные площади мылись специальными машинами, но в труднодоступных местах с грязью боролись уборщицы.

Вячеслав Андреевич прошел вдоль огромных рулонов импортного линолеума, заряженных в специальные вращающиеся барабаны, словно патроны в револьвер, свернул в отдел обоев

и паркета. Дальше располагались электротовары, сантехника, за ними выстроились белоснежные шеренги стиральных машин и холодильников.

Он каждый день следовал этим маршрутом и мог ориентироваться в зале с завязанными глазами.

Отдел бытовой техники, посуды, текстиля, лакокрасочных изделий, инструмент, автозапчасти. Специально к Новому году открыли еще один, где продавали искусственные елки, украшения, всевозможные фейерверки, шутихи и прочие товары для захламления квартиры. Вернее, отдел был и раньше, просто летом и осенью там торговали садово-огородной утварью.

По стеллажам наперегонки гонялись огоньки китайских гирлянд, создавая праздничное новогоднее настроение. Гирлянды на ночь не выключались. Шарик с эмблемой «Планеты», наполненный гелием, висели на нитях, словно стратостаты. Огромный транспарант поздравлял покупателей с наступающим Новым годом, по восточному календарю – годом «бешеных скидок и больших бонусов».

В центре зала стояла – на радость «Гринпису» – долговязая искусственная елка, под ней задорно улыбался двухметровый пластиковый Санта-Клаус с красным вещмешком («сидором») за спиной. На мешке виднелась актуальная бодрящая надпись, сделанная строительным маркером: «Птичий грипп». Творчество юных.

На улице, перед главным входом, высилась еще одна зеленая красавица, только живая. Точнее, уже не живая – она была тайно срублена в лесах Ленинградской области, наряжена и выставлена на потеху толпе.

Вячеслав Андреевич улыбнулся, вспомнив, как у управляющего «Планетой» родилась безумная идея вместо елки поставить в зал на пару дней живого слоненка. Идея не была оригинальной, шеф вычитал, что в каком-то немецком супермаркете слоненок рекламировал новый сорт пива. А у нас будет рекламировать, например, финскую краску, рисуя хоботом картины. Какой ажиотаж начнется! Сколько телевизионщиков набегит! Сколько писак припрется! А это же все бесплатный пиар! Если подсчитать, сколько бы за это пришлось проплатить... Глядишь и аренда слоненка «отобьется». Творчески надо мыслить, коллеги, творчески!..

Но воплотить в жизнь гениальную задумку не удалось. В зоопарке и цирке выдавать слона напрокат категорически отказались. «Можем предоставить только хомячков». Но какой от них прок? Разве что в качестве валиков использовать... А привозить слона из-за рубежа на два дня – слишком хлопотно и дорого. И куда его потом девать? Это ж не голландская корова, на мясо не пустишь. Разве что продать вместе с краской. Да и гадит он многовато... Короче, на новогодние праздники «Планета» осталась без достойного рекламного носителя.

Вообще, по части креатива управляющий был большим затейником. Сейчас, например, накануне Нового года заставил всех продавщиц напялить кокошники. Типа – Снегурочки. Не учел, правда, что некоторые давно вышли из Снегуркиного возраста, да и комплекцией подкачали. А в прошлом году перед Пасхой выбрал трех самых здоровых продавцов-мужиков и приказал им влезть в костюмы розовых зайчиков. Костюмы весили кило по тридцать, а в высоту достигали двух с половиной метров. Зайчики должны были ходить по залу, поздравлять покупателей с Пасхой и дарить рекламные буклеты. К концу рабочего дня несчастные зайчики, вернее, продавцы едва передвигали ноги. В результате один нечаянно зацепил покупателя и выбил у него из руки бутылку с растворителем. Покупатель пажеских корпусов не заканчивал, нрав имел обидчивый, поэтому без промедления подпрыгнул и врезал кулаком по заячьей морде, забыв, что лицо продавца расположено много ниже. Но этого хватило, чтобы опрокинуть несчастного зайчика на пол. Зато дальше началась сцена, достойная пера великого Льюиса Кэрролла. Зайчик вскочил на ноги, схватил со стеллажа швабру и с воплями «Убью, сука!» приступил к ответным действиям. Остальные покупатели получили в тот день истинное удовольствие. Розовый пасхальный заяц со шваброй в руке, не по-сказочному матерясь, гонял

по залу мужика, норовя снести ему череп. И снес бы, кабы тот не ушел от погони в лабиринте стеллажей...

К слову, напрямую с управляющим «Планеты» Вячеслав Андреевич практически не контактировал. Все вопросы решал с его заместителем по административно-хозяйственной части Ильей Романовичем Аршанским, бывшим завхозом какого-то универсама. В обязанности последнего, среди прочего, входила защита супермагазина от внешнего и внутреннего беспредела.

Защищал его Аршанский, естественно, не сам. Заключил договор с охранным предприятием. Дело в том, что магазин по закону не мог иметь собственную охрану. Есть специально обученные люди, с лицензией и оружием – вот будьте любезны их и нанимайте...

Многие руководители серьезных организаций, в том числе и супермаркетов, просто-напросто создавали собственные охранные конторы и их же для проформы нанимали. В этом был определенный резон: лучше иметь карманную, полностью подконтрольную охранную структуру, чем брать на службу «чужаков».

К «Планете» это не относилось. Так уж сложилось исторически. Первый хозяин, зажиточный немец, вложивший в магазин свободные капиталы, посчитал, что дешевле нанять охрану на стороне. Посоветовался со знающими людьми и обратился в предприятие с располагающим названием «Забота-сервис», созданное отставным милицейским генерал-майором. (Рекламный слоган фирмы звучал так: «Ваша безопасность – наша Забота».) Генерал, носивший сугубо ментовскую фамилию Глухарев, оценил перспективу и подписал пятилетний контракт, срок которого истек как раз в начале следующего года. В «Заботе» трудились в основном бывшие менты, по тем или иным причинам расставшиеся с органами. То есть охрана, говоря воровским языком, была «красной» и не пускала в свои сплоченные ряды публику с криминальным прошлым и отставных политиков. Ибо, по мнению генерала, политика без криминала – что деревенский сортир без дырки...

Впоследствии немец продал бизнес каким-то московским ребятам. Те ломать устоявшиеся правила не стали и договор не порвали. Тем более что «Забота» вполне достойно справлялась со своими задачами, а глухаревские лампы постоянно мелькали в авторитетной тусовочной среде.

Конечно, не все было идеально, но все идеально быть и не может. Генерал сразу и твердо оговорил, что ни в каких разборках, связанных с переделом собственности, выбиванием зависших долгов или с бандитскими наездами, «птенцы его гнезда» участвовать не будут. Короче, ни на «стрелки» ездить, ни пальцы гнуть, ни конкурентов мочить. «Забота» должна оправдывать свое название. Наши функции – охрана периметра, пресечение краж покупателями и персоналом, обеспечение порядка в торговом зале, чтобы граждане могли спокойно наслаждаться тратой денег и ни о чем больше не думать. Не нравится – ищите другую контору... Хозяева условия приняли.

Вячеслав Андреевич Чернаков устроился в «Заботу-сервис» год назад, когда вышел на пенсию по достижении сорокапятилетнего возраста. Оставаться в системе он не пожелал, хотя работу свою любил. Но система давно превратилась из правоохранительной в правоохрнительную и даже близко не походила на ту, в которую он когда-то пришел. Вернувшись из очередного отпуска в свой отдел, он застал в кабинете начальника молодого человека южных кровей. Юноша вальяжно развалился за рабочим столом шефа и на родном языке трепался с кем-то по мобильнику.

– Эй, паренек... Тебя кто сюда пустил?

Паренек отключил телефон, поднялся из-за стола и с сильным акцентом представился:

– Я новый начальник... Насруддин Насрулиевич. А ты кто?

– Если ты начальник, то я министр внутренних дел... Где Палыч-то?..

– Алексей Павлович перешел в другой отдел. Теперь я здесь главный. – Насруддин Насрулиевич показал удостоверение. «Старший лейтенант милиции, начальник оперативно-сыскного отдела...»

Убойные отделы в очередной раз переименовали. В оперативно-сыские.

– Выйди и доложи как положено!.. – гортанно велел новый начальник.

– Слышь, Насру... – вежливо начал Чернаков. – Шел бы ты сам отсюда...

«Киндер-сюрприз» недобро прищурился:

– И куда?!

Чернаков уточнил. Через час его вызвал замначальника райотдела по кадрам и провел воспитательную беседу о недопустимости посылать непосредственного руководителя в срамное место. Руководитель молодой, его добрым словом поддержать надо, на первых порах свое плечо подставить... А то обидится и будет плохо выполнять свои обязанности.

– А откуда он вообще взялся?

– Назначен приказом свыше... Очень перспективный... Два месяца в органах, а уже внеочередное звание досрочно получил.

Слово «купил» вместо «получил» замполит опустил. Как неpolitкорректное.

В общем, не выходя из кабинета, Чернаков написал рапорт на пенсион. И куда податься безработному менту? Идти торговать? Вряд ли получится. Желудок, может, и обрадуется, но сердце запротестует. В смысле – душа. Она, родимая, уже не перестроится... Значит, остается охрана.

В «Заботу» его взяли без вопросов. Подполковник милиции, двенадцать последних лет в убойном отделе. И, конечно же, теплые отношения с генералом, помнившим грамотного, писавшего почти без ошибок оперативника из района.

Генерал и предложил бывшему старшему оперу возглавить службу безопасности «Планеты-Хауз» – самого крупного объекта «Заботы». Имелось еще несколько объектов, но по прибыльности их нельзя было и близко поставить с супермаркетом. Практически весь личный состав «Заботы» трудился под крышей и на крыше «Планеты». Крышевал, в хорошем смысле этого слова.

– Бери «Планету», Славка! Лучше не найдешь!

– А там что, вакансия?

– Завтра же будет! – пообещал генерал. – Я этого Брошкина выгоню к чертям собачьим!..

Брошкин в то время работал начальником службы безопасности «Планеты».

– Совсем обнаглел! Ни одного задержания за месяц! Только аферы с уценками на уме! Дачу за год из казенных материалов себе построил! И это вместо того, чтоб несунув и карманников ловить!.. – Генерал распалялся все сильнее. Как будто левые доходы Брошкина задевали его лично, мешали нормально принимать пищу и спать. – Коллектив расслабился, охранники с продавцами сговариваются и товар тырят! Да еще премий требуют!.. А репутация страдает, авторитет падает!.. А ты наведешь порядок! Ты сможешь, я знаю! Ну что, берешь?..

– Давайте!

– Все, договорились. Пройди медкомиссию и пиши рапорт, в смысле – заявление. Лицензию охранную мы тебе за два дня оформим.

– А комиссию-то зачем?.. – удивился Чернаков.

– Порядок такой. Психдиспансер, наркология... Вдруг ты окончательно спятил в своем убойном отделе? Или «белочку» нажил?.. И кардиограмму сделай обязательно. Под нагрузкой... А заодно флюорографию, анализ крови и мочи.

– А это-то на хрена?

– Мы всем своим медицинскую страховку оформляем в европейской клинике, а те требуют анализы... Ну что, по коньячку? Французскому? Для очистки крови и совести, ха-ха-ха...

Генерал подмигнул. Он вообще слыл озорником. Одной из его любимых шуток было дарить на дни рождения подчиненных презервативы. В больших красивых коробках. Обойму из десяти патронов. При этом один он аккуратно вынимал. А где менты обычно справляют дни рождения? В кругу соратников, то есть на мальчишнике. Вечером ничего не подозревающий именинник возвращался в семью, взалб рассказывал о междусобойчике, выкладывал подарки. В том числе и симпатичную коробочку. Тут, собственно, и начинался юмор. «Мальчишник, говоришь?! А где один condom?! А?!» И селедкой по морде. Или тем, что под руку подвернется. Короче, всем весело. Особенно если дело доходит до развода и раздела имущества...

Говорят, в расцвете генеральской карьеры Глухарев приехал инспектировать школу милиции. Прибыл днем, прошел вдоль строя курсантов, потом проверил их быт, успехи в учебе и поведении. Дальше, как принято в ведомстве, был банкет в специальном гостевом кабинете. После банкета – здоровый отдых в казенной гостинице. Прилег на минутку передохнуть на коечку, да и уснул. Решили не будить и домой не отвозить. Пускай отдыхает их благородие... В три часа ночи их благородие просыпается и объявляет тревогу! Школьное начальство в трансе. Какая, на хрен, тревога, если ужин был вполне пристойным?! «А я ведь, старый дурак, с курсантами забыл поздороваться». Построили всех на плацу. «Здравствуйте, товарищи курсанты!» – «Здравия желаем, товарищ генерал-майор!» («Чтоб тебе под плац провалиться!») «Благодарю за службу! Вольно, разойдись!»

В общем, начальник «Заботы» был мужичком со странностями. Чем, кстати, весьма выгодно выделялся из серой массы командного состава ГУВД...

С анализами у Чернакова никаких проблем не возникло. Он еще разок посетил лабораторию при родной поликлинике ГУВД, еще раз с удовольствием прочитал предупредительную табличку на дверях: «Просьба отключать мобильные телефоны, они влияют на качество мочи».

А вот с кардиограммой вышел конфуз. Врач велела раздеться до пояса и быстро-быстро присесть двадцать раз. «Раз-два, раз-два, быстрее, еще быстрее! Теперь ложитесь на кушетку... Так, неплохо, неплохо. Поздравляю, у вас кардиограмма как у двадцатилетнего. Молодцом! Вставайте...»

Встать Вячеслав Андреевич не смог. Свело спину. Приседания разбудили застарелый радикулит, который засыпать категорически не пожелал. Заявление в «Заботу» будущий шеф по безопасности пришел писать в позе закрытого шлагбаума.

– Что случилось, Слава? – встревожился генерал.

– Кажется, коньячок у вас не французский... В печень дал. Не распрямиться.

Через неделю Вячеслав Андреевич все же распрямился и приступил к работе. Естественно, перед этим он устроил добровольно-принудительный банкет по поводу вливания в коллектив. Ну и заодно по поводу своего дня рождения, которое удачно пришлось на это же время. Генерал подарил ему традиционную коробочку и, отведя в сторону, выпил с ним один на один.

– Вот тут тебе, Славик, удачи желали, здоровья, счастья... Херню, в общем, всякую. А я тебе, как законченный реалист, честно и откровенно пожелаю материальных благ. Все мы скоро будем старенькими. Всех нас будут возить в колясочках... если доживем, конечно. Так вот тех, у кого много благ, – их будут возить быстро, а тех, у кого мало, – еле-еле, ха-ха-ха... Ностальгия-то по погонам не мучает?

– Есть немного.

– Пройдет... Чепуха это все! Ностальгируют те, кому плохо живется.

Коробочку с «патронами» опытный Чернаков оставил в сейфе...

До сегодняшнего дня особых претензий руководство «Планеты» ему не предъявляло. Даст Бог, и не предъявит. Хотя поначалу было трудновато. Брошкин, обиженный на несправед-

ливое увольнение, о тонкостях ремесла не поведал, приходилось самому шишки набивать. Коллектив охраны большой, четверть сотрудников – женщины. Попробуй найди подход к каждому, чтоб люди берегли хозяйский товар, как собственные кошельки. Кого-то пришлось выгнать, кого-то, наоборот, по кепочке погладить. Естественно, возникли трения и обиды на деспотизм. Но в конце концов все устаканилось. Ее высочество безработица воспитала народ лучше любого партийного собрания. Не хочешь работать?.. Не надо. Мы никого насильно не держим! Желающих на твое место – целая очередь, только свистни – мигом прибегут...

Обойдя зал и поздоровавшись с ночной сменой, отдохавшей на своих местах, Чернаков вновь скрылся в подсобных помещениях и поднялся к себе на третий этаж. Забрал из специального ящика перед дверью журнал учета происшествий и отчет за сутки. В предпраздничные дни магазин торговал до десяти вечера, а Вячеслав Андреевич покидал рабочее место в половине восьмого. Все, что случалось позднее, старший смены фиксировал в журнале. Старший дежурил круглосуточно, потом получал два выходных. В девять он придет на пересменку и доложит обо всем лично. Сейчас старший смены завтракал в кафе для сотрудников.

Чернаков поднес к панельке электронный бейдж. Дверь небольшого кабинета отворилась, пропуская хозяина. Сняв пальто, хозяин подумал, что неплохо бы поставить еще один обогреватель. Центрального отопления бережливые хозяева сюда не провели, и, несмотря на теплый декабрь, за ночь температура опускалась до десяти градусов. А если морозы под тридцатник врежут? Можно заливать пол и кататься на коньках.

Вообще, обстановка в кабинете была офисно-казенной. Никаких излишеств. Шкаф, стол, стеллаж с пухлыми папками отчетов, сводок и нормативных документов, небольшой телевизор, компьютер. Из украшений – схема эвакуации при пожаре, рекламный календарь с фотографией «Планеты-Хауз» и миниатюрные, но самые настоящие хоккейные краги, висящие за вращающимся креслом.

На столе стояли четыре монитора. С их помощью можно было обозреть практически любой уголок магазина. И даже (тс-с-с-с! совершенно секретно!) служебные туалеты. Такие же мониторы имелись в помещении старшего смены, но он, в отличие от начальника, за уборными наблюдать не мог.

Чернаков в свое время убедил Аршанского в необходимости оснастить сортиры секретными «глазками», найдя там пару использованных шприцов с характерными следами бурой жидкости. Персонал в «Планете» трудился разношерстный, попадались и зависимые от тяжелых наркотиков. К тому же именно в кабинках гальюнов нечистые на руку работники прятали под одежду украденный с прилавков товар, а «звенящие» бирки отрывали и спускали в канализацию.

Аршанский поначалу замахал руками.

– Вы что, Вячеслав Андреевич! Это ж неэтично! Ладно – в кафе или на складах, но в туалете?! А если узнает кто?.. Это ж скандал! По судам затаскают!

– Во-первых, Илья Романович, как показывает мировой опыт, в вопросах безопасности этично все. Во-вторых, мы никому не скажем. В-третьих, если кто случайно и заметит, объясним, что это ошибка проектировщика. Следить за оперативной обстановкой в гальюнах буду лично я, а меня, как вы понимаете, трудно чем-то удивить.

– Но я же тоже хожу в туалет!.. – нервно произнес Аршанский.

Чернаков мысленно усмехнулся. Он вдруг вспомнил какого-то британского лорда, который сказал, что не боится объективов и телекамер папарацци, потому что не делает ничего такого, чего не мог бы повторить при свидетелях.

– Камеры установим так, что унитазы в объектив не попадут. Можете облегчаться спокойно...

В конце концов Аршанский сдался. Чернаков пригласил знакомого инженера, и тот под покровом ночи сделал свое черное дело. Вячеслав Андреевич сдержал слово – унитазы в объ-

ектив не попали. На всякий случай инженер дал подписку о негласном сотрудничестве с ФСБ (проще говоря, стукачестве). Если общественность вдруг узнает о «глазках» в сортирах, она тут же будет проинформирована о тех, кто «помогает» самому популярному в народе ведомству.

Для страховки над унитазами были повешены предупредительные таблички «Внимание, в туалетах ведется скрытое наблюдение!». Естественно, все восприняли их как хохму, но в случае провала всегда можно на них сослаться. Какая хохма?! Все серьезно! Не нравится – милости просим на улицу, в платный сортир.

Туалетная слежка оправдала затраты на ее установку. Месяц назад Чернаков пресек продажу двух кило «стекла» – наркотических пилюль, добавляемых в лимонад для придания последнему особых вкусовых качеств. Очень популярная дурь в ночных клубах. Выпиваешь – и ни в чем себе не отказываешь... Один из продавцов торговал ею прямо в «Планете», в качестве прилавка выбрав туалетную кабинку. А про несунов и говорить нечего! Вячеслав Андреевич набил руку, вернее, глаз и без труда отличал человека, честно справляющего нужду, от воришек, прячущих в нижнем белье товар. Последних брали на специальной рамке для персонала, и они потом долго ломали голову, где могли засветиться.

Иногда в кабинках занимались любовью по-походному, но в такие моменты Чернаков без промедления отключал монитор, не мешая людям. Любовь не влияла на безопасность, зато поднимала у сотрудников рабочее настроение. Пускай занимаются! Производительность труда повысится.

Что касалось «секреток» в торговом зале, то денег на их установку Чернаков не жалел. Естественно, хозяйских денег, хотя те, несмотря на масштабы предприятия, придерживались старого буржуйского правила – где можно не платить, лучше не платить. Средства на безопасность они выделяли с таким скрипом, что он был слышен за километр от «Планеты». Приходилось убеждать и доказывать математически, с калькулятором в руке. В итоге «секреток» натыкали столько, что можно было без проблем проследить за человеком, идущим по залу в любом направлении, да еще с разных точек.

Вячеслав Андреевич уселся за стол, достал из ящика упаковку просроченного анальгина и проглотил пару таблеток. Голова немного гудела. Накануне он заскочил в клуб ветеранов милицейского райотдела, называемый в народе «Клубом Черных Подполковников». Раз в неделю там собирались вышедшие в отставку или на пенсию коллеги и их бывшие начальники, парились в баньке и жадно общались о театральных премьерах, книжных новинках, модных выставках, Интернет-сайтах и политике. Иногда наизусть читали стихи, в основном незабвенного Баркова. В процессе обсуждения кто-нибудь бросал условную фразу: «Ну что?..» После чего на столе вырастала горка из мятых купюр мелкого и среднего достоинства, которую через минуту обменивали у банщика на водку и символическую закуску. Стихи заканчивались, началось «Гип-гип-ура-а-а!».

Чернаков заходил в клуб примерно раз в месяц, в обсуждении театральных премьер старался не участвовать, приводя один и тот же аргумент: «Ну зачем обязательно нажираться? Можно и в города поиграть». Плохо, когда на следующее утро коллектив супермаркета видит начальника службы безопасности с мешками под глазами и улавливает неприличный выхлоп. И, соответственно, не чувствует себя в полной безопасности.

Но вчера один из завсегдатаев проставлялся по поводу пятидесятилетия и ссылаться на «города» было неуместно. Именинник, сидевший за столом рядом с Чернаковым, без устали подливал, требуя пить непременно до дна. «И пусть в моей жизни будет столько дерьма, сколько капель останется на дне этого бокала... И пусть в моей жизни будет столько женщин, сколько капель останется... Э-э!!! Не пить! Лучше споем! Нашу, ментовскую. „Та-га-нка, где ночи полные огня-я-я...“»

По пути домой Вячеслава Андреевича тормознул гаишник, уловивший в движениях машины некоторую неустойчивость на трассе. Чернаков, опустив стекло, показал милицейское

пенсионное удостоверение, которое, как правило, выручало на дорогах. Гаишники понимали – рано или поздно сами выйдут на пенсию.

– Пили?

– Нет, – честно соврал пенсионер, – просто утомился.

– А почему это вы не пили, а я пил?

Тут Вячеслав Андреевич заметил, что глаза у стража дорог блестят несколько ярче, чем это положено по уставу.

– Пройдемте в мою машину!..

Гаишник подмигнул, кивнув на своего расписанного гербами четырехколесного друга.

– Угощаю! А то мне одному несподручно, а напарник приболел... Праздник у меня... Развелся.

– Поздравляю. Но извини, старик... Спешу... На работу утром.

Наверное, сейчас вместо анальгина более эффективно помогли бы пятьдесят граммов коньяку с лимоном, но Чернаков поклялся себе на пенсионном удостоверении, что на работе ни-ни... Даже в оздоровительных целях. Плохой пример детям.

Он откинулся в кресле, минуту-другую посидел с закрытыми глазами. Состояние стабильно тяжелое, грозит перейти в стабильно мертвое. Тьфу-тьфу!

Вячеслав Андреевич поднялся, включил чайник, вернулся за стол, влез в очки (старость не радость!) и раскрыл папку.

Все как обычно. Два задержания на рамке. Мелочевка. Рулетка за сорок пять рублей и мыльница за сотню. Пойманы водитель АТП и инженер-технолог. Якобы забыли оплатить. Проведена профилактическая беседа, оба отпущены, товар оплачен, милиция не вызывалась...

Да и то: чего людей зря смешить? Даже если бы и вызвали, никто бы все равно не приехал. «Палки» на такой ерунде не срубишь, разбирайтесь сами. Вот если ущерб на тысячу или хотя бы рублей на пятьсот, приедем с радостью, халявные раскрытия кому ж помешают?..

Чернаков, когда вступил в должность, побывал в местном отделе, познакомился с начальством, распил представительский презент, короче, навел мосты. Начальство против взаимодействия не возражало, деликатно попросив заодно отреставрировать дежурную часть, взамен пообещав присылать наряд по первому требованию. Если будет свободная машина. «То есть вам еще и машину подарить?» – «Нет-нет, что вы... Но если вдруг будет такая возможность, не откажемся. Не корысти ради ведь просим, но для государства родного...»

Если же ущерб не дотягивал до обозначенной в законе суммы, никто не приезжал. Даже когда у задержанного было восемь судимостей в активе. С такими приходилось разбираться самим. Тройную стоимость украденного в кассу – и свободен. Иначе сообщаем властям. Как правило, платить штраф никто не отказывался. Лучше заплатить, чем прослыть в обществе мелким вором.

Такие действия были, по большому счету, «махновскими», незаконными, штрафовать мог только судья, но не оставлять же несознательных господ совсем без наказания? Они ведь тогда снова захотят что-нибудь «забыть оплатить».

В особую категорию входили kleптоманы. Некоторых Чернаков уже знал в лицо. Здесь были представители самых разных социальных групп. И женушки магнатов, и нищие интеллигенты, и даже творческие люди. И воровали они всякую ерунду, вроде автомобильных освежителей воздуха или ситечек для чая. Вели себя они тоже по-разному. Кто-то плакал, кто-то грозил уволить всю охрану, кто-то клялся, что просто забыл заплатить. В восемнадцатый раз... Особых карательных мер к ним не применялось. Так, очередная профилактическая беседа. Бесполезно – больные люди! Все равно будут тырить, хоть руки скотчем свяжи или охранника к каждому приставь. Да и ущерб от них копеечный. Гораздо меньший, чем от команд, специализирующихся на кражах из супермаркетов. И ладно б простые уголовники бомбили! Мода пошла среди молодых бездельников – пары заключают, кто больше товара из магазина

утащит. Причем публика не бедствующая, есть детишки серьезных родителей. Экстрима на задницу хочется, энергию уродам девать некуда. Одного такого прихватили – тут же папашка примчался. Прямо с заседания совета директоров. Провел с сыном воспитательную беседу в кабинете Чернакова. «Не умеешь воровать – не воруй! Я из тебя не для того человека делал, чтобы ты на рамке зазвенел! Еще раз зазвенишь, объявлю экономическую блокаду! Денег на карманные расходы не получишь!»

... Что дальше? Скандал на кассе. Ошибка кассира. Сосчитала фильтр для воды, который человек не покупал. Дома тот проверил чек и вернулся с претензией. ... Бывает. Техника под вечер дает сбой, кассиры тоже устают. Либо клеят на торец стола левый штрих-код, а потом незаметно проводят по нему сканером. Как правило, те, кто накупил целую корзину, чек не сверяют. А уж как потом лишние деньги из кассы выудить, продавец придумает. ... В общем, надо разбираться, случайна ли ошибка.

Угон машины с парковки. ... Что-то много их в последнее время. Только за декабрь восемь штук.

Охрана паркинга не входила в обязанности службы безопасности «Планеты». Паркинг – территория муниципальная, все претензии – к милиции. Но, с другой стороны, угоны негативно влияли на имидж магазина. Покупателей такая реклама не привлекала. Как-то у западного консула тачку умыкнули – шумихи на весь город было. По всем каналам пропиарились. В итоге – снижение объема продаж. Зачем ехать туда, где машины угоняют? Слава Богу, «Планета» – не единственный супермаркет в городе, они сейчас растут, как черномыльские грибы, – один больше другого. Гиперы, мега. ... Кстати, местные пацаны сориентировались быстрее всех – предлагали покараулить ваше авто за червонец.

На этом все...

На самом деле не все. Некоторые вещи не заносились в журнал. Например, то что касалось работников.

Чернаков взял следующую папку. Претензии персонала магазина к охране. Журнал был заведен по настоянию Вячеслава Андреевича. Охранники не идеальны, могли поддаться на службе, особенно в отсутствие начальства. Или отказать в просьбе продавца проверить того или иного покупателя. Или просто нагрубить. Раньше обиженные бежали жаловаться к руководству магазина. Руководство, не разобравшись, накатывало на Чернакова. Теперь же любой мог оставить претензию в журнале, и шеф СБ сам разбирался со своими бойцами, стараясь быть объективным, но не предвзятым. Провинившихся не выгораживал, из-за чего нажил немало врагов. Но если человек не понимает нормального разговора и в третий раз подряд закладывает на службе за воротник, что с ним прикажешь делать? Свободен. Армия безработных нуждается в надежных кадрах. Можете жаловаться и обращаться в суд.

За вчерашнюю смену претензий к охране не было.

Чернаков убрал папку в стол, подошел к зеркалу, поправил полосатый галстук, подаренный дочерью с зятем на сорокапятилетие, окатил себя мощным зарядом терпкой туалетной воды, опасаясь, что подчиненные уловят выхлоп банной водки.

В дверь постучались. В кабинет вошел старший смены Стас Доценко, отдежуривший сутки. Его Чернаков переманил из «карманного» отдела ГУВД. Вернее, тот и так собирался уходить – с ментовской зарплатой сам начнешь карманы щипать. Здесь, в «Планете», тоже особо не пожирешь, доход всего в два раза больше, но зато работа сутки через двое, можно еще где-нибудь подхалтуривать. Да и ответственности поменьше. Первое время Доценко, как специалист по борьбе с карманной тягой, работал детективом в зале, но вскоре пошел на повышение, стал старшим смены.

Всего в подчинении Чернакова было три старших смены. Они непосредственно руководили охранниками и отвечали за безопасность магазина в отсутствие шефа. Если сам Черна-

ков, по терминологии «Крестного отца», являлся местным «доном», то старшие смены – его «лейтенантами», «капо режиме». Сидели они в своем кабинете на первом этаже.

Доценко стукнуло тридцать четыре, пенсию в отличие от Вячеслава Андреевича он не нажил, поэтому работой дорожил, ибо, кроме ловли щипачей, ничего больше не умел. А кому нужны такие узкие специалисты? Только охранным структурам, да и то не всем.

Щипать карманы в супермаркете сам Бог велел. Вернее, он-то как раз и не велел, но тем не менее карманы интенсивно щипали. Каждые день (и не единожды) к охранникам подбегали зареванные дамочки и трясли разрезанными сумочками или пакетами. Таблички: «Не оставляйте свои вещи без присмотра» и «Берегите карманы» не помогали. Оставляли, оставляют и будут оставлять! Да еще положив на купленный товар «лопатник», словно напоказ.

«Карманной тягой» зарабатывали себе на укол насущный в основном выходцы южных республик или цыгане, реже наши. Когда в «Планете» появился Доценко и прихватил за задницу парочку умельцев, лидеры щипачей заявили Чернакову протест, иными словами, попытались договориться, чтобы тот за определенную плату не мешал им спокойно трудиться.

– А на шухере вам постоять не надо, уважаемые?

Уважаемые огорчились, но от божьего промысла не отказались. Правда, и козней, вроде минирования машины, Чернакову не устраивали. Стас предлагал отвезти какого-нибудь пойманного джигита в лес и провести профилактическую работу с ломанием пальцев или ребер, чтобы другим неповадно было. Но шеф не разрешил. В ответ в витрину «Планеты» могла влететь граната или, как минимум, «молотов-коктейль».

– Привет, Стас. Присаживайся.

До начала оперативки оставалось еще десять минут, Стас зашел раньше. Видимо, есть что сказать.

Стас опустился на один из стульев, рядом стоявших вдоль стены. На нем тоже была униформа. На ремне, в черных кобурах приютились два пистолета – газовик и «Иж-71». Тот же «макаров», только пуля полегче. Если охранникам понадобится огневая поддержка, старший вступит в бой. Сам Чернаков оружия не таскал. Каждое утро ездить в оружейку получать, затем сдавать... Суета сует. Да и зачем оно ему на объекте? Для защиты от врагов, нападающих вне объекта, он купил с премиальных «Осу» – четырехзарядный пистолет с резиновыми пулями. Ключка не всегда может оказаться под рукой, а враги на каждом шагу.

– Как ночь прошла?..

– Нормально. Не беспокоили... Тачку вечером опять сдернули. «Тойоту».

– Я читал. Кто хозяин?

– Без понятия. Но крику много было. Минут на десять всего зашел, порошок стиральный жена попросила купить.

– Тачка застрахована?

– Да.

– Может, сам?

– Вряд ли... Тачки действительно «уходят»... Но это не наши головняки, пусть менты ищут... У нас другое. Я ночью за компьютером посидел. Кассирша одна, похоже, со скидками блудит. Надо бы закупочку сделать.

– Молодая?..

– В смысле возраста?

– В смысле стажа.

– Третий месяц у нас. После курсов. А так, тридцать лет, бывшая медсестра из Мариинской больницы. Вот распечатка...

Стас протянул Чернакову лист с цифрами. Тот пробежал глазами столбцы. Да, почти каждая крупная покупка шла с «золотой» десятипроцентной скидкой, максимальной из всех

предусмотренных в «Планете». Можно, конечно, предположить, что кассиру «везло» на обладателей дисконтных карт, но, как правило, подобное везение было организовано им самим.

Дело в том, что некоторые работники, в том числе и кассиры, вместо премий получали дисконтные карты с максимальной скидкой, чтобы сами могли затариваться в магазине по низким ценам. Но какой русский не возведет обычную халяву в третью, а то и в пятую степень?.. Соображалка, как говорит сатирик Задорнов, устроена у наших людей правильно.

Допустим, к кассе подходит покупатель, набравший товара тысяч на двадцать – тридцать, не имеющий пока никакого дисконта. Заботливый продавец предлагает – не желаете ли воспользоваться хорошей скидкой? Но с маленьким откатом – рублей пятьсот мне за услугу. Кто ж откажется? Или ничего, или тысяча-другая экономии. Конечно, желаю!.. Кассир прокатывает свою персональную карточку, и оба довольны. А иногда и вообще покупателя не спрашивает. За месяц к основной зарплате можно «напрокатывать» небольшую добавку, которая в три-четыре раза превысит саму зарплату.

В принципе, ничего противозаконного в этом не было. В стоимость большинства товаров заложена и возможность скидки, но магазин все равно несет убытки. Ладно б если откат возвращался в кассу, но он же остается у кассира! Если все начнут химичить подобным образом, придется отменять дисконтные карты или торговать себе в убыток.

Опытные кассиры не злоупотребляли этим фокусом, понимая, что все операции фиксируются в компьютере и, если что, их легко просчитать. Так, баловались раз-два в месяц, не больше. Те, кто понаглее, прокатывали карточку на каждом втором покупателе. Поди докажи, что это не совпадение!..

Поэтому для таких работников приходилось устраивать контрольные закупки. Кто-нибудь из подставных набирал товара баксов на пятьсот – тысячу и становился в нужную кассу. С пойманным за руку кассиром проводилась беседа о недопустимости пользоваться добротой хозяев предприятия. И если это хоть раз повторится, приговор будет суров, но справедлив. Всеобщее презрение и пожизненное лишение возможности переступить порог нашего супер-магазина. И вообще – когда-либо сесть за кассовый аппарат. Рекламу обеспечим.

В большинстве случаев беседы хватало: кассиры дорожили своими рабочими местами. Дисконтная карта у них, разумеется, отбиралась.

– Хорошо, сделаем, – кивнул Чернаков, убирая распечатку в стол. – Что-нибудь еще?..

– Да нет, все спокойно. Ночью «объемник»⁵ в зале шесть раз сработал, еле врубились в чем дело.

– И в чем?..

– Цветок на кассе стоял. В горшке. Он, оказывается, по ночам листья распускает, собака. Вот лист в луч и попал...

– Зато не спали!.. – ухмыльнулся шеф СБ.

– Да мы и так не спим. Почти... Да вот еще... Не знаю, может, и ничего страшного...

Чернаков насторожился. Стас никогда не поднимал панику на пустом месте.

– Ну? Не томи!..

– Вчера парочка одна по залу болталась, – словно нехотя начал Доценко. – Мужик с бабой. Лет по тридцать обоим. Я случайно их приметил. Мужик бабу на мобильник фотографировал.

– И что? – не понял Чернаков.

– Во-первых, у нас на дверях предупреждение, что снимать ничего нельзя, во-вторых, если бы он ее на фоне какой-нибудь елки или деда-мороза фоткал, я б еще понял, а то в отделе красок. Причем, в таком месте, где «секреток» нет. Я Мишу попросил их до кассы проводить и на улице посмотреть. В общем, они целый час по залу ползали, по сторонам глазели, а купили

⁵ «Объемник» – датчик охранной сигнализации, реагирующий на движения в замкнутом помещении.

две банки с краской. Потом сели в джипарь и укатили. Миша номерок на всякий случай записал.

Стас положил на стол небольшой листик с номером.

– Может, конечно, просто от безделья слонялись, а может, и высматривали чего.

– Хорошо... Спасибо.

Чернаков спрятал бумажку в ежедневник. Скорей всего, молодые люди действительно просто слонялись, Стас перестраховывается, но инициативу сотрудников надо приветствовать.

...В течение пяти минут в кабинет подтянулась новая смена. Дневные и суточные охранники, старший наряда и его помощник, два детектива. Последние были без формы. По понятным причинам. Их задача – выявлять несунув в зале и передавать информацию на контроль. Работали они тоже посменно. Два дня одна пара, два – другая. Они старались не светиться среди персонала, обедали не в служебном кафе, а за пределами магазина. Трое из детективов когда-то служили в оперативно-поисковом управлении, в службе скрытого наблюдения. Выйдя на пенсию, продолжили филерскую деятельность. Под видом покупателей гуляли по залу и высматривали расхитителей капиталистической собственности.

Четвертый детектив, Толик Бушуев, самый молодой из всех, трудился до «Планеты» опером в местном отделе милиции. Из всех детективов именно с ним у Чернакова сложились наиболее доверительные отношения. Несмотря даже на пятнадцать лет разницы в возрасте. Толик, как и Вячеслав Андреевич, ко многим вещам относился иронично. Причем ирония эта была в допустимых рамках и всегда по делу.

Собственно, ирония и стала причиной увольнения Бушуева из органов. Как-то он пошутил над самым святым – показателями. Надоело ему сочинять всякую чушь в постановлениях об отказах в возбуждении уголовных дел, говоря проще – «отказниках». Что у потерпевшего, к примеру, не украли кошелек, а он сам его якобы посеял, что дамочку не изнасиловали, а она сама дала... И прочие чудесные, но маловероятные истории.

В итоге, как-то раз мучаясь над очередным постановлением, плюнул и хохмы ради напечатал все честно и откровенно. Вышло примерно следующее: «Тогда-то, тогда-то в отдел милиции обратился гражданин Тютюнин с заявлением о краже из его квартиры личного имущества – ювелирных украшений, видеокамеры и фотоаппарата. Дверь квартиры имела следы взлома. Проведенными оперативно-розыскными мероприятиями установить местонахождение указанного имущества не представилось возможным. Однако, учитывая, что в отделе крайне низкая раскрываемость квартирных краж, на совещаниях руководство отдела получает за это по фуражке, личный состав лишается премий, а главное, один хрен, ничего не найдем, постановил: 1. Уголовное дело по данному факту не возбуждать, розыск имущества Тютюнина прекратить, материал сдать в архив. 2. Заявителя о принятом решении уведомить устно, послав его подальше...»

Ко всему прочему Бушуев извратил и фамилию потерпевшего, превратив ее из Тюнина в Тютюнина.

Впопыхах напечатав потешный «отказник», он сунул его в материал вместо нормального постановления. Начальник, не глядя, подмахнул и переправил его в прокуратуру для утверждения. Но там хоть иногда, но постановления читали. Прокурор чуть со стула не рухнул от подобного цинизма и наглости. Иронии он не понимал напрочь. Сразу два дела возбудил. Первое по факту кражи у посланного Тюнина-Тютюнина, второе – в отношении оперуполномоченного Бушуева. Почему-то за превышение должностных полномочий и халатность.

Начальник отдела, неосмотрительно подмахнувший «отказник», отделался пятым кряду «неполным служебным», а Толику, невзирая на его прошлые заслуги, предложили искать место в другом подразделении.

В этот момент жизнь и свела его с Чернаковым, подбирающим четвертого детектива в свою бригаду. Толик особо долго не раздумывал: в «Планете» никаких «отказников» сочинять

не надо. Правда, показатели все равно существовали – без них никуда, даже в частном секторе. Надо же как-то работу сотрудников оценивать.

Бушуев оказанное доверие оправдал, план по несунам делал исправно, не хуже опытных филеров. Да и вообще парнем был сообразительным и толковым, Чернаков пока не жалел, что взял его в команду. Но предупредил, что хохмить с покупателями не следует, покупатель, как говорил основатель крупнейшей сети американских супермаркетов «Вал-Март» Сэм Уолтон, – наш единственный Бог.

Толик не хохмил, правда, поначалу ударился в другую крайность. Как-то Чернаков застал его в самом темном углу склада. Бушуев рулоном финских обоев вдохновенно дубасил по почкам какого-то волосатого, студенческого вида юношу, прикованного к трубе наручниками. При этом в общедоступных народных выражениях убеждая последнего не появляться больше в «Планете» под угрозой лишения жизни. Юноша умолял оставить ему хотя бы одну почку и клялся, что воровать больше не будет. От потери здоровья парнягу спасло появление начальника службы безопасности.

– Что он украл? – спросил Чернаков.

– Набор отверток.

– Я бы заплатил... – промямлил прикованный, потирая свободной рукой бок.

– Хотел бы заплатить, положил в корзину, а не в карман. Я тебя, вонючка, давно срисовал, через день у нас шатаешься!

– Идите, молодой человек, – отстегнул страдальца Чернаков. – И постарайтесь больше не путать карман с корзиной.

Когда волосатик, вытирая сопли, исчез в зале, начальник накинудся на детектива.

– Ты чего творишь-то?!

– Так воруют, Андреич! По беспределу! – Толик положил рулон на стеллаж. – Приходится обоями воспитывать. Они ж, крысы, добрых слов не понимают. Зато остальным урок.

– Твое дело их на кассе брать, а не морды на складе бить! Хочешь воспитывать – воспитывай на стороне в личное время.

– Я морды и не бью. Только по почкам. Никаких следов.

Видимо, работа в милиции научила Толика не только хорошему.

– Ты нам такую рекламу устроишь – на весь Питер прогремим! Еще раз застукаю, пойдешь периметр охранять. Или вообще турну.

– Я чего, для себя стараюсь? – обиделся тогда Бушуев, но впоследствии со славными ментовскими традициями все-таки завязал. «Переломался», как говорят наркоманы.

Вячеслав Андреевич провел дежурный инструктаж личного состава, попросив быть внимательней в предпраздничные дни, – самую жаркую пору для службы безопасности. Вообще, сейчас она жаркая не только поэтому – на дворе зима, покупатели ходят в куртках и пальто, под которыми можно вынести гораздо больше, чем под пиджаком или жилеткой.

– Вопросы есть?..

Вопросов не было, народ разошелся по рабочим местам. Бушуева начальник попросил задержаться.

– Толя, вчера машина с парковки опять «ушла». Дело, конечно, не наше, но авторитет падает. Чувствую, одна команда работает. Свяжись с «восьмым»⁶ отделом, подкинь тему. Пускай покрутятся.

– Если захотят.

– Пообещай премию к Новому году. Деньги найдем. И передай Тимохину, чтоб одну камеру вывел на парковку. На всякий случай.

– Может, парочку?

⁶ Восьмой отдел – отдел управления криминальной милиции по борьбе с хищениями автотранспорта.

- Одной хватит. Но пускай включит запись. Хотя бы до Нового года, пока наплыв народа.
- Хорошо.

– Да, подыщи человека для контрольной закупки. Кассирша одна с дисконтами шалит. Завтра проверим.

– Понял... Андреич, кстати, насчет премий. Нам выпишут что-нибудь к католическому Рождеству? Или только к православному?..

– Надеюсь. – Чернаков неопределенно пожал плечами. – Я, во всяком случае, список отдал.

– Аршанскому?..

– При чем здесь Аршанский? Глухареву. От Аршанского по бутылке шампанского и календарiku получим. А то и вообще ничего.

– Могли бы и две бутылки подарить. Мы им на пятьдесят «тонн» в месяц товара возвращаем.

– Они нам за то и платят... – резонно заметил шеф СБ. Но заметил, скажем так, по педагогическим мотивам. Он и сам считал, что руководство «Планеты» – редкостные жмоты.

– Кстати, Пингвин вчера нас навещал, – сменил тему Бушуев. – В начале девятого.

– А он не сидит разве? – хмыкнул Чернаков. – Мы ж его еще в мае прихватили.

– Дело прекратили. То ли по болезни, то ли просто внаглую.

Пингвин, или Аркаша Пингвинов, был лидером одной из команд магазинных воров. Внешне он действительно походил на пингвина. Маленького, жирного. Но бегал резво, быстрее антилопы гну. У него была коронная фраза, которую он любил повторять в кругу близких по духу персон: «Мне чужого не надо, я на краденом проживу!»

– Поговорил с ним?

– Зачем? Просто походил. Полчаса он по залу ползал, купил мелок от тараканов и свалил. На рамке не зазвенел.

– Точно ничего не вынес?..

– Гарантирую. Его Боря на входе срисовал, сразу мне передал, а я его ни на секунду не терял. А Стас по «секреткам» вел. А мелки, говорят, сейчас наркоманы покупают. Растолкут и нюхают. Торкает не хуже кокаина. Правда, рожа потом опухает. Но им же не в кино сниматься. Может, и Пингвин «подсел»?

– Ладно, ступай в зал.

Когда Бушуев закрыл за собой дверь, Чернаков ослабил галстук и, откинувшись в кресле, закрыл глаза.

«Пора заканчивать с чтением стихов в клубе. Не мальчик, силы уже не те. Организм поэзию отторгает».

* * *

Стеклянные двери «Планеты», украшенные разноцветными снежинками, плавно разъехались. Молодая женщина лет двадцати пяти выкатила на улицу тележку, доверху нагруженную тяжелыми пакетами с купленным товаром, – коробками стирального порошка, туалетной бумагой, средствами для посудомойки и всевозможными рождественскими сувенирами для родственников и друзей. Новенький пятый «Фольксваген-гольф», подаренный на день рождения мужем, дожидался ее на стоянке перед супермаркетом. Женщина перегрузила пакеты в багажник, недовольно посмотрела на забрызганный грязью капот. Ужас что за погода! Только вчера машина из мойки, и снова гнать надо...

К ней подскочил неопрятный мужичок с рюкзаком в руке и предложил приобрести щетки для авто. Родные, прямо из Германии, знакомый моряк привез. Цены ниже, чем на рынке.

Женщина отказалась, кошелек мужа позволял покупать нормальный товар в фирменных магазинах, а не у всяких сомнительных личностей.

Шопинг был ее основным увлечением. После посещения сра-салонов, конечно. А теперь, когда у нее появилась машина, увлечение перерастет в большое и сильное чувство. Женщина предпочитала для походов в магазин утренние часы, когда без толчеи и суматохи можно прогуляться вдоль стеллажей, спокойно рассмотреть товары, выпить чашечку «эспresso» в кафе. «Планета» был одним из ее любимых магазинов хозяйственных товаров. Многие продавцы узнавали ее в лицо. Приветливо улыбаясь, они рассказывали о новинках и охотно советовали, какому бренду отдать предпочтение. Естественно, у нее был максимальный дисконт, что делало посещение супермаркета особенно приятным. Странное дело – иногда она, не задумываясь, выкидывала на какую-нибудь безделушку три сотни долларов, но при этом радовалась как дитя, что смогла сэкономить тридцать баксов. Наверно, для этого и придуманы дисконты. На рынке, например, нет никаких дисконтов, но разве там получишь удовольствие от суммы скидки на чеке?..

Женщина уселась за руль, нежно закрыла дверь, подвела помадой губы, посмотревшись в салонное зеркало. Включила зажигание. Машина бесшумно завелась. Выезд загородила грязная «шестерка» с надписью «СИРОТА» во все заднее стекло. Женщина не поняла юмора, она не особо следила за событиями в стране и не знала, что «Жигули» шестой модели сняты с производства. Она посигналила, и «сирота» освободил дорогу.

Дама проехала мимо входа, полюбовавшись елкой. Молодцы, не бездушное пластмассовое дерево поставили, а настоящее привезти не поленились. Не то что в других магазинах...

Ехала она осторожно, поскольку получила права всего две недели назад. По дороге домой вспоминала, что забыла купить, и прикидывала, в какие шопы еще успеет сегодня заехать. «Планета» располагалась довольно удачно. На выезде из города, но недалеко от их дома. Никаких пробок... Потом дама принялась фантазировать, какие конкурсы и розыгрыши устроит в новогоднюю ночь. Они с мужем решили не заказывать место в ресторане, а пригласить друзей домой. Это гораздо веселее, чем слушать казенные шутки и тосты нанятого ведущего или танцевать среди незнакомой публики. Никакого драйва.

Естественно, женщина не заметила, как следом за ней от супермаркета отъехала невзрачная «четверка» с треснутым лобовым стеклом и пристроилась метрах в тридцати. Дама въехала во двор, остановила машину возле подъезда. Дом был хороший, «сталинский ампи́р», но двор самый обычный, без охраны и шлагбаума, хотя муж предлагал жильцам установить пост. Но половина жильцов представляла рабочий класс, которому, как известно, кроме прописки, терять нечего. От кого им, скажите, прятаться за шлагбаумом?..

На ночь машину приходилось ставить на стоянку, находящуюся в полукилометре, а днем она просто бросала ее под окнами.

Чтобы не ходить туда-сюда-обратно, женщина решила поднатужиться и унести пакеты за один раз. Своя ноша не тянет, до лифта как-нибудь дотащит. Муж совершал очередной трудовой банкирский подвиг, иначе она бы позвонила ему на мобильник, и он бы встретил.

Захлопнув багажник, она отряхнула бутиковые джинсы, подняла пакеты и медленно направилась к подъезду.

Но сделать успела только пару шагов. Слева мелькнуло что-то темное, по форме напоминавшее бейсбольную биту, и в следующую секунду жестокий удар в висок опрокинул ее на снег. Женщина вскрикнула, но тут же в мозгу раздался щелчок, и картинка исчезла.

– Ключ в куртке! Да не здесь! В левом кармане!.. Быстрее! – Руки в матерчатых перчатках обшарили карманы лежащей без движения жертвы.

– По-моему, ты ее кончил. Насовсем.

– Да и хрен с ней! Шевелись, пока никого!

Парень достал ключ, пикинул сигнализацией – «гольф» весело подмигнул фарами. Второй открыл дверь, бросил за заднее сиденье битую и прыгнул за руль:

– Валим.

Окатив стену дома смесью снега и грязи, машина сорвалась с места и, свернув за угол, выскочила на проспект. Следом, но, уже не спеша, со двора выехала «четверка» с треснутым стеклом.

Возле дверей подъезда осталась лежать женщина. Рядом с ней валялись пять белых пакетов с эмблемой «Планеты-Хауз». Из одного вывалилась рыжая плюшевая собачка – символ наступающего Нового года.

* * *

В торговом зале вещала коммерческая радиостанция. Динамики были расставлены так, что музыка звучала в самых отдаленных от входа уголках зала. Соответствующий репертуар поднимал покупателям настроение. Раньше музыка ставилась по вкусу дежурного администратора. Палитра вкусов была самой разной – от забубенного «русского шансона» и эйсид-джаза до фанка и голимой попсы.

Однажды разразился жуткий скандал. В одну из суббот, когда в магазине было полно покупателей с детьми, кому-то пришлось в голову поставить творение группы «Ленинград». Все бы ничего, но одну из песен веселый матюжник Шнур начинал прямо с задорного выкрика: «Мамба-х...ба!» Мамочки с папочками нервно схватились за сердце, а в кабинет управляющего прорвалась старушка-пенсионерка. Как потом выяснилось, бывший преподаватель русского языка и литературы...

Этот инцидент переполнил чашу терпения. Управляющий решил, что все надо использовать с максимальной выгодой и заключил договор с одной из коммерческих радиостанций – ставить в эфире только ее волну. Взамен станция бесплатно рекламировала «Планету». И магазину выгода, и радиостанции – иные покупатели приходят в супермаркет часа на два, на три, иногда всей семьей, словно в театр, и все это время их сопровождает музыка и реклама, запускаемая в эфир конкретной станцией.

Чернакову эта музыка не очень нравилась, реклама еще меньше, но, в отличие от охранников, он мог укрыться от радиостанции в кабинете. Сейчас, когда он обходил посты, гнали новости. Про газовый конфликт между Россией и Украиной. Потом перешли к спортивной теме – кого планирует приобрести «Зенит», вернее, его генеральный спонсор «Газпром».

«Цинизм высшей пробы! – усмехнулся Вячеслав Андреевич. – На деньги, вырученные „Газпромом“ от поднятия цен на газ, купить для „Зенита“ украинского форварда Андрея Шевченко... Пусть играет в кубке УЕФА против киевского „Динамо“ или „Шахтера“».

Народу для полудня было прилично, что, в общем-то, естественно – близились праздники. Детективам приходилось тяжело, хорошо бы пробить еще пару должностей. Предупреждающих табличек, что вас снимает скрытая камера, нигде (кроме туалетов) не висело. Хотя (в теории) это должно нервировать потенциальных воришек и пробуждать желание жить честно. Но управляющий запретил их вешать. Мол, большинство покупателей – люди условно честные, и оскорблять их подозрением нельзя. Обидятся и перестанут ходить в магазин!

По той же причине сумки на входе сдавать было не обязательно. Конечно, имелась и камера хранения, и объявление с просьбой сдавать сумки, но если человек не желал сдавать, никто не мог его заставить. Заявит потом, что у него десять тысяч баксов в камере хранения пропало, и придется платить.

Никакой охранник, согласно законам демократии, не вправе обыскивать человека, выходящего с сумкой. Даже если сработает сигналка на рамке, можно только вежливо предложить: «Простите, не покажете ли, пожалуйста, ворюга поганый, что у вас в сумочке? Сами. Не товар

ли наш, случайно?» Но если человек откажется, то все – до свидания! Конституция. Гарант свобод. В том числе и свободы выноса из магазина итальянского средства для чистки унитазов.

Вячеслав Андреевич переживал все это весьма болезненно – с него требовали показатели, но при этом связывали руки.

Звонок мобильного застал его в отделе сантехники. Звонил Аршанский, заместитель управляющего по административно-хозяйственной части.

– Вячеслав Андреевич, поднимитесь, пожалуйста, к Леониду Леонидовичу.

– Что-нибудь случилось?

– Не знаю, он хотел бы с вами поговорить.

Странно, управляющий супермаркета Леонид Леонидович Тагиров никогда не вызывал начальника службы безопасности. Не его уровень. Все проблемы решал его зам Аршанский.

«Ху-ху-ху-е, я скучаю по тебе...»

Кабинет управляющего находился на втором этаже. Окна выходили в зал, чтобы шеф мог наблюдать за полем боя. И менять тактику, если магазин терпел убытки.

Через пару минут Чернаков предстал перед томными очами узкобедрой тагировской секретарши и, получив разрешение, зашел в кабинет.

Над головой управляющего вместо традиционного портрета президента висела большая фотография упоминавшегося уже Сэма Уолтона, придумавшего в середине двадцатого века новую форму розничной торговли – супермаркеты. Леонид Леонидович Тагиров проповедовал в работе принципы этого, несомненно, достойного мужа. В частности, под угрозой увольнения заставлял персонал, а особенно продавцов, улыбаться и исполнять все прихоти покупателя. И даже устраивал проверки на улыбочивость, пользуясь тем, что не все продавцы знали его в лицо. Наденет курточку, возьмет корзинку – и шмыг в зал. Подзовет новенького продавца и давай о каком-нибудь товаре расспрашивать. Да еще дотошно, да еще по пятому разу. И не дай Бог продавец раздражение выкажет. Свободен! Здесь не Франция! Бастуй не бастуй, все равно получишь... расчет.

А как продавцу раздражения не выказать? Работа тяжелая – к концу смены ноги свинцовые, поясница пластилиновая, рот от улыбки сводит. А тут еще бестолковые покупатели достают. Профсоюза у продавцов нет, жаловаться некому. Дабы они не устраивали коллективных мероприятий протеста, работникам одного отдела не рекомендовалось контактировать с коллегами из другого. Торгуешь люстрами, вот и торгуй, а в отделе сантехники тебе делать нечего.

Эту роскошь – не улыбаться – могли позволить себе только промоутеры (консультанты тех или иных фирм, не состоящие в штате магазина) и охранники. А кассиры не только обязаны были улыбаться, но и благодарить покупателей и приглашать за новыми покупками.

Как человек творческий, Тагиров постоянно экспериментировал с новыми способами торговли. Например, одно время работники магазина под видом покупателей выходили в зал и ненавязчиво рекламировали неликвидный товар. Например, муж с женой обсуждают, какой стиральный порошок взять? А тут советчик – берите вот этот, не пожалеете, я уже год им стираю, не нарадуюсь. И показывает на то, что плохо продается. На дерьмо, одним словом. Супруги тут же кладут неликвид в корзину – как не поверить незаинтересованному человеку?.. Но впоследствии от этой прогрессивной идеи отказались. Во-первых, пришлось расширять штат, а во-вторых, прибыль оказалась недостаточно высока.

Слава Богу, управляющий не рожал идей, связанных с охраной магазина и не устраивал «контрольные кражи». Хотя кто его знает? Может, и устраивал.

Сам он, к слову, никогда не улыбался.

– Проходите, Вячеслав Андреевич, присаживайтесь.

Аршанский находился здесь же, в кабинете. Значит, соврал, сказав, что не знает о причине вызова.

– Что-нибудь случилось?

Управляющий заглянул в раскрытую папку, лежавшую перед ним.

– Я получил распечатку по вчерашнему дню... У меня есть к вам ряд претензий.

Сказано было тоном отца, нечаянно заглянувшего в дневник оболтуса-сына.

– Я понимаю, когда из зала воруют мелочевку, с этим бороться сложно, но когда пропадает товар стоимостью десять тысяч... Да еще несколько наименований. И за один день. Это совершенно недопустимо.

– Что конкретно украли? – сухо спросил Чернаков.

– Пожалуйста. Два финских перфоратора по девять тысяч каждый, утюг «Филипс» за четыре тысячи, набор английских ножей за три... Это, так сказать, что бросилось в глаза. Полные данные будут позже. Согласен, вынести кусок мыла или набор шурупов можно без проблем. Но чтобы перфоратор?.. Объясните, куда смотрят ваши охранники?

– Вы уверены, что перфораторы просто не переложили на другой стеллаж? Такое уже бывало.

– Уверен. Это штучный товар, продавцы знают, где он хранится.

– Продавец проверял исправность товара? И выписывал чек?

– Да, оба чека были выписаны, но на кассе не оплачены.

– Мне надо побеседовать с продавцом, прежде чем разбираться с охранниками.

– Считаете, что продавец сам украл товар? – подал голос Аршанский.

– Не исключено.

– Я думаю иначе, – возразил Тагиров, – ведь здесь данные только за вчерашний день. Позавчера было еще хуже. Я не беспокоил вас, думая, что это случайность...

– Предпраздничные дни, – парировал Чернаков, – покупателей впятеро больше, чем в обычное время.

– Наплыв покупателей бывает перед каждым Новым годом, но раньше так не воровали.

Папа от созерцания дневника перешел к воспитательному процессу. Пока на словах. Но ремешок уже расстегивал.

– За вчерашний день у нас было четыре задержания, – оправдался «двоечник». – Хотите, чтобы ловили больше, добавьте хотя бы одну единицу. Я давно об этом прошу. Двух детективов на смену явно не хватает. Двенадцать тысяч рублей в месяц для «Планеты» пустяк.

– Может, проще их заменить?... Им надо поменьше пить кофе и болтать с продавщицами.

Это был откровенный поклев, мужики пахали как могли, а с продавщицами болтали для поднятия боевого духа.

– Мои люди не нарушают спортивный режим, – мрачно ответил Чернаков.

– Почему ж такие результаты?

– Леонид Леонидович, даже самые умелые детективы не решат проблемы. У них не рентген вместо глаз. Вы же знаете: охранники не имеют права обыскивать покупателей. Мало того, если видят, как кто-то прячет товар под одежду или в сумку, должен пресечь это на месте, а не ждать, когда тот пройдет через контроль. Иначе сам загремит на нары.

Чернаков не сочинял. Уголовный кодекс твердо стоял на защите чести, достоинства и свободы преступного элемента. Как и должно быть во всяком цивилизованном обществе.

– Послушайте, Вячеслав Андреевич, – перебил управляющий, – я же не прошу вас, например, договариваться с дилерами по поводу поставок паркета без предоплаты или решать вопросы с санитарной инспекцией или пожарными. У вас свой круг задач, вот и выполняйте их добросовестно!

Чернаков ненавидел подобную демагогию. Он ее в милиции наслушался до звона в ушах, когда какой-нибудь идиот начальник приказывал – иди и раскрой заказное убийство, а каким образом, меня не волнует. Но с такого начальника и взять нечего. А Тагиров далеко не дурак. Для красного словца ничего не болтает.

Впрочем, шеф, видимо, угадав мысли начальника службы безопасности, тут же добавил:
– Подготовьте за сегодня перечень дополнительных мероприятий и что надо от нас для их решения. Постараемся обеспечить вас всем необходимым. Бумагу передадите Илье Романовичу. Мне копию.

– Хорошо, – кивнул Чернаков, прикидывая, что, кроме расширения штата, можно потребовать от управляющего.

«Требую у Государственной Думы разрешить расстрел пойманного с поличным без суда и следствия под елкой или в витрине».

– Вы, конечно, в курсе, что в апреле мы открываем еще два магазина в городе?

– В курсе.

– Учредителям не все равно, кто будет их охранять. Доверие, как известно, надо заслужить. Ударным трудом.

– Мы постараемся.

– Идите работать. Я надеюсь, подобных краж больше не случится.

«Иначе папу вызовут в школу и размажут по стене».

Когда Чернаков вышел из кабинета, Тагиров повернулся к Аршанскому.

– Ну и что тебя смущает, Илья? Он прав – перед праздниками всегда больше проблем. Надо действительно добавить им единицу.

– Может, лучше сменить фирму? «Забота» – не самая сильная охранная контора. В городе есть гораздо мощнее. Я не уверен, что они смогут обеспечить порядок, когда мы расширимся.

– Посмотрим. – Тагиров подошел к окну и окинул зал наполеоновским взглядом. – Они работают с нами пять лет, и пока особых претензий не возникало. Лучше иметь дело с проверенным партнером, пусть и не таким сильным. Как сказал Шекспир, «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться». К тому же учредители вряд ли согласятся без веских причин.

– Хорошо. – У зама было такое лицо, словно ему отказала женщина, которую он обхаживал целых полгода. Он поднялся со стула.

– погоди, – остановил его управляющий, вернувшись к столу, и, нахмурившись, взял лист со списком фамилий. – Вот продавцы, которые вчера не улыбались. Возьми объяснительные и предупреди, чтобы впредь такого не было. У нас работают только приветливые люди.

– Это обязательно?

– Конечно! – с фаллической твердостью ответил Леонид Леонидович.

– Хорошо, сделаю, – во всю челюсть улыбнулся Аршанский.

Спустившись в зал, Чернаков поговорил со старшим продавцом, который накануне выписывал перфораторы. Продавец, долговязый тридцатилетний очкарик, работал вчера в вечер. Оба инструмента он проверил после восьми часов, данные, как и положено, забил в компьютер, но через кассу товар не прошел, а обратно его не вернули. Сегодня несоответствие всплыло. Покупателей продавец помнил смутно, что и понятно: за день их проходят сотни. Кажется, один из инструментов купила женщина. Полная, лет сорока. То ли в зеленой, то ли в серой дубленке.

Версию, что дрели мог слямзить сам продавец, Вячеслав Андреевич отверг. Парень трудился в «Планете» давно и ни в чем криминальном замечен не был. Вообще, Чернаков старался относиться к персоналу с доверием, хотя по западной статистике примерно тридцать – сорок процентов краж совершают сами работники магазинов. Но если это принять за истину, то получается, что здесь работают сплошные шаромыжники и сброд. Да, бывает, персонал ворует, но не каждый же третий! Своих, к слову, тоже «прозванивали». После окончания смены все, от уборщиц до бухгалтеров, проходили через специальную рамку на служебном выходе. Конечно, она не давала полной гарантии, но чисто психологическое воздействие оказывала.

Некоторые продавцы грешили игрой с уценками, но тоже не часто. Если какой-нибудь товар определенное время не продавался, его уценивали процентов на двадцать, если снова не уходил – еще на двадцать, и так далее, до чисто символической цены. Так вот, после первой уценки коварный торговец снимал товар с продажи и прятал где-нибудь на складе или на другом стеллаже. В день, когда работала уценочная комиссия, он незаметно выставлял его на прилавок. Потом снова прятал. На последней стадии звонил какому-нибудь родственнику, и тот покупал новую вещь за треть, а то и четверть реальной стоимости. А плохо ли микроволновку или стиральную машинку за бесценок поиметь? И оправдание есть: во-первых, зарплата не ахти, а во-вторых, вся страна «левачит», начиная от водителей маршруток и заканчивая космонавтами.

С этим позорным явлением тоже была обязана бороться служба безопасности, но некоторые охранники и сами были не прочь «приподняться» на уценках.

– У женщины полная тележка была, – вспомнил продавец, – набор стекла, кажется, ска-терть, лампочки... Я еще удивился, что она перфоратор берет, да еще такой навороченный. Их обычно мужики покупают.

– Надо было предупредить охранника.

– Кто ж знал?..

Чернаков вспомнил про Пингвина. Он тоже приперся в начале девятого. Не исключено, его работа. Старый прием. Засветиться на входе, потом болтаться по залу. Толик Бушуев, естественно, все силы на него бросил. А пингиновские дружки в это время спокойно дрели вынесли. Ничего сложного: бирку оторвал, под дубленку сунул или в сумку и иди себе спокойно – никто не обыщет. А попросишь сумочку показать, хай поднимут. Несколько раз охранники требовали прошедших кассу граждан предъявить, что у них в сумках. В девяноста процентах случаев следовал скандал. А какой-то ушлый адвокат подал на «Планету» в суд за оскорбление подозрением и превышение охраной служебных полномочий. После этого охранники и не пытались осматривать подозрительные сумки, а уж тем более залезать под пальто или куртки. Себе дороже. Не звенит рамка? Скатертью дорога!

– Узнал бы женщину, если бы снова увидел?

– Наверное... – Очкарик произнес это не очень-то уверенно. Наверное, просто не хотел расстраивать шефа СБ.

Чернаков нашел Бушуева, рассказал о вызове к Тагирову.

– Странно, – согласился детектив. – Ну подумаешь, товара уперли больше, чем обычно! Праздники же! Что, Аршанский сам не мог нам предъяву сделать? Это же его вопросы.

– То-то и оно...

– Лучше бы людей дали. Я вчера два часа за одним гавриком ползал, и мимо кассы. Честным, сволочь, оказался.

– Пингвин, похоже, не просто так заходил. Если снова объявится, бросайте его, и все силы на других. Хотя какие там силы... Попробуй уследи за всеми. Хоть весь магазин камерами облепи.

– Согласен. «Планета» – не подвальный шоп. И народу сейчас – как в метро в час пик.

– Тагиров предложений ждет, как работу улучшить. А какие тут предложения? Людей добавить да шмон разрешить.

Чернаков раздраженно посмотрел в зал, уже превратившийся в галдящий человеческий муравейник. Пятница, многие берут отгулы и бегают по магазинам, чтобы не толкаться в очередях в выходные дни.

– Может, попросить рентгеновскую установку поставить? Как в аэропортах. И всех потихому просвечивать.

– Ага. До первого демократа... Ладно, пойду к себе. Работай.

Чернаков поднялся в кабинет, включил компьютер и уставился в экран, прикидывая, что бы такого попросить у начальства, кроме кадров и прав. К «бумагообороту» он испытывал стойкую ненависть, еще с милицеской скамьи, но ненависть к делу не подошьешь.

* * *

Виктор Сергеевич Харламов работал детективом в «Планете» третий год, считаясь ветераном производства. Как и большинство сотрудников «Заботы-сервис», когда-то он носил серые погоны с красными просветами. Но едва стукнул рубежный пенсионный возраст, написал рапорт, несмотря на все уговоры начальства остаться еще на годик-другой. В прошлой, ментовской, жизни он служил в оперативно-поисковом управлении, закрытой конторе, промышленяющей различными негласными, но богоугодными мероприятиями, в том числе и скрытым наблюдением, проще говоря – филерством. Именно ему и посвятил себя Виктор Сергеевич, официально для окружающих числясь курьером в какой-то липовой строительной фирме. Свою практику, без которой он, наверное, уже себя и не представлял, Харламов продолжил и в супермаркете. О его высоком профессионализме говорил хотя бы тот позорный факт, что спустя три года никто из персонала, за редким исключением, не знал о том, что он детектив «Планеты». Человек толпы – неприметный, среднестатистический, местами выпивающий. (А кто без этого?!) Приходил в магазин, брал корзинку и гулял по залу. Но чаще сидел перед мониторами в кабинете старшего смены. И, заметив неладное, работал вживую, не полагаясь на камеры. Ни один даже самый осторожный воришка пока не смог «срубить» старого «топтуна». Чернаков дорожил таким ценным кадром и при первой возможности выписывал ему негосударственную премию.

У детективов иногда случались проколы, но в обратную сторону – когда нормального покупателя принимали за жулика. Но, как правило, Харламов не ошибался.

На дамочку в кроличьей шубе он обратил внимание, едва та вошла в зал. Большую хозяйственную сумку в камеру хранения не сдала. Сразу за турникетом располагался отдел для садоводов. Сейчас здесь торговали елочными украшениями и хлопушками, но кое-что из старого ассортимента все же оставили. Мало ли, вдруг в магазин заглянут гости с южных краев и захотят купить какой-нибудь инвентарь для своего сада-огорода. Но дамочка не выглядела приезжей. Она решительно подошла к первому попавшемуся стеллажу и переложила в корзину пару расписных глиняных горшков, причем даже не рассматривая их, как это обычно делают женщины. Некоторые по часу возле какой-нибудь копеечной вазочки стоят, мучаясь – брать, не брать. А эта – сразу, без раздумий, даже на ценник не взглянула.

Быстро прошмыгнула в следующий отдел. И так же, практически не выбирая, загрузила в корзину набор для ванной комнаты – настенную мыльницу, вешалку и кольцо для полотенца. Такие вещи и мужики подолгу рассматривают – подойдет ли к интерьеру? А дама и здесь ни на секунду не задержалась, словно на самолет опаздывала. Может, конечно, и вправду опаздывала. Свою сумку, естественно, бросила в корзину.

Харламов переключил камеру. Женщина исчезла из монитора и через секунду возникла у следующего стеллажа. Что-то спросила девушку-продавца и взяла несколько бутылок с чистящим средством. Покатила тележку в следующий отдел.

Виктор Сергеевич накинул куртку, нацепил шапку-петушок, повесил на руку корзину с заранее загруженной в нее мелочью и быстро вышел в зал. Кошки-мышки. Начинаем.

Когда через минуту он, словно тень, прилип к дамочке, та успела прибавить к покупкам несколько рулонов моющих обоев. При этом тоже не выбирала, что было совсем уж неправдоподобно.

За последующие десять минут странная гражданка почти доверху нагроутила корзину совершенно разношерстным товаром и, в конце концов, остановилась у витрины со столо-

вой посудой. Показав на подарочный набор мельхиоровых вилок-ножей-ложек, она уточнила у девушки-продавца страну-производителя. Услышав ответ, попросила выписать. Дорогие, малогабаритные вещи находились за стеклом и выдавались продавцами по просьбе посетителя магазина. Набор стоил прилично – пять с лишним тысяч. Продавщица достала коробку, проверила ее содержимое и выписала чек. Дамочка отправилась дальше, в сторону небольшого кафе, расположенного в противоположной от входа стороне, рядом с отделом офисной мебели.

На Харламова, постоянно трущегося рядом, она не обращала никакого внимания. Зашла в кафе, бросив тележку перед входом среди других таких же тележек, заказала стакан сока и уселась возле аквариума с диковинными рыбами.

Виктор Сергеевич, несмотря на умение отличить честного человека от засранца, засомневался, что гражданка замышляет огорчить хозяев «Планеты», но решил не бросать наблюдения. Лучше ошибиться в плюс, чем в минус. Напарника Толика Бушуева подключать не стал. С Толиком у него не складывалось – молодой, а гонору, как у Тамерлана! Считает, что «опушники»⁷ только строят из себя крутых профессионалов, а на деле – один пшик. Всем подряд рассказывал, что как-то раз, работая по раскрытию одного убийства, их отдел подключил «наружку». Задача была плевой – пропасти обычного воспитателя детского сада, молодую особу, имевшую интимную связь с беглым душегубом. Вызвали ее к себе, накачали капитально, застращали и выпустили, рассчитывая, что она прямиком кинется к своему мил-дружочку. «Наружку» следом пустили. Так дамочка через полчаса перезвонила в отдел и заявила: «Тут какие-то люди подозрительные за мной ходят. Если это ваши, то пусть ходят, мне не жалко, а если не ваши, то скажите, куда мне заявить, чтобы они отстали». И это обычный воспитатель, не преступник какой... Тоже мне, профессионалы!

Виктор Сергеевич ничего доказывать не стал – в любой организации есть дилетанты. Лично себя он профаном не считал. И когда его «срубали», в обязательном порядке, как настоящий профессионал, напивался, дабы проанализировать причины провала и подсластить горечь поражения.

Женщина смаковала сок минут пять, внимательно рассматривая зал через стекло, затем надела шубку и покинула кафе. Нагнулась к тележке, переложила с места на место коробки с порошками, проверяя, ничего ли не забыла купить. После быстро оглянулась и, убедившись, что на нее никто не таращится, сунула столовый набор в свою сумку. Перед этим она ловко срезала миниатюрным ножиком бирку со штрих-кодом и выкинула на пол.

Впереди был самый сложный и рискованный этап. Женщина оставила тележку возле кафе, а сама решительно зашагала к кассе, повесив сумку на плечо – так, чтобы она не бросалась в глаза, а находилась за спиной.

– Юра, встречай. Беременная женщина, – Харламов поднес ко рту небольшой микрофон. – Лет тридцать, брюнетка, кроличья шуба, клетчатая сумка.

Виктор Сергеевич никак не мог отвыкнуть говорить зашифрованно. Вдруг враг и вправду прослушивает эфир?

Женщина задержалась возле кассира.

– С наступающим... Я ничего не купила, можете посмотреть. – Она взялась за молнию на сумке.

– Не надо, – улыбнулась кассирша, – вас тоже с наступающим. Заходите еще!..

Молодой охранник на рамке пристально разглядывал нижнее дамское белье, развешенное на витрине небольшого ларька-бутика, стоявшего слева от входа. Гораздо пристальней, чем покупателей. Тяжелая у парнишки работа...

Путь свободен. Спасибо за покупку.

Дама прошмыгнула через рамку.

⁷ «Опушник» – сотрудник оперативно-поискового управления.

Пи-пи-пи...

«Что такое?! Почему?! Бирка же срезана! Вот суки!.. Видимо, была еще одна! Хотя я проверяла...»

Бирка действительно была. Только не в коробке и не на вилках. В руке у охранника. Главное, в нужный момент незаметно поднести ее к лучу. Старый способ, но не потерявший своей прелести в силу простоты. К слову, если детектив ошибся, можно так же незаметно прилепить бирочку к одежде или пакету покупателя, после чего извиниться. Мол, вы нечаянно какой-то товар зацепили, вот бирочка и приклеилась, просим прощения за беспокойство!..

– Минуточку...

Второй охранник тут же встал перед раздвижной дверью, отрезая путь к бегству.

Зараза! Шухер! Остается один выход. Когти к бою!

– Вы ничего не забыли оплатить?

– Вообще-то, я ничего не покупала.

– Вы не покажете, что у вас в сумке?

– А с чего это я должна показывать? Это моя сумка, у меня личные вещи... Интимные.

– Пожалуйста, пройдемте в комнату администратора.

Опасаясь, что дамочка пустится наутек, охранник взял ее за рукав. Она резко отдернула руку:

– Не смейте прикасаться ко мне! Никуда я не пойду! Я опаздываю! Меня муж на улице ждет! Он из ФСБ!

– Покажите сумку, женщина! – Охранник слегка усилил натиск, взявшись за Г-образную дубинку, висевшую на поясе.

– Вы не имеете права! Вы что, меня бить собрались?!

– Мы не бьем женщин. Только шокер...

Второй страж был менее деликатным. Что и понятно: когда-то он работал дежурным офицером в райотделе милиции и принимал заявки от граждан. И если даже когда-то и получил приличное воспитание, то за годы службы полностью его растерял. Он подошел к даме, без церемоний открыл молнию на сумке и запустил туда руку.

– Грамотная больно...

– Как вы смеете?!

– Смею... Кто смел, тот и съел. Ты мне лучше скажи: это что такое?!

– Это я купила в другом магазине! На Петроградке! Можете у мужа спросить! – Женщина стальной хваткой вцепилась в коробку. – Отдайте!

– Чек есть?

– Выкинула! Я не обязана хранить чеки!

– Ну все, блин, знают! – ухмыльнулся бывший дежурный. – Наши люди.

Затем нагнулся к дамочке и жестко прошептал:

– Что, парашу давно не нюхала?.. Быстро в «аквариум»!⁸ Тьфу ты, к администратору!

Не дав закипеть возмущенному женскому разуму, он вырвал у нее набор и указал на ближайшую от рамки дверь.

– Мне надо к мужу! – Поняв, что наглостью проблему не решить, дама попыталась удрать. Но молодой охранник перегородил дорогу к бегству.

– Не волнуйтесь, дамочка! Мы только убедимся, что набор ваш. Это займет не больше трех минут. Поймите правильно: сработал датчик, мы обязаны проверить. Прошу! В случае ошибки мы принесем вам свои извинения. Но вы сами виноваты, надо было сдать сумку в камеру хранения!

⁸ «Аквариум» (милицкий жаргон) – помещение для задержанных при дежурных частях отделов милиции.

Чувствовалось, что монолог дался ему с трудом. Бывшему омовцу тяжело адаптироваться к мирной жизни. Гораздо проще гаркнуть: «Руки на стену, ноги врозь, чтоб в глазах не помещались!» – и дубинкой, дубинкой... Но нельзя. Мы в частном секторе, а не в государственном. Покупатель здесь – Бог.

– Вы за это ответите! Безобразие! Может, у вас датчик бракованный! Почему он зазвенел? А честные люди страдать должны!

Запахнув шубу, она все-таки направилась к дверям администратора. В кабинете дама уселась в кресло и, не спросив разрешения, закурила. Охранник позвонил старшему смены, в чьи обязанности входило разбираться с задержанными, но вместо него через пару минут пришел сам Чернаков, давший указание обо всех происшествиях сразу сообщать ему.

– Так где вы купили набор? – переспросил он любительницу халявных вилок, выслушав доклад охранника.

– На Петроградской стороне. В магазине хозяйств на Большом проспекте.

Шеф СБ осмотрел коробку с набором.

– Это вы срезали ценник?

– Ничего я не срезала! Мне в таком виде ее продали.

– А что же тогда звенело? – спросил бывший омовец. – Может, у вас еще что-нибудь есть?

– На, смотри! – На сей раз дама не возражала против обыска и сама раскрыла сумку.

Вячеслав Андреевич кивнул на подол шубы.

– К вам бирка приклеилась... Вон, на шубе. Наверно, вы зацепили какой-нибудь товар, она и сработала.

– Бардак! – Задержанная сорвала бирку и со злостью швырнула ее на пол. – Теперь я могу идти?

– Конечно, – располагаясь улыбнулся Чернаков, – вот только разберемся с набором. Просто у нас продаются такие же. Проверим на всякий случай... Юра, пригласи из отдела посуды старшего продавца.

Охранник скрылся за дверью. Воспрянувшая было духом дама снова закручинилась.

– Судимы?... – вежливо спросил Чернаков, словно бы речь шла о том, где гражданочка проводила свой летний отпуск – на Красном море или в Анталии.

– Не ваше дело... Я опаздываю...

– Значит, судимы... – кивнул шеф СБ. – Но мне без разницы, нам детей не крестить. У меня просьба – когда придет продавец, не надо говорить, что вы забыли оплатить товар. Все равно не поверим, а наше с вами драгоценное время потеряем.

Дама бросила на Чернакова презрительно-злой взгляд школяра, получившего заслуженную «пару», но считающего, что во всех бедах виноват препод.

– Вы и продавца могли подговорить, – не зная, что ответить, предположила она.

– Ага. И ценник на шубу приклеили. Нам вот делать больше нечего.

Приклеили, приклеили, чего уж скромничать. Надо же как-то объяснить, почему сработала рамка.

– Хорошо, – дама достала из сумки кошелек, – я оплачу набор еще раз. Время дороже...

– Зачем же тратить лишние пять тысяч? Мужу гостинец купите. В ФСБ не очень высокая зарплата.

Зашла продавщица. Расследование было скорым. Она сразу узнала задержанную, подтвердила, что та купила мельхиоровый набор в «Планете».

– Спасибо, – поблагодарил ее Чернаков, – у меня просьба: не уходите пока на обед. Сейчас приедет милиция, вас надо будет опросить.

Продавец вернулась в зал.

– Я не поняла, – дама вскочила со стула, – какая еще милиция? Я автоматически сунула эти вилки в сумку и забыла оплатить...

– Мы ж договаривались насчет плохой памяти... А милиция обыкновенная. Районная. Или вы хотите, чтоб приехали из Управления?

– Но я же готова заплатить!

– Наша справка. Превращение чужого имущества в личное согласно статье сто пятьдесят девятой Уголовного кодекса наказывается лишением свободы на срок до... Да вы и сами знаете. И возмещение ущерба не освобождает от ответственности. Увы, такова жестокая действительность.

Начались обычные в таких случаях уговоры... Больная мама, пьющий муж, голодные дети, отпустите, больше не буду, заплачу двойную цену. Краснота на щеках и боль в слезящихся глазах.

– Документы при себе есть какие-нибудь? – пресек уговоры Чернаков, доставая бланк акта задержания.

– Нет... Я не обязана их носить.

– Ну, естественно. Пингвин не велел...

Конечно, дамочка могла не иметь никакого отношения к Пингвину, но проверить не помешает. Тест показал – знакомы. И возможно, близко.

– А при чем здесь Пингвин? – «повелась» она.

– Как при чем? Он же тебя сюда откомандировал.

Дамочка, споткнувшись на Пингвине, страшно занервничала, обильно покраснела, но не сдалась.

– Какой такой Пингвин? Что вы из меня дуру делаете?!

– Как вас звать?

– Галей... Галиной Михайловной.

«Галина Красная...»

– Так вот, Галя... Не знаю, что у тебя за биография, но подозреваю – боевая. В четырнадцать лет полком командовала... Вернее, отрядом. На зоне. Поэтому с органами встречаться не интересно. Особенно памятуя, что взяли тебя с поличным.

Вячеслав Андреевич хищно, по-жегловски улыбнулся.

– А мне нечего бояться! Меня незаконно обыскали. В суде не прокатит!

– Не сверкай эрудицией, Галина Михайловна. Все прокатит, ибо прав победитель. Как говорят спортсмены – счет на табло. И не нужен тебе никакой суд. Поэтому предлагаю деловой разговор, пока милиция не приехала.

– Пять штук сверху хватит?

– Ну что ты все на деньги переводишь? Я ж не гаишник, а человек с понятиями.

– А чего надо-то?... – Галина Красная растерянно захлопала глазами, возможно, предполагая, что ее попросят об интимной услуге. А что еще можно попросить у женщины, кроме денег?

– Да, в общем-то, как всегда... Шепчешь, кто еще из пингвиновской команды бомбит в «Планете» и других заведениях розничной торговли. Мы возвращаем набор на прилавок и расходимся с миром.

– Вам только шепни, потом не отвяжешься...

Судя по интонации, Галина Михайловна когда-то состояла на негласной связи у правоохранительных органов. Причем явно не по собственной инициативе.

– А как иначе? Ждать, пока рамочка зазвенит? Так рамочка на честных людей рассчитана, которые действительно заплатить забыли...

Галина Михайловна секунд пять что-то прикидывала в уме:

– Вы чего, меня пасли?

– Ну а с чего бы ты зазвенела? – признался Чернаков, прикидывая, что эти слова к делу не подошьешь. – Подсказали добрые люди. А теперь ты подскажи. Будет не так обидно.

– Не знаю я никого... Пингвин какой-то... А страуса вам не надо?

Чернаков на положительный ответ не очень-то и рассчитывал. Дамочка не из той породы. Но оно и лучше. Хуже, если бы она с собачьей преданностью в очах принялась бы диктовать фамилии или клички несуществующих людей. Проверь потом...

Вячеслав Андреевич про себя улыбнулся, вспомнив, как по молодости лет решил вербануть засиженную уголовницу, попавшуюся на краже банки огурцов и бутылки из магазина самообслуживания. Молодой опер, нагруженный советами старших товарищей, предложил обоюдовыгодный вариант. Типа, сдавай кого-нибудь, а с магазином мы вопрос решим. Она и сдала. Сразу, без раздумий. В такой-то такой-то квартире живет страшный человек. Заманивает малолеток, насилует, истязает, короче, ведет себя некультурно и в чем-то даже преступно. Потом запугивает детишек до смерти, поэтому заявлений от них нет. «А ты-то откуда знаешь?» – «Так я с этим маньяком водку пила... Бегите быстрее, он сейчас как раз за очередной жертвой пошел!.. Поймаете, премию получите, а то и чин новый...» Чернаков побежал. Не за премией и не за чином, конечно. Проявить себя хотелось. Вот он, молодой, – только пришел и сразу маньяка повязал по оперативной информации!..

И нет чтобы завербованную воровку в камеру посадить, пока тему не проверит. Так нет же – отпустил на радостях. Да еще червонец на бутылку дал. Потом взял двух студентов-внештатников – и бегом в засаду, не предупредив начальство и коллег. Сами, сами гада возьмем!

Сам-сам-универсам...

Притаились на лестничной площадке. И действительно, минут через пятнадцать подходят к дверям дедок потрепанный и девчущка лет двенадцати с ранцем за спиной.

– Ты же обещал «киндер-сюрприз»!

– Будешь себя хорошо вести, куплю.

Нормальный разговор. Если в нормальных условиях. Но у нас-то ненормальные. У нас педофил проклятый. «Киндером» заманивает, сволочь старая...

Дверь оказалась хлипкая. Вылетела с третьего удара. Можно было, конечно, позвонить, вдруг бы сам открыл, но тогда бы терялся эффект внезапности. Деда с порога лицом к стене. «Молись, сволочь похотливая!» Кулак на пенсионера все-таки не поднялся. И, слава Богу. Потому что дед оказался не педофильным. А даже наоборот – бывшим районным прокурором. Почетным и заслуженным «прорабом» – прокурорским работником. Внучку из школы забирал. И нарвался на жестокую засаду. В итоге молодому оперативнику вместо премии – «неполное служебное», тут вариант с «оказанием сопротивления работнику милиции» не прокатывал.

Чернаков, естественно, кинулся воровку искать. И здесь облом. Она не только бывшего прокурора оклеветала, но еще и собственную фамилию и адрес из головы выдумала...

Возглавив службу безопасности «Планеты», Вячеслав Андреевич не отказался от старого, проверенного метода, хотя по закону его мог применять только сотрудник государственной силовой структуры. Но закон светлому делу не помеха. Без «стука», этого позорного наследия тоталитарного строя, в демократическом тоже, в общем-то, делать нечего. Правильно он сказал – рамки для честных, но рассеянных. Вербовал Вячеслав Андреевич не только пойманных на контроле, от них-то как раз мало толку. Гораздо больше от своих, магазинных тружеников. Естественно, вербовка была французской системы – без всяких бумаг. Немецкую, с оформлением контрактов и письменных доносов, Чернаков отверг. Еще всплывет где-нибудь.

– Дело твое, Галя... Новый год в тюрьме – это очень романтично. Ну, ты знаешь...

«Лучше Новый год на нарах, чем дома у Пингвина на пере», – прочитал он в ее обиженных глазках.

Что ж, вольному воля – он быстро составил акт, вызвал охранников и велел дожидаться милиции, которая обещала приехать за «показателем». В конце года показатели особенно важны и полезны.

Потом Чернаков сходил за долговязым продавцом, показал ему задержанную – не она ли накануне купила перфоратор? Продавец не узнал. Чернаков на это и не рассчитывал, вряд ли вчерашняя «бригада» придет бомбить сегодня. У них там тоже посменная вахта, чтобы не примелькаться.

Вернулся в кабинет, к компьютеру.

«С Пингином надо что-то решать. Может, правда в лес вывезти да пальцы переломать, как Стас Доценко советует?.. Мораль ему читать бесполезно: воровал и будет воровать. При чем, гад, не сам. Достойную смену подготовил. Если косяком пойдут, никакие детективы не помогут...»

Он набрал номер трубки старшего смены, бывшего следователя следственного управления ГУВД, любившего с гордостью повторять: «За свою жизнь я предъявил более двухсот обвинений и ни разу не слышал упрёка, что у меня плохой почерк!»

– Павел Владимирович, максимум внимания. В магазине пингиновская команда. Предупредите продавцов.

– Хорошо, Вячеслав Андреевич.

«Начинаем нашу дискотеку! Воруют все!!!»

Не закончив с «бумагооборотом», Чернаков переключился на камеры слежения.

* * *

Юля позвонила на мобильник без четверти два.

– Привет... У меня обед через полчаса. Увидимся?

Чернаков посмотрел на перекидной календарь. Через полчаса у него встреча с подрядчиком – инженером из фирмы, устанавливающей охранные системы. Надо заблокировать один из коридоров. Но с Юлей он не общался «живьем» уже три дня, только по телефону. Поэтому подрядчику придется подождать.

– Конечно... Где всегда.

– До встречи. Целую.

У нее был скользящий график, соответственно, обеденный перерыв мог начаться и в полдень, и в четыре вечера. Вячеслав Андреевич обедал, когда сочтет нужным, поэтому легко подстраивался под Юлю. Он не пользовался услугами корпоративного кафе для персонала, предлагавшего устриц, омаров, французский паштет «фуа-гра», кроликов в молоке и, конечно же, фирменное блюдо – китайскую лапшу быстрого приготовления, наиболее популярную в народе. Точнее, поначалу пользовался, но впоследствии присмотрел недорогое и уютное кафе в паре кварталов от «Планеты». Как постоянному клиенту хозяин предоставил ему приличную скидку. А теперь, когда в его жизни появилась Юля, кафе играло и роль явочного места.

Разумеется, Юля не состояла на оперативной связи у начальника службы безопасности супермаркета. И вообще не имела отношения к охранным структурам. Но она, выражаясь протокольным языком, имела доступ к его телу. И душе. И, соответственно, наоборот: Чернаков имел доступ к ее душе и телу.

Доступ открылся в августе, когда законная супруга Вячеслава Андреевича Ирина, преподаватель философии в пединституте, уехала в Кисловодск, в санаторий МВД по путевке, добытой мужем. Но эти события не были связаны между собой. Познакомься Чернаков с Юлей, например, в мае, ничего не изменилось бы.

В общем-то, все вышло спонтанно и как-то буднично. Жизнь начальника охраны катилась по накатанной, отношения с женой давно превратились в формальные, но менять что-либо

Вячеслав Андреевич не собирался. Менять по-серьезному. Связи типа «мы вчера с пацанами расслабля-бля-лись» не в счет, хотя их и было-то всего... Перемены влекут за собой множество проблем, а проблем любой нормальный человек избегает. Пусть все остается как есть. По крайней мере в глазах окружающих. Образцовая семья, взрослая дочь, стабильность... О том, что жизнь – не показательное выступление фигуриста, думать не хотелось. Все в порядке, все хорошо. Как у всех. Неси свой крест и не дергайся... Так положено. Ходи на юбилеи к друзьям и родственникам, встречай очередной Новый год, копи деньги на отпуск.

В душе Вячеслав Андреевич завидовал Толику Бушуеву, который постоянно названивал по мобильнику жене и шептался с ней, словно они познакомились неделю назад, а с каждой полочки покупал букет в киоске «Планеты». Чернаков не шептался и не покупал. Не ломал голову, что подарить супруге на очередной день рождения. Не хотелось ломать. Дарил первый подвернувшийся парфюм в подарочной обертке. Жена, кстати, тоже давно не ломала. И тоже не порывалась что-то менять... Что касается супружеского долга, то однажды они как-то одновременно решили, что никто никому ничего не должен. Спали пока на одной кровати, но давно уже именно спали. В смысле ночевки.

Почему и когда это произошло? А надо ли теперь искать ответы? Главное – произошло. Осталась лишь запись в характеристике: прекрасный семьянин.

Иногда семьянина беспокоили романтические сны, в которых он встречался с симпатичными незнакомками, и незнакомки отвечали ему взаимностью. Вячеслав Андреевич целовал их и шептал добрые глупости, боясь потерять. Но, как правило, все равно терял. Незнакомки бесследно исчезали, а он вспоминал, что не знает ни адреса, ни телефона. Чернаков просыпался, чуть не плача от досады. Но через день сон забывался, оставляя лишь легкую грусть...

Юля тоже работала в «Планете». Продавцом-консультантом отдела красок. Несколько необычно, ведь это мужской профиль. Считалось, что к словам продавца-мужчины покупатель мужского товара отнесется с большим доверием, чем к словам женщины. Но Юля, имея образование химика-технолога, неплохо разбиралась в красочной терминологии, и руководство доверило ей этот театр боевых действий.

Возможно, Чернаков не обратил бы на нее внимания. Среди продавцов свирепствует болезнь под названием текучка, редко кто задерживается на одном месте подолгу. И запоминать всех в лицо, а тем паче знакомиться, начальнику охраны не имело смысла. Да если бы и обратил?... Для него продавщица отдела красок была бы всего лишь обладательницей симпатичной мордашки и привлекательной фигурки, облаченной в красно-белую униформу. Мало ли таких?... Что ж, с каждой заигрывать?

Но знакомство произошло в процессе выполнения служебных обязанностей. У Юли украли сумочку, которую она оставляла в гардеробе, в своем шкафчике. У каждого продавца имелся персональный запирающийся шкафчик. Замочек, конечно, не ахти, скорее, формальный, но от случайного воришки все же защищал. Помимо этого в гардеробе постоянно дежурил охранник, поэтому оставлять вещи никто не боялся, хотя администрация и повесила предупреждающую табличку, что в случае кражи ответственности за имущество не несет.

Вернувшись со смены, Юля обнаружила, что шкафчик приоткрыт, а сумочке «приделали ноги». Утрата была существенной – помимо вчерашней зарплаты в сумочке лежали документы, восстанавливать которые – сплошной геморрой.

Охранник развел руками, мол, он за всеми уследить не может. Он обязан смотреть, чтобы в гардероб не проникли посторонние, а сумочку наверняка украл кто-то из своих. Он даже предположил, что Юля сама забыла запереть дверь на замочек.

Ей пришлось идти к начальнику службы безопасности. В конце концов, это его дело. Пусть разбирается и хотя бы поможет восстановить документы.

В кабинете Чернакова она разревелась. В последнее время она попала в какую-то полосу неудач. В начале недели потеряла новый мобильник, вчера новое платье утюгом сожгла...

Покупатель сегодня нахамил на ровном месте, видимо, сорвав дурное настроение на продавщице. А теперь еще эта кража. Снова придется у кого-то занимать. Это при том, что на ней еще старые долги висят. На мужа никакой надежды, он в очередном астрале-запое.

Наверное, если бы она не заплакала, если б на ее лицо не упал случайный лучик солнца, Вячеслав Андреевич ограничился стандартными фразами типа «мы примем меры, вы сами виноваты, что оставили в шкафчике деньги» и отправил бы ее в милицию писать заявление об утрате паспорта.

Но... Все решают именно мгновения. Так случается. Лучик упал удачно. Отразился от ее мокрых глаз и отрикошетил по его мозгам сильнее шайбы, пущенной лучшим нападающим НХЛ. Лицо из симпатичного превратилось в прекрасное, несмотря на следы слез... Вячеслав Андреевич неожиданно поймал себя на мысли, что, даже совершенно не зная эту хрупкую плачущую продавщицу, хочет прижать ее к своей груди, гладить рукой по черным волосам и шептать, что ей ни о чем теперь не придется расстраиваться. Потому что теперь никто не посмеет ее обидеть. Беззащитность тоже бывает весьма притягательной. И многие женщины этим вполне умело пользуются.

Но, естественно, он быстро взял себя в руки. Спокойно, никаких розовых соплей. Помни про общественно-социальный статус, про имидж прекрасного семьянина. Да и у нее наверняка найдется защитник, и вряд ли она увидит в Чернакове кого-то еще, кроме начальника службы безопасности. Староват он для нее. И внешне малопривлекательный – седина, далеко не аполлоновская талия, уши торчком. Очки для чтения. А если про радикулит вспомнить да панкреатит, заработанный на государственной службе, то вообще настоящий мачо. Поднимет любимую в порыве страсти, а опустить не сможет – сама грохнется. (Слава Богу, революционная ситуация пока не наступила. Это когда «верхи» хотят, а «низы» уже не могут. Но капитальный ремонт организма все же не повредит.)

Взять-то себя в руки взял, а вот удержать не смог. Лучик сделал свое светлое дело. Не хватало в его жизни этого лучика. Плюс переходный возраст. Седина в бороду, бес в ребро...

Он пообещал, что постарается помочь. Но не тем тоном, которым хотел сказать это раньше, до лучика. Что, конечно, не укрылось от продавщицы. После он лично отвез ее в отдел милиции, договорился с паспортным столом, что Юле изготовят новый паспорт безо всяких проволочек и очередей. Отдал ей свою дисконтную карту и даже предложил денег, пока не найдет вора, но она отказалась. На другой день он уволил охранника и установил в гардеробе камеру слежения.

Эта кража дала ему повод открыто подходить к ней и общаться. Никаких подозрений у окружающих – начальник добросовестно выполняет свой долг. (Так добросовестно, что раз в полчаса следил за обстановкой в отделе красок через секретные камеры слежения, влюбляясь все сильнее.) Юля, естественно, заподозрила неладное (или ладное). Потому что разговоры плавно перемещались в неслужебную плоскость. Сначала погода (правда, дерьмовая?), потом обсуждение хоккейных матчей (как вчера наши облажались!). Дальше больше – веселые ментовские истории («Помню, нашли мы в мусорном баке отрезанную голову и всем показывали – не узнаете?...»). И, наконец, комплименты и легкие намеки на неровное дыхание («Юля, вы так здорово разбираетесь в красках, что я не представляю, как мне жить дальше...»).

Юля не уклонялась от разговоров, хотя поначалу была несколько удивлена, что такой влиятельный в «Планете» человек обратил внимание на обычную продавщицу. А может, он обычный бабник и заигрывает подобным образом со всеми подряд? Но вскоре поняла: нет, только с ней. И, к удивлению и радости Чернакова, ответила взаимностью, ибо тоже была «прекрасной семьянинкой». Видимо, почувствовала в Вячеславе Андреевиче надежность и одновременно уютность, которой ей так не хватало. От мужа ничего подобного ждать не приходилось. Какая надежность? Того и гляди – напьется, захрапит и квартиру сожжет хабариком. Один раз уже чуть не сжег. Замок дверной второй год прошу поменять, дверь булавкой открыть можно. Да и

ладно б просто напивался и тихо засыпал... Так на подвиги тянет, благо кулаки здоровые. А уж про уют и говорить нечего. Конечно, его понять можно, две командировки в Чечню, контузия и в итоге – увольнение из Вооруженных Сил по собственному желанию. (Иначе бы уволили без желания. Особенно после того, как, напившись, решил поиграть в русскую рулетку с пистолетом Макарова, да вовремя ствол отобрали.) Но с другой стороны, в Великую Отечественную вся страна воевала, так что ж теперь – пить без просыху? Она пыталась объяснить это Диме, тот, не возражая, слушал, после чего молча наливал себе очередную порцию и поднимал тост за погибших пацанов. Утром валялся в ногах и просил прощения. Она прощала. Одно время работал сторожем на стройке, но через неделю завязал. Негоже боевому офицеру-орденоносцу лопаты и цемент охранять.

Бросить его Юля не решалась. Во-первых, жалела, во-вторых, побаивалась, не зная, что ожидать от супруга в случае разрыва. Как-то во время очередного дня памяти пацанов он сурово намекнул, что не отпустит ее. «Уйдешь – взорву! И тебя, и себя!...» А Димка может. Ничто на земле не проходит бесследно, особенно контузия. На всякий случай Юля обыскала всю квартиру: вдруг привез какой сувенир из Чечни? Ничего не нашла.

Она тогда занималась сетевым маркетингом, распространяла среди знакомых какие-то пилюли от всех болезней. Конечно, для человека с высшим образованием это не самый престижный вариант, но где в двадцать пять лет найти что-то достойное без связей или покровителей?... Пилюли продавались плохо, народ уже разбирался – качественное ли дерьмо ему впаривают или не очень. На плаву некоторое время помогала держаться профессия – химику-технологу втюхивать сомнительные лекарства удавалось несколько лучше других. Но все равно прибыль не ахти, хорошо если удавалось заработать долларов двести в месяц, которые полностью уходили на еду и оплату бытовых услуг. Даже мобильный телефон не могла себе позволить. Родители не помогали, им в родных Сланцах тоже не особо сладко, а от Димки, кроме пустых бутылок, никаких дивидендов. Жили они в однокомнатной квартире мужа, доставшейся ему от бабки. Два года назад Юля забеременела, но ребенок родился мертвым. Рисковать второй раз она не захотела.

Перейти в «Планету» ей предложила подруга, работавшая здесь старшим продавцом. Она же замолвила словечко в отделе кадров. Юля особо не раздумывала, ничего лучшего все равно не найти. Окончила месячные курсы, получила форму, бейдж и девять тысяч оклада. Работа, правда, тяжелая, целый день на ногах, зато график скользящий, можно по магазинам успеть – закуску мужу сварганить, чтобы не скопытился от своей водки. К праздникам премии подкидывают. Через пару месяцев смогла накопить на мобильник, который, по правде говоря, ей был не особо и нужен. Но это лучше, чем отдать деньги Димке. Он по-прежнему валял дурака, считая, что настоящий боевой офицер не должен пачкать руки гражданской работой.

Во время очередного визита в отдел красок Чернаков пригласил ее... в кино. Вечером, после смены. Наверное, солидный и деловой ухажер пригласил бы в ресторан, затем – в «номера», но Вячеслав Андреевич, как человек, испорченный романтикой и поэзией, предпочитал старомодный «киношно-цветочный» путь. (Хорошо хоть – в кино, а не на хоккей!) Юля удивилась, но приглашение приняла. (В кино тоже буфет есть, но водка там наверняка паленая. Шутка. Настоящая.) На всякий случай Вячеслав Андреевич попросил ее выйти не к парадному, а служебному выходу, из чего она сделала вывод, что афишировать их отношения он не стремится. В общем-то понятно – неизвестно, что там у него с личной жизнью. Да и служебные романы в «Планете» не поощрялись. Они отвлекали работников, и руководство, узнав об интрижке, безжалостно разбивало пары, увольняя одного из любовников. Поэтому Юля поддержала конспирацию, ничего никому не рассказывая. Если напарница интересовалась, отвечала, не пряча глаз, – да, начальник охраны уточняет, не пропало ли еще чего...

Вячеслав Андреевич встретил ее с большим букетом, который долго и придиричиво выбирал в фирменном цветочном магазине. Выбирал с теплым, почти забытым чувством. «Белые

тюльпа-а-а-ны, вестники горячки...» Юля с таким же забытым чувством приняла цветы. Они объездили три кинотеатра, Чернаков хотел найти фильм про любовь. Но везде шел новый «Кинг-Конг». Тоже, в общем-то, кино про любовь, даже слезу у блондинок выжимает, когда обезьянка с крыши падает. Взяли места для поцелуев. («А вы бы, Юлечка, по мне плакали, если б я с крыши свалился?» – «А вы бы полезли за мной на крышу, Вячеслав Андреевич?...») Из кинотеатра он повез ее домой. К ней домой, естественно. Фильм вдохновил на откровенность – Юля рассказала про мужа. Он – про жену, тещу и дочь. Потом «прекрасные семьянины» страстно целовались, сидя в машине под аккомпанемент «Машины времени». «Он был старше ее, она была хороша, в ее маленьком теле гостила душа...» Потом она позвонила Диме и сообщила, что заночует у подруги. Не может больше видеть его опухший ветеранский лик. Муж не сумел привести контраргументов, ибо действительно в тот день поминал пацанов и был крив, как турецкая сабля.

«Киношно-цветочная» стадия закончилась, не успев толком начаться. Видимо, своими беседами с Юлей в отделе Чернаков подготовил хороший плацдарм. Они отправились к нему. Жена, как упоминалось, отдыхала в Кисловодске, и супружеское ложе пустовало. И все равно Вячеслав Андреевич чувствовал себя крайне неуверенно. Все-таки непросто на пятом десятке впервые привести домой постороннюю женщину. (Стыдно, стыдно, товарищ пенсионер!) Но бутылка чилийского вина нормализовала давление, и согрешил он на высшем уровне. Даже радикулит не помешал и лопоухие уши. (Не Кинг-Конг, конечно, но реветь умею не хуже.)

Досадная мелочь, правда, чуть не подпортила любовный праздник. Разные носки на чернаковских ногах. Сказалось отсутствие супруги. Грязное белье уже не помещалось в корзину, а включить стиральную машину у временного холостяка руки не доходили. Проще использовать внутренние резервы шкафа. Но, как выяснилось, основные запасы подошли к концу, а утром, опаздывая, чернаков не заметил, что выудил из остатков белья носочки не совсем одинаковой цветовой гаммы. Хорошо, не дырявые. Юля вроде бы ничего не заметила. На самом деле заметила. Просто чисто по-женски приняла этот факт на свой счет – настолько голову от меня потерял, решила она, что носки разные надел и не заметил. Сработала дамская привычка всему искать объяснение и оправдание. В результате разные носки (один серый в черную полоску, другой темно-синий без полосок), из-за которых переживал Чернаков, сыграли на его стороне, вызвав у любовницы прилив незапланированной нежности. А он и не подозревал, что Юлину пылкость в некоторой степени спровоцировали разноцветные носки...

Утомленные, но не пресыщенные, они лежали рядом на раскладном диване, прижавшись друг к другу и шептали разные глупости под аккомпанемент каркающих за окном ворон (залечь на супружескую постель у Чернакова нога не поднялась, если можно так сказать).

– Когда ты впервые меня заметил?

– Когда ты плакала.

– ???

– У меня в кабинете. Из-за сумочки, – добавил он, поймав удивленный Юлин взгляд.

– А-а-а... То есть ты меня из жалости. Пожалел всю такую несчастную. Спасибо.

– Нет, не только... – смутился Чернаков. – Честно говоря, я не ожидал, что ты ответишь на мои грязные домогательства.

– Почему?

– Да вроде староват уже...

– Глубокоуважаемый Вячеслав Андреевич! – Юля прижала пальчик к его губам. – Никогда так не говорите. Вы совсем не старый. Вы в самом расцвете сил. И у вас еще все впереди!

– Серьезно?... – Пришел его черед удивляться.

– Да ты просто кокетничаешь...

– Спасибо, что сказала правду в глаза.

На следующий день Чернаков разорился и обновил гардероб. Купил себе две новые рубашки, брюки, джемпер, пять пар носков и новую стильную оправу для очков. Принес в кабинет эспандер и гимнастический коврик, чтобы качать пресс и избавляться от живота. Любовь мало завоевать, как олимпийскую медаль. Ее надо постоянно доказывать. Даже в мелочах. Особенно когда есть соперник. В общем, трудно быть мачо.

Второй раз они грешили на конспиративной однокомнатной квартире районного управления милиции. Того самого управления, в котором еще совсем недавно служил начальник охраны «Планеты». Естественно, Вячеслав Андреевич не сообщил любовнице, что это конспиративная квартира, где оперативные уполномоченные встречаются со своим спецаппаратом (государственная тайна, блин!). «Приятель мой там живет. Хороший мужик, уехал в отпуск, попросил цветочки полить». Ключ он выклянчил у шефа районной криминальной милиции, с которым поддерживал приятельские отношения. Мол, надо встретиться с важным человеком в совершенно секретных условиях по острой служебной необходимости. Шеф, конечно, «поверил», но ключ дал. Сегодня я выручу, завтра меня.

«Приятель» не только не поливал цветы, которых в квартире просто-напросто не было, но и ленился убирать объедки со стола, выносить с кухни пустые бутылки и собирать с пола использованные оперативные презервативы. Видимо, информация от спецаппарата оказалась настолько серьезной, что нельзя было терять ни секунды. Уборкой в срочном порядке пришлось заняться Вячеславу Андреевичу, пока Юля дожидалась в машине.

– Слава, твой приятель живет без вещей? – поинтересовалась она, поднявшись в квартиру и окинув взглядом комнату, где, кроме облезлого стола и провалившейся тахты, ничего не наблюдалось.

– Он спартанец-бессребреник. Ему ничего не надо.

– Даже постельного белья?

– Он спит на гвоздях. Как индийский йог.

Белье предусмотрительный любовник захватил с собой. Купил в «Планете» со скидкой. Захватил и закуску. Не в города же играть приехали.

Но «кукушка»⁹ выручала любовников всего три раза. Потом вышел конфуз. Юля решила проявить инициативу и переставила с окна картину «Три богатыря», которую Чернаков все время туда зачем-то ставил. Она и так на солнце выгорела. Вячеслав Андреевич, находившийся в ванной, не заметил этого неосмотрительного поступка. В итоге в разгар любовных утех, когда тахта грозила превратиться в коврик, в квартире возникла еще одна пара.

«Кто ж знал?... „Богатырей“ на окне нет – хата свободна, – шепотом доложил молодой опер. – А ключ у меня свой есть, дубликат сделал на экстренный случай, вот пришел на конспиративную встречу с источником... Вячеслав Андреевич, простынку, если не жалко, оставьте, а?...»

– Спартанец-подлец вернулся, не предупредив... – пробубнил Юле Чернаков, натягивая брюки, словно новобранец при команде «подъем».

После этого «встречаться» приходилось в случайных местах. В служебном кабинете устраивать randevu Чернаков не рисковал, даже будучи уверенным в отсутствии камер слежения. Конспирацию он соблюдал не столько из-за себя, сколько из-за Юли. Муж и начальство могли отнестись к их адюльтеру без должного понимания.

Юля не разочаровала его как человек. Любовь с первого взгляда – это прекрасно, но ведь потом дамочка может оказаться той еще гадиной – это, если, кроме корысти или похоти, ничего за душой нет (похоть-то еще ладно, а вот корысть...). Либо дурой круглой – среднюю школу со справкой закончила вместо аттестата, и поговорить-то не о чем, кроме скандалов в «Доме-2» или на «Фабрике звезд».

⁹ «Кукушка» (милицейский жаргон) – конспиративная квартира.

Но Юля разбиралась не только в красках и растворителях. Да и жизнь у нее оказалось искореженной, как машина после «краш-теста»... Началось все задолго до замужества. Юля неплохо рисовала и мечтала стать художницей. Но мечта ограничилась четырьмя годами ДХШ (детской художественной школы). Она собиралась пойти учиться дальше, но родители объявили мечту блажью, а всю когорту художников – безумцами и пройдохами. Она попыталась возражать, но аргументов не хватило, и отстоять свою мечту послушная дочка не смогла. Да и что ей оставалось делать – в Сланцах соответствующих высших учебных заведений нет, а родители заявили, что если она пойдет поперек их воли и поступит в вожденную «Репинку»¹⁰ или чуть менее желанную «Муху»¹¹, то поддержки ей не видать как своих ушей. Пусть живет как хочет – хоть на стипендию, хоть дворником подрабатывает. При этом пугали жуткой перспективой – мол, все художники развратники и пьяницы, пойдешь по рукам и по салонам-притонам. И Юлька, домашняя девочка, дрогнула... Из трех предложенных родителями вузов выбрала тот, который, на ее взгляд, был чуть ближе к мечте. Она часто представляла себе, как изобретет суперкраски и сможет создать выдающуюся картину. Потом еще одну, и еще... Как станет знаменитой художницей...

Не изобрела и не стала. Жизнь рассудила по-своему. У Бога для каждого свой план, говорил ее одноклассник, на третьем курсе с головой ушедший в американскую христианскую церковь. «Видно, в планы Бога не входило, чтобы я стала художницей, – сделала грустный вывод Юлька. – Но тогда какой же, черт возьми, у него для меня план?..»

Училась она ровно, успехами не блистала, но и в отстающих не числилась. Но чем дольше училась, тем больше зрел в ней какой-то внутренний протест. К пятому курсу этот протест вызрел, как фурункул, разбух до такой степени, что либо прорвался бы наружу, либо отравил ее изнутри. Инстинкт самосохранения выбрал первый вариант: она решила бросить институт и пойти на подготовительные курсы Мухинского училища. А на следующий день встретила Диму. Подтянутый, сильный, красивый. Фронтовой офицер, гусар! Мужчина ее мечты. А как ухаживал! Круче героя Ричарда Гира из «Красотки». Стихи, клятвы, подвиги! Корзины цветов перед дверью комнаты в общежитии! Заказы песен в прямом эфире! Она отдалась ему за полгода до свадьбы, а за месяц до этого знаменательного события ее любимый впервые напился до чертиков на люстре. Но рвать с ним отношения она не стала, он поклялся, что подобного больше не повторится: нелепая, дескать, ошибка.

Это был ее выбор. Первый серьезный выбор в жизни. И здесь никто не мог ей приказать: не делай этого. Только в плане дружеского участия. Но участия в тот момент как раз никто не проявил. Да она и не нуждалась. Осталась в институте, благополучно защитила диплом. Дима уехал в последнюю чеченскую командировку.

Говорят, своего первого мужчину женщина не забывает никогда. Но это только так говорят. Все зависит от женщины и от мужчины. И те и другие бывают такими, что хочется забыть, как страшный сон, все, что с ними связано, и побыстрее.

Находясь рядом с Чернаковым, Юля на время забывала. Забывала о том, как ее «любимый муж», нарезавшись до поросычьего визга в день ее рождения, перепутал кухню с туалетом. Как заснул в луже собственной блевотины, и она переворачивала его на бок, чтоб не захлебнулся. Как впервые ударил ее по лицу. Как, протрезвев, валялся в ногах, размазывая по опухшей морде слезы и сопли, – только не бросай меня, любимая, единственная, без тебя пропаду, аки собака подзаборная!..

¹⁰ «Репинка» – Государственный академический университет живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Санкт-Петербурге.

¹¹ «Муха» – Высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной в Санкт-Петербурге. В настоящее время – Санкт-Петербургская Художественно-промышленная академия.

Почему ее внутренний протест так пошло материализовался в жизнь с Димой, она не понимала, точнее, не отдавала себе отчета. Но, возможно, Дима был дорог ей как олицетворение собственного выбора и мифической свободы.

Иногда ей казалось, что она свернула со своей дороги, такой широкой и светлой, и обреченно бредет сквозь бурелом, продираясь сквозь колючие заросли, царапая до крови лицо и руки, бредет неизвестно куда – движение ради движения. Послушно и смиренно. «Такой у Бога для меня план? – думала она. – Но почему? Что я такого сделала? Почему я должна тащить эту ношу? Эту неподъемную тяжесть? Только потому, что я женщина?» Но бросить мужа, как когда-то живопись, она не решалась. Хватит с меня одного предательства. В общем, какой-то порочный круг.

И даже родив мертвого ребенка, она не ушла. Хотя, как сказали врачи, несчастье произошло по вине пьяницы-супруга.

Чернаков стал для нее своеобразной отдушиной. Ухаживание, подарки, романтика. Кому ж не понравится?.. В общем, роман набирал обороты, и до последнего квартала текущего года скорость вращения не ослабла.

Что касается Ирины, законной спутницы Вячеслава Андреевича, то она, похоже, догадалась обо всем, вернувшись из санатория. Глаза у Чернакова блестели, словно бока у машины, сошедшей с конвейера. Но никакого дознания супруга проводить не стала. Возможно, не решалась. Ей, несмотря на остывшие отношения, тоже хотелось стабильности. А «разговор по душам» – прямой путь к разрыву. Главное, чтобы личная жизнь супруга не зашла слишком далеко и не мешала семейной. Он, кстати, ее тоже про санаторий не расспрашивает, а что такое санаторий МВД – знает прекрасно, сам отдыхал.

Каких-то глобальных планов Вячеслав Андреевич пока не строил. Точнее, боялся строить. «Не велит Господь загадывать». Да и не так-то просто взять и начать новую жизнь, вычеркнув из памяти старую. Для разминки чисто бытовой вопрос – а где жить? Не в машине же. И не «двушку» же им с женой разменивать. А купить даже комнату в коммуналке на его двадцать тысяч месячного дохода нереально. Даже с премиальными. К тому же разница в возрасте... Прогулки под луной одно, а совместное проживание, даже без штампа в паспорте, это немножко другое. Чернаков представил себе картинку: вот он, уставший после работы, добрался до любимого дивана, до газеты, до хоккея по телевизору, а молодая жена тащит его в ночной клуб, как там дочка говорит, – колбаситься... Или еще куда. А утром после этой колбасни – снова на службу, вареный, как колбаса. Или карась.

А с другой стороны, через месяц или полгода Юля может справедливо заявить: ша! хватит! хочу стабильности, хочу свой угол, хочу ребеночка сопливого, наконец (люди на воле не размножаются!). Если не сможешь мне этого дать – до свидания. Либо наоборот – ну, поблудили и баста! У меня новый мачо образовался... Помоложе и пошикарней. Краску у нас для загородного коттеджа покупал...

Пока, слава Богу, она подобных разговоров не заводила, но нужно быть готовым. Рано или поздно заведет. Сколько ж можно с оглядкой жить...

Юля еще не призналась, что любит его. Он-то, конечно, любил, только тоже не спешил писать явку с повинной по этому поводу. «Расколоться» никогда не поздно, как говорят воры. Пусть все идет как идет. А там видно будет. Вдруг само рассосется...

Не рассосется... Но терять ее он не желал. Как поет великая дочь украинского народа Вера Данилко – *вам lubov ne trali-vali*... И терять семью (читай: стабильность) тоже не хотелось, все-таки двадцать лет вместе прожили. Оставалось третье – совмещать. Пока совмещалось.

К слову, один его бывший коллега совмещал уже шестой год, живя на два фронта. Причем совершенно легально. День проводит в законной семье – с женой и двумя детьми, второй у незаконной, но любимой зазнобы. И никак не может решиться причалить к какому-то берегу.

И детишек не хочет бросать, и зазнобу. И ухитрился даже обвенчаться с последней, «нагрузив» батюшку, что это – оперативная милицмейская комбинация по глубокому внедрению в банду. Батюшка, видимо, не понаслышке знавший, что такое оперативная работа и давший в свое время не одну подписку о негласном сотрудничестве органам безопасности, обвенчал пару без лишних вопросов.

– Ну и сколько ты так собираешься жить? – поинтересовался как-то у двоеженца Чернаков.

– Наверно, пока не появится кто-то третий... В смысле третья. А потом четвертая...

В четырнадцать тридцать Вячеслав Андреевич предупредил старшего смены, что поехал перекусить, вывел машину с территории и притормозил на остановке троллейбуса, где его уже дожидалась Юля. Машина не была служебной. Служебной не полагалось – начальник охраны должен постоянно находиться на объекте, а рассекать на авто между стеллажей не очень удобно. Если совсем приспичит, можно воспользоваться рогатым электрокаром-подъемником.

Свою подержанную «девятку» Вячеслав Андреевич купил два года назад на «халтурные» деньги. Раз уж система не позволяла заработать официально, приходилось использовать служебное положение. Законов Чернаков не нарушал – в дежурстве по ночам в центре фирменной торговли ничего криминального не видел. Он принципиально отказывался от различных предложений «порешать вопросы», а охрана – это всего лишь охрана. И коммерсантам удобней – менты брали меньше, чем частные предприятия, и ментам – дополнительный заработок и профилактика краж.

– Привет. – Юля звонко чмокнула Чернакова. – Как дела?

Чернаков рассказал о странном вызове к Тагирову, потом о задержании Галины Михайловны.

– Я ее, кстати, уже видела, – вспомнила Юля.

– Ничего удивительного... Тетя, чувствую, мировая. Спец по выносу. Повезло, что ценник к пальто прилип.

Вячеслав Андреевич даже близких людей не посвящал в секреты ремесла. Сегодня близкие – завтра далекие.

– Слушай, давай куда-нибудь в другое место поедем, – предложил он.

– Как скажешь. Только поблизости тут ничего, кроме «Шавермы».

– Отлично! – улыбнулся Вячеслав Андреевич. – Что может быть прекрасней шавермы? Только двойная шаверма!..

Он свернул с обычного маршрута и вырулил на улицу, ведущую в центр.

– А у тебя что плохого?

– Ничего... Вчера у подружки засиделась, настоящую текилу пили. Из Мексики. В час вернулась.

– Я тоже поздно приехал. В клубе юбилей отмечали. Голова вроде прошла, а горло до сих пор саднит. Перепели.

– У меня леденцы с эвкалиптом есть. Хочешь?

– Давай.

– Слушай, ко мне сегодня один тип подходил... – Протянув конфетку, она уселась вполоборота к Чернакову. – Представился представителем дилера. Краской финской торгуют. У нас их отдел есть. Предложил подзаработать.

– Интересно...

– Короче, я должна рекомендовать покупателям только их краску. На самом деле, фирменные, дорогие краски по качеству примерно равны. Но незнающий покупатель спрашивает – что вы мне взять посоветуете? Вот я и должна назвать их марку.

– И какова корысть?

– Пятьдесят баксов в неделю. Чистыми.

– Ого! Ну и что ты?

– Согласилась. Или начальник службы безопасности против?

– Видите ли, Юлия Эдуардовна, – улыбнулся Чернаков, – своими действиями вы разрушаете установленный природой хрупкий кислотно-щелочной баланс. Это приводит к постепенному снижению товарооборота, уменьшению прибыли и в итоге – к полному параличу товарно-денежных отношений в отдельно взятом магазине. Но вам, в качестве исключения, я разрешаю.

– Спасибо.

– Но имей в виду, они могут проверить. Не проколись! И деньги обязательно бери вперед.

Да, если реклама двигатель торговли, то скрытая реклама – ее колеса. А дилеры – вообще ребята с хорошей фантазией. Мало того что продавцам на одежду стикеры лепят, так недавно предложили... на лоб рисовать! Несмывающейся краской малюют человеку логотип фирмы, и тот целый год должен ходить с лейблом на лбу! Мол, на одежду никто внимания не обращает, а вот если на лбу будет сверкать надпись: «Я – пылесос „Филипс“, всякий залюбуется. Разумеется, лбы подставляли не бесплатно. Кое-кто соглашался...

Юле позвонили на мобильник, подаренный Чернаковым. Ее украденный кошелек он, естественно, не нашел, это нереально, но, как и обещал, – сделал все возможное. Даже убедил Аршанского поставить на шкафчики более надежные замки. И купил телефон, чтобы всегда быть с ней на связи.

Звонила подружка, вернувшаяся из Мексики. Узнавала о последствиях употребления текилы. Юлия заверила, что чувствует себя превосходно, и теперь будет пить только самогонку из кактуса.

Чернаков припарковался возле небольшого подвальчика-кафе. Они заняли столик в темном углу зала, заказали по мясу с овощами и по стакану сока.

На Юле был темно-зеленый костюм, который особенно нравился Чернакову. Она убрала волосы в строгий пучок, отчего походила на популярную телевизионную дикторшу. Пока ждали заказ, подвела губы темно-вишневой помадой, припудрила щеки...

«Почему нельзя все время быть с этой женщиной, вместе ехать с работы домой, ходить в гости к друзьям и по магазинам, да хотя бы просто видеть ее каждый день, и не только на работе?» Ведь Юлия для него не просто девочка для удовольствий. Зачем играть в дурацкую конспирацию, прятаться по квартирам или дачам приятелей, словно эмигрантам, нелегально живущим в чужой стране? Устои, устои. Имидж, положение... И совершенно не согревала мысль, что, наверное, он не один такой... Что кругом сплошные треугольники. Его жизнь – это его жизнь. И посоветоваться-то особо не с кем. Не с женой же... Друзья, конечно, были. Но у друзей свои проблемы, свои треугольники, свое кино...

Вообще-то, все зависело только от него самого. Просто надо набраться решимости, сделать выбор и не шарахаться из стороны в сторону. Главное, политическая воля, а остальное приложится. Хочешь быть счастливым – будь им.

– Ты работаешь в воскресенье? – спросил он, когда принесли мясо.

– Нет, выходная. А что?

– Можно встретиться...

Юлия понимала, о чем идет речь.

– Где?

– Тебе понравится.

– Хорошо, – кивнула она.

Чернаков уловил в ответе какую-то усталость. Наверное, Юлю волновали те же самые вопросы, что и его. Ну встретимся... А что дальше? Они так и будут совмещать личную жизнь с семейной?

Надо, надо что-то решать... Само не рассосется. И ладно б, все зависело только от него... Есть еще контуженный фронтовик, который вряд ли спокойно усядется за стол переговоров.

Может, лучше разбежаться, пока... Что пока? Пока не поздно? Так уже поздно. Засосало.

Он часто вспоминал один случай. Классический треугольник. Два друга. С детства. У одного жена, второй в нее влюбился. Подарки втихаря дарил, ухаживал. В итоге соблазнил. Решил поговорить с мужем начистоту. «Прости, друг, но жить теперь она хочет со мной. Отпусти». Муж ответил искренне: уйдет – убью обоих, ствол найдется... Ствол действительно был, друг бандитизмом увлекался, народу уложил немало. Тянулась эта канитель пару лет. А потом любовник не выдержал, пригласил лучшего друга, якобы для примирения, и сзади молоточком по темени, пока тот водку откупоривал. Перенес в ванную и неделю шинковал. Пока по помойкам не развез. Чернаков потом спросил, неужели нельзя было по-другому? Не в смысле расчленения, а вообще без крови. «А как?» – простодушно переспросил задержанный.

А действительно, как? Развестись нельзя – курок у пистолета взведен. В другой город сбежать или за границу? Так это в мелодрамах хорошо. По углам всю жизнь жаться-прятаться? Тоже не выход, чокнешься.

У Чернакова, кстати, ситуация еще покруче. У того убийца хоть семьи не было... В общем, как говорится – жизнь прекрасна и поучительна. Но это не означало, что он собирался кого-нибудь убивать... Странно, человечество изобрело космическую связь, компьютеры шестого поколения, клонирование, а как быть с обычными треугольниками, так и не придумало. И вряд ли когда-нибудь придумает. Даже обидно за человечество...

С местом воскресной встречи он, кстати, еще не решил. У приятелей свободных квартир не было. Коллег-подчиненных он даже не опрашивал. Можно, конечно, встретиться в небольшой частной баньке, ее хозяин, проходивший по одному делу свидетелем, предлагал попариться за половину цены. Но Чернаков от этой мысли отказался. Он искренне полагал, что пригласить любимую женщину на совместную помывку так же нелепо, как в разгар поминок объявить «белый танец». Юля же для него не свободноконвертируемая дама... Может, он не шел в ногу со временем? И уж тем более не бежал?..

Вчера он полазил по Интернету и отыскал сайт небольшой гостиницы, специально предусмотренной для помощи лицам, попавшим в треугольник. Окраина города, укромное место, гуманные цены, располагающий интерьер... Комнату можно снять и на час, и на десять дней. И главное – полная гарантия анонимности, никаких паспортов предъявлять не надо. Были бы мани-мани на кармане... Воистину: спрос рождает предложения. Прибыль делается даже на треугольниках, и неплохая прибыль.

Он позвонил по указанному телефону. Все подтвердилось, мотель исправно функционировал. Правда, на воскресенье свободных мест не было. Что поделаешь: треугольники теперь на каждом углу!

– Попробуйте позвонить в субботу вечером, – предложил мягкий женский голос, – бывает, люди снимают брönю. Иялучше внести предоплату... Тогда точно комнату никто не займет.

– Хорошо, спасибо... Я позвоню.

Что сказать жене, он еще не решил. Скорее всего, ничего. А она, скорее всего, и не спросит.

Завтра, в субботу, он работал до обеда. Выходные дни – самые напряженные, в воскресенье держать оборону будет старший смены. После работы поедет поиграть в хоккей на «Спартаке», небольшом крытом стадионе. По субботам там собиралась любительская команда, в основном ветераны, и полтора часа гоняли шайбу на арендованной площадке. Для Чернакова это было неплохой отдушиной, он играл не столько для поддержания спортивной формы, сколько отдыхал морально, забывая на льду обо всех проблемах. И старался не пропускать тренировок. Самому старому игроку НХЛ было сорок три года, чуть меньше, чем Чернакову.

Поэтому Вячеслав Андреевич вполне резонно рассудил, что коньки на стену вешать рано и еще лет десять – пятнадцать можно смело выходить на искусственный лед.

...После обеда они выпили по чашке кофе, поболтали о всякой ерунде, типа мировых цен на нефть, падения курса доллара на мировой бирже и птичьего гриппа.

На улице их ждала засада, как того требует жанр. Возле «девятки» Чернакова торчали два добрых молодца. Судя по сложению – толкатели ядра, судя по перебитым носам – боксеры, судя по умным глазам – шахматисты. Или борцы сумо. Короче, братва. («Братва обыкновенная» (*Banditas naturales*) – семейство быкообразных, отряд хищников, окрас в зависимости от моды и политической ситуации. Некоторые редкие вымирающие виды занесены в Красную Книгу.)

Братву от остальных людей Вячеслав Андреевич научился отличать безошибочно, даже если она облачалась в смокинги и прикрывалась членством в каких-нибудь попечительских советах или благотворительных фондах. Что-то неуловимо прекрасное улавливалось в их облике, словах, жестах и главное – в повадках.

Жесты прямо говорили, что молодые люди чем-то недовольны и готовы выступить на защиту своих ущемленных прав. Насупив брови и массируя кулаки, они придиричиво изучали передний бампер «Жигулей», словно под ним были спрятаны золотые слитки.

«Сейчас они скажут: „Слышь, мужик“, – подумал Чернаков, подойдя к машине.

– Слышь, мужик...

«Я знал, я знал!»

– Твоя тачка?

– Моя. Купить хотите?

– Говно не покупаем. Ты нам крыло помял, – первый юноша кивнул квадратным подбородком на потрепанный «Лендровер», уткнувшийся носом в соседний сугроб. На заднем крыле бликовала свежая или не очень свежая вмятина, причем на высоте, до которой «девятка» могла разве что допрыгнуть.

Чернаков был готов поклясться здоровьем нового Папы Римского, что, когда он парковался, джипа на площадке не наблюдалось. Диагноз ставился мгновенно: мальчикам не хватало на шаверму, и они решили пообедать за счет хозяина посторонней машины.

– Вас тут не стояло, господа, – мягко возразил Вячеслав Андреевич, открыв дверь перед Юлей.

Жестокий и беспощадный мат был ответом на логичный и аргументированный довод. В преамбуле говорилось о наглом искажении фактов владельцем «девятки», в основной части описывались его низменные человеческие качества, а в эпилоге следовал вывод о необходимости возместить материальный ущерб, чтобы не лишиться головы и почек. Ущерб оценивался в сто условных единиц, внести которые предстояло не отходя от места катастрофы. В любой наличной валюте. Либо расплатиться любым ценным имуществом.

– А машину вам не помыть? Или, может, за пивком холодным стонять?..

– Ах ты, чмо дешевое!.. Еще и быкуешь!

Что последует за устными оскорблениями, Чернаков знал наверняка. Оскорбления действием. С черепно-мозговым или колото-резаным исходом.

Сколько подобных вариантов он имел удовольствие лицезреть за время работы в полицейском департаменте. И не сосчитать. «Заводка» без особых причин, короткий бой, карета «скорой помощи», реанимация, и в итоге – поминки. Либо пожизненная утка под кроватью. Особенно азартно бились на перекрестках, выясняя, кто кому должен был уступить дорогу. Зубы вылетали из несчастных ртов, как гильзы при стрельбе из автоматов. Пока там страховщики и суды разберутся!.. В общем, народ нынче пошел нервный, эмоциональный. За словом в карман не лезет – сразу за битой. Скоро по улицам будут с ними ходить, словно мушкетеры со шпагами.

Эти пока бит не достают, рассчитывают голыми руками за обиду поквитаться. Видимо, не один год груши в залах околачивали. Собственно, не рассчитывают, а уже квиваются. Кулак летит, полет нормальный...

А посему нечего надеяться на мирные переговоры и ждать с неба подмоги. И крутого рукопашника не резон из себя корчить. Они круче. И моложе. Наверняка без радикулита и панкреатита. И пока не насладятся победой и материальной выгодой, не угомонятся. Слава Богу, Юля успела сесть в машину.

Ксивы в кармане и «макарыча» под мышкой уже нет, что немного огорчает. Сейчас бы все вопросы были сняты. Что ж, придется снимать подручными средствами...

Чернаков отскочил назад, увернувшись от могучего кулака, в два прыжка обогнул сзади машину, распахнул заднюю дверь «девятки». Выручай еще раз, волшебная палочка. (Спонсор драки – ведущий мировой производитель товаров для хоккея – канадская фирма «ССМ». Простота и надежность в каждой шайбе!)

Хоккейная клюшка только на вид хрупкий снаряд. Но «перышко» на ней попрочнее иного металла, особенно фирменное. С прокладкой пластиковой, чтоб от удара по шайбе не ломалось. И если ребром, например, врезать от души по рукам, можно смело покидать площадку до конца игры, а то и сезона. Вячеслав Андреевич прочувствовал это на собственных костях. Иной раз и доспехи не спасали. А уж если по носу крюком пощекотать или по зубам... Мечта художника-карикатуриста. Вдобавок радиус поражения вдохновляет. Прекрасен, как все великое.

Предупреждать атакующих о боевых характеристиках своей волшебной палочки Чернаков не собирался. Не успел бы. И кричать глупости, вроде «Не подходи, убью!», тоже не стал. Все равно не поверят, все равно попрут напролом, раз уж начали. Короткий размах, кистевой бросок. По первой «шайбе», по второй. Четко, как на тренировке. Щелк, еще щелк!

Го-о-о-л!!!

Один попытался поставить блок рукой. Наивен не по годам. Блок сломался, квадратный подбородок превратился в параллелепипед.

«За опасную игру высоко поднятой клюшкой на две минуты удаляется...» Ну и что? Зато цел остался. А они не остались. Оба на снегу брейк танцуют, зажав ушибленные места. «Не по правилам, сволочь! Так нечестно!» Согласен. Но не я первым в атаку пошел, я вообще против драк, я не тофгай. «Мы заявляем протест!» Протест отклонен! Переигровки не будет! Счет на табло. Два-ноль.

При желании можно было добить контрольным ударом...

Не будем. Другие добьют, рано или поздно. Кинул клюшку в салон, задницу на сиденье, педаль – в пол. Через пять – десять секунд *banditas naturales* очухаются, за битами полезут. А две биты против одной клюшки – несправедливо. Да и эффекта внезапности уже не будет.

«Ну вот, а ты боялась, даже клюшка не сломалась!» Трус не играет в бейсбол!..

В зеркале заднего вида отразился синий лучик мигалки. Полиция. Рядом с «Ровером», как из-под снега, выросло авто отечественного производителя. «Шестера» с нарисованной совой на дверях. Вневедомственная охрана. Ого, быстро они. Словно ждали.

Парни тыкали пальцами в чернаковскую машину, пытаясь объяснить двум сержантам из группы захвата, что стали жертвой хоккейного беспредела. Сержанты попрыгали в «шестерку» и бросились в погоню за нарушителем общественного порядка.

Устраивать гонки по «пробковым» улицам Питера Вячеслав Андреевич, несмотря на требования жанра, категорически не желал. Но сдаваться властям – тоже. Власти сначала устроят силовое задержание и ему, и Юле. Причем с изъятием всех материальных ценностей. Охранники – ребята без интеллигентских комплексов, от них и пенсионное удостоверение не спасет. В ноябре управление собственной безопасности троих повязало. За смену ухитрились по

пятьдесят трубок у незащищенной части пролетариата экспроприировать и тут же продавать официальным дилерам по торговле краденым.

А после задержания еще и в местный отдел потащат, что совершенно некстати. Особенно если у «потерпевших», говоря юридическим языком, обнаружится «вред здоровью легкой или средней тяжести».

Поэтому он свернул в ближайший переулок и тут же нырнул в темную арку, разворотив сугроб. «Шестерка», вращая маячком, проскочила мимо. Номера «девятки» бывшие коллеги вряд ли рассмотрели, у Чернакова вторую неделю руки не доходили помыть персональный транспорт. Как чувствовал, что торопиться не стоит.

– Испугалась? – Он немного отдышался.

– Не успела... Почему они прицепились? Не мы же их помяли...

– Старая разводка... Хлопцы находят повод, затевают драку. Тут же подлетает милиция, всех кладет мордой на снег и добросовестно обыскивает. Под шумок хлопцы сваливают, а тебя везут в ближайший отдел за мелкое хулиганство. Или не везут.

– А в чем смысл?

– В обыске. Черта с два ты потом докажешь, что у тебя был мобильник, деньги в бумажнике или золотой браслет на запястье.

– А почему именно к нам привязались?

– Проще простого. Одеты прилично, обедаем в кафе, приехали на машине. Значит, при деньгах... Если честно, я сам этим промышлял, поэтому знаю.

– Серьезно?!

– Нет, в отличие от этих, я всегда улыбался... В тяжелую годину безденежья наряжался в форму, подходил к какой-нибудь забегаловке и встречал зажиточного клиента... Шутка. Я работал по-крупному. Контроль за казино, банками, ресторанами. Оборотень с большой буквы «О». УСБ даже объявило награду за мою поимку.

– Кто объявил?

– Управление собственной безопасности. У них на шевронах нарисован волк, пронзенный осиновым колом. А в пистолетах – серебряные пули.

– Не очень ты на волка похож...

– Маскировка и еще раз маскировка!

– Вот это я заметила.

Переждав немного, они вернулись в «Планету». Юлю Вячеслав Андреевич высадил на остановке.

В четыре часа Чернакову на трубку позвонил взволнованный Аршанский и срочно вызвал к себе. Когда начальник охраны пришел на зов, Илья Романович нервно подскочил со стула, будто тот был электрическим.

– Вячеслав Андреевич, ЧП!

– Что случилось?

– Слава Богу, пока не у нас... В «Максистрое» теракт! Полчаса назад. Во всех магазинах одновременно!

Сеть супермаркетов «Максистрой» была основным конкурентом «Планеты-Хауз».

– Мины? – уточнил Чернаков.

– Тьфу-тьфу – газовые. Хрень какую-то распылили вонючую! Но есть отравленные... Мне администратор их позвонил, мы в торговом учились вместе... Закладки кто-то сделал с часовым механизмом, две рванули, одну грузчик заметил! У них там сейчас все на ушах... ФСБ приехала, милиция, МЧС, прокуратура!

– А вы-то что так переживаете?

– Как что?! Они ж наши конкуренты! Все подозрения на нас!

– Ну и пускай подозревают. Не мы же мины заложили.

– Но они-то про это не знают! Вдруг ответить захотят?! У них же убытков миллионов на десять из-за этого газа!

– Вы считаете, им полегчает, если они теперь пустят газ у нас?

– Конечно! Сегодня народ к нам попрется, а когда мы закроемся – к ним! У нас можно заложить мину?

– И не одну, – мрачно усмехнулся Вячеслав Андреевич.

– Как вы можете так спокойно говорить об этом?!

– Я говорю как есть. Или вы хотите услышать, что к нам мышь не проскочит?..

Проскочит. Не то что мышь – слон, груженный тротилом! Люди имеют право не сдавать сумки при входе, можно спокойно пронести любую бомбу, даже авиационную. Потом где-нибудь нагнуться, якобы завязать шнурок, и спрятать игрушку под стеллаж. Или еще куда. И все! Аллах акбар!

Чернаков, как человек живущий в государстве, где террор вовсе не выдумка писателей, постоянно задумывался, что любой супермаркет – идеальный объект для минирования, особенно в предпраздничные дни. И самое обидное, противостоять этому практически невозможно, даже если на каждом метре спрятать по камере наблюдения и обложить охранниками весь зал. Кстати, не исключено, что происшествие в «Максистрой» – привет из Закавказья. Либо предупреждение.

Устроившись в «Планету», он первым делом порылся в архивах, пытаясь найти описания самых громких преступлений, совершенных в супермаркетах. В основном страдали израильские магазины. Но один любопытный случай был зафиксирован в Польше, в середине восьмидесятых. Какой-то придурок позвонил руководству крупного магазина и заявил, что в овощном отделе отравлены фрукты. Проверили – точно, отравы. Придурок условия двинул – или дальше будет травить, или платите много-много злотых. Красавца быстро вычислили, им оказался работник этого же магазина.

А остальное – взрывы, взрывы, взрывы... И никакого гарантированного противоядия.

– И что же делать?! – воскликнул Аршанский, словно женщина, получившая положительный тест на беременность.

– Продолжать торговлю. Или закрыть магазин. Другого не дано. Максимум, что я могу сделать, предложить покупателям на входе респираторы. У нас есть в отделе строительного инвентаря. А продавцам – противогазы.

– Мне не до шуток, Вячеслав Андреевич! Серьезнейший вопрос.

– Хорошо, я в двадцать второй раз предупрежу охрану и персонал, чтобы были внимательны. И отправлю кого-нибудь в «Максистрой».

– Зачем?

– Поздравить конкурентов с наступающим...

Чернаков вернулся в зал, нашел Бушуева, рассказал про атаку на «Максистрой».

– Может, камеры на запись поставить? – предложил Толик. – Хотя бы до Нового года. В проблемных отделах бытовой химии, красок, фейерверков. Если рванет, облегчим работу «старшим братьям» из ФСБ по раскрытию.

– Поставь. Жаль, аппаратуры записывающей маловато... Потом поезжай в «Максистрой», разузнай, что у них.

– Сделаю.

– Только не задерживайся, Харламову одному не справиться...

– Уже лечу.

Две молодые женщины вполголоса сплетничали в метре от Чернакова.

– Мне сказали, торгаши в красную икру добавляют формальдегид.

– Зачем?!

– Чтобы дольше хранилась. Формальдегидом же покойников обрабатывают, чтобы не портились!

– Кошмар!

– А еще фильтруют обычную воду из-под крана, разливают по бутылкам и продают как питьевую. А мы травимся!

– Убила бы... Везде дурят!.. Вы не подскажете, – она обратилась к Чернакову, приняв его за продавца, – вон та елочка за пять тысяч живая или искусственная?

– Искусственная... Но ее надо ставить в воду и поливать.

– Зачем?!

– Иначе иголки отвалятся... Полная имитация.

Тут же подскочил мужичок в плотницком комбинезоне.

– А где рулетки лежат?

– Возле касс. Но имейте в виду, они все русские...

Через полчаса по выставленным в отделе радиоаппаратуры телевизорам показали сюжет из «Максистроя». Журналисты подсустились быстро. На экранах мелькали кареты «скорых», милицейские фуражки и папахи. Легко пострадавшие делились впечатлениями о том, как почувствовали едкий запах, головокружение, боль в груди и удушье. Как побежали на улицу, побросав корзины, а их не выпускала охрана... По предварительным данным, пострадали шестьдесят человек... Какой-то серьезный начальник в гражданском авторитетно заявил, что совершено злостное хулиганство (хорошо, не уклонение от уплаты алиментов). Распыленный газ – мирного, не боевого назначения, применяется в легкой промышленности (для производства дезодорантов). Достать его труда не составляет... Руководство магазина неоднократно получало письма с угрозами по электронной почте. Сейчас эта информация проверяется... Не исключены происки конкурентов, рынок строительных товаров переполнен...

«Спасибо за версию», – подумал Чернаков, прикидывая, как будет оправдываться, когда его вызовут в прокуратуру или ФСБ. Он, кстати, тоже не исключал, что к происшествию могут быть причастны большие боссы из «Планеты». «Поздравляем дорогих конкурентов с наступающим Новым годом и желаем хорошей торговли в предпраздничные дни»...

Он обернулся в зал. Многие из покупателей видели сюжет, но не бросались на выход, не кричали от ужаса и даже не возмущались. Потому что привыкли...

Сразу за сюжетом из «Максистроя» пошел блок рекламы. «Вы думаете, он готовится к Олимпийским играм? К экзаменам в институт, к полету на Марс? Нет, он готовится стать спасателем...»

В отличие от Министерства внутренних дел, МЧС денег на пропаганду не жалело. Значит, контора зажиточная.

«...И миллионы микробов умрут!»

Бушуев вернулся через час. Ничего нового по сравнению с репортажем он не выяснил. «Максистойрой» оцепили, внутрь никого не пускали. Действительно, в залах, под стеллажами были заложены взрывные устройства с часовым механизмом. Два сработали, два других случайно заметили и успели обезвредить. Правда, газ никакой не бытовой, а самый настоящий боевой. И ужасно вонючий.

– Но не это хреново, Андреич, – подвел черту Бушуев, – они нас подозревают. Реально... Как бы ответку не заслали...

– И ты туда же... Они не идиоты затевать войну, пока не разберутся. Успокойся... Ты связался с «восьмым» отделом по поводу угонов?

– Связался... Толку-то? Тачки по всему городу бомбят, не только у нас. Но они пообещали взять на контроль...

Вечером со стоянки угнали еще две машины. Быстро и качественно. В объектив камер слежения умельцы не попали...

После работы Вячеслав Андреевич подождал Юлю на остановке и отвез домой.

– Ты сможешь отпроситься с работы дней на десять? – спросил он, перед тем как слиться в прощальном поцелуе.

– Вряд ли... Сам видишь, сколько народу, да еще Игорь заболел, старший продавец... А зачем?

– Слышала, что случилось в «Максистрое»?.. Я опасаюсь за тебя...

– Что, и у нас могут?

– Не знаю... Предчувствие нехорошее... Да и вообще что-то непонятное происходит.

– Но ты же защитишь меня...

– Конечно... Надежнее мыла «Сейфгард».

* * *

«В результате нарушения микрофлоры в прямой кишке образуются наросты, затрудняющие выход каловых масс. Обратите внимание на вот эти участки, наиболее подверженные поражению. Гнойнички – первый симптом болезни. Решить эту проблему поможет методика доктора Засра...»

Чернаков щелкнул лентяжкой. Выходной день, время завтрака. Что может быть приятней созерцания на экране прямой кишки в разрезе? Да, в общем-то – ничего. Приятного аппетита, дорогие телезрители.

«Сегодня вечером! Реалити-шоу „Морг-2. Вскрытие“. Старые герои и новые знакомства».

Рейтинги делали либо запредельно дорогие проекты, либо предельно убогие, все остальное терялось в мутном эфирном море. Правда, Вячеслава Андреевича это не волновало, он почти не смотрел телевизор.

Щелчок.

По федеральному каналу шли новости. Мусолили тему вчерашнего происшествия в «Максистрое». «Что это – происки конкурентов, хулиганская выходка или террористический акт, – покажет следствие. Пока дело возбуждено по статье „злостное хулиганство“. Мы будем следить за развитием событий».

Следить проще.

Он выключил телевизор, допил кофе. Бесшумно прошел в спальню, чтобы забрать сумку с хоккейной формой. Сумка ввиду своих габаритов в шкаф и на антресоли не влезала, приходилось хранить ее на полу, рядом с диваном. Когда после игры Чернаков раскладывал мокрую амуницию на просушку, спальня превращалась в газовую камеру. Оставлять форму в машине Вячеслав Андреевич не рисковал. Машину он бросал под окном, пару раз в нее забирались местные тимуровцы и расхищали оставленное барахло. А форма тянула долларов на пятьсот, пускай лучше в спальне благоухает...

На буднях он добирался до «Планеты» за час. Сегодня, в субботу, пробок не было, и через двадцать минут он уже зашел в супермаркет.

За ночь ничего, тьфу-тьфу, не стряслось, кроме потасовки, устроенной пьяным покупателем, посчитавшим, что ему нахамил продавец. С покупателем разобрался кинг-конгообразный охранник Дима Ерофеев по кличке Дегустатор, ранее служивший в специальном отряде быстрого реагирования. Бунтовавшего покупателя Дима усмирил без применения спецсредств. Просто вынес бунтаря из магазина и положил под елочку приходить в себя. Ерофеев, вообще-то, был добродушным парнем, и, как свойственно многим из этой категории людей, – несколько доверчивым. Из семи смертных грехов он выбрал самый безобидный – чревоугодие, но грешил по-черному, агрессивно поглощая все, что жуется и переваривается. Ни один шведский стол в мире не удовлетворил бы его неформатный желудок.

Собственно, именно доверчивость и чревоугодие стоили Ерофееву милицейских погон. Минувшим летом СОБРу поручили охранять от антиглобалистов какую-то межправительственную делегацию, прилетевшую с неофициальным визитом из Европейского союза. Оберегать иностранцев предстояло круглосуточно, в том числе в отеле и на торжественных банкетах. Один из банкетов проходил прямо в гостинице, на него были приглашены видные питерские чиновники. В ресторане накрыли поляну с деликатесами. Именно сие мероприятие и выпало охранять Ерофееву. Коллеги, помня о Диминой простоте, решили по-доброму подшутить. «Димыч, а ты в курсе, что в наши обязанности входит дегустировать блюда? Мы вчера все отпробовали. Сегодня твоя очередь угощаться. Да ты не дрейфь, хавка нормальная, не отравленная, никому эти иноземцы даром не нужны. Лопай смело. Заодно и пообедает».

Ерофеев, как человек слабый на желудок, перед такой халевой не устоял. За полчаса до банкета, гремя берцами, завалился в зал и наглым образом принялся активно дегустировать закуску и выпивку! Словно его год к столу не пускали. И выбирал не абы что, а деликатесы, типа икорки и балычка, запивая славной водочкой дорогих сортов. За этим беспределом и застала Диму делегация. У всех челюсти вниз. У гостей вопросы к представителям администрации – вы что, своих полицейских не кормите? Кормим. Плохо, но кормим... «Я ж дегустатор, – простодушно доложил Ерофеев, смахивая с подбородка черные икринки, – проверено, отравы нет, все съедобно и вкусно. И водка хорошая, не „паленка“, пейте спокойно. Приятного аппетита».

Начальство, припомнив все предыдущие проколы собровца, предложило ему устроиться дегустатором где-нибудь на гражданке. Дима, проплакав ночь в подушку, написал рапорт и покинул ряды Министерства внутренних дел, сказав на прощание: «Я вернусь». («I'll be back!») Умереть голодной смертью ему не дал его бывший сослуживец, охранявший «Планету». Теперь они охраняли ее вместе. Но кличка «Дегустатор» взамен предыдущей, «Терминатор», к Диме пристала навечно. Страсть к неумеренному поглощению пищи тоже сохранилась, и любимым местом Ерофеева в «Планете» стало кафе.

В десять часов Чернаков позвонил в мотель. Мест пока не было. Вкрадчивый голос предложил не огорчаться и позвонить после шести вечера. Вячеслав Андреевич все-таки огорчился и на всякий случай снова залез в Интернет в поисках других вариантов. Варианты были, но не удовлетворяли по материальным или географическим признакам. Либо слишком дорого, либо далеко, чуть ли не на сотом километре от Питера. Сайты мотелей, помимо собственно номеров, предлагали платное приложение к ним в виде красавиц модельной внешности, гарантируя добротную, качественную любовь по демпинговым ценам. Фотографии оголенных чаровниц размещались тут же, иногда прямо в интерьерах. На кроватях и в душевых кабинках. А одна даже на толчке.

За созерцанием дамских прелестей и застал начальника охраны бывший подчиненный, а ныне старший опер из убойного отдела Главка Роман Романович Лутошин, чем-то похожий на биг-мак, облаченный в дубленку. Час назад он позвонил Чернакову и сообщил, что осчастливит его визитом по какому-то серьезному и тайному дельцу.

С лутошинской дубленкой, кстати, была связана занятная история. В переходные годы, накопив денег, он купил ее на рынке и тут же задрал нос. Мол, смотрите, в чем нормальные пацаны ходят, не то что вы, оборванцы. В итоге нормальному пацану во время очередной пьянки остальные пацаны по-тихому пришили на дубленку полковничьи погоны. Пришили грамотно, чуть ближе к спине, чтобы хозяину они не бросались в глаза. Лутошин с гордо поднятым носом дошел до метро, ловя кайф от того, что его крутую дубленку провожают взглядами прохожие, спустился в метро, проехал несколько остановок и только после этого, посмотрев на свое отражение, заметил неладное. Попытался прямо в вагоне сорвать эполеты, да не тут-то было – пришили их намертво, суровыми нитками. До дома Роман Романович бежал бегом,

трясаясь от холода и сжимая обновку под мышкой, отчего, наверное, выглядел еще бóльшим идиотом.

– Ага! Сексу время, работе – час!.. Покупатели могут спать спокойно! Девчоночками интересуетесь? Так ты только свисти – подгоним в шесть секунд!

На самом деле Роман Романович, которому месяц назад стукнуло тридцать восемь, вряд ли бы кого подогнал. Это он так, для поднятия собственного рейтинга в посторонних глазах. Мол, я такой крутой мачо – Бандерас отдыхает!.. Как говорили про него соратники: Лутошин – человек, погубленный моралью. Изменить жене для него было так же противоестественно, как вымыть голову средством от ржавчины (ведь есть же шампунь!). На все предложения верных коллег отдохнуть на стороне Роман Романович отвечал слезливым отказом – дескать, и рад бы, да не могу черту переступить. Старообрядческое происхождение мешает. Вот на фирмачей наехать – без вопросов, а блудить ни-ни.

Однажды все-таки переступил. Лет пять назад. После корпоративной вечеринки, посвященной профессиональному празднику. Держался-держался, но когда приглашенная кем-то фигуристая милашка в минимальной юбке присела к нему на колени и, невинно потупив взор, принялась расстегивать пуговицы на его рубашке, устоять не смог и упал. Алкоголь и похоть загнали мораль в угол ринга и велели не высовываться. Слились грешники в кабинете, прямо на рабочем столе, на недописанном плане по раскрытию заказного убийства какого-то медиа-магната. О чем на следующий день гордый за себя Лутошин обстоятельно, в деталях доложил коллегам. «А буфера у нее во-о-т такие!» – «На себе не показывай...»

Мораль отыгралась по полной: Роман Романович заполучил все известные медицине венерические заболевания, кроме, тьфу-тьфу, СПИДа. И грипп до кучи, хорошо, не птичий. Это ж надо так попасть! В десяточку! Изменники-коллеги меняли боевых подруг чуть ли не каждую неделю, и никаких последствий. А тут такая непруха! Один-единственный раз – и на тебе! Наслаждайтесь по полной! Бросился выяснять, кто притащил на пьянку эту заразную блядь. Но никто из коллег-друзей не раскололся. В итоге сошлись на том, что ее заслал преступный элемент, дабы внести раздрай в сплоченный ментовский коллектив и вывести из строя его лучшего представителя.

Повезло хоть, что лутошинская жена уехала на пару недель на родину, к матери в Симферополь, и представитель не передал ей эстафетную палочку, полученную от милашки. Счастье, что у соседа по кабинету нашелся знакомый врач, пообещавший анонимно изгнать заразу из организма в кратчайшие сроки и за умеренную плату. Хватило одной зарплаты плюс «материалки», подписанной начальником райотдела. Отыскать ходячую инфекцию, чтобы взыскать с нее хотя бы деньги за лечение, Роман Романович так и не сумел. При всем своем оперативном мастерстве. Зато теперь он рефлексивно почесывал исколотую задницу и при каждом удобном случае блистал знаниями, почерпнутыми с плакатов в приемной венеролога. Мол, улица «1905 года» в Москве названа так не в память о первой революции, а в честь открытия возбудителя сифилиса – бледной трепонемы.

Чернаков закрыл страницу, на экране появилась заставка: милицейская фуражка и надпись: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет – значит, с ними нам!»

– Привет, Ром. С наступающим.

– Ответно!

– Как семья, как дети?

– Нормально! Службе не мешают!

Они немного посплетничали о министерских и главковских интригах, будто эти интриги каким-то образом могли сказаться на их благополучии, обсудили общих знакомых, обменялись последними анекдотами, потом перешли к делу.

– Короче, тут тема гнилая рисуется. – Лутошин развернул на столе потрепанный блокнот. – Богатые тетki приезжают в магазин на тачках, набирают полные пакеты барахла. Им садятся на хвост и ведут до самого дома. Когда они с пакетами к подъезду ползут, им «грузят» по темени. Ключи от тачки забирают – и тю-тю... Абы что не берут. Все машины новые, и модели солиднйак.

– Ну а мы-то тут при чем?

– По городу четвертый случай за полторы недели. Два последних со смертельным...

Темп олимпийский. Первый раз вели от «Маркет-сити», двух следующих – от «Ленты», вчера от вас...

– Точно от нас?

– Без вариантов. Муж сказал, она звонила, советовалась по поводу подарка для свекрови. Покупки были в пакетах с вашим лейблом. Часов в двенадцать выехала из магазина. Тачка «Фольксваген-гольф», почти нулевая. Муж подарил. Бабе двадцать шесть, да еще на третьем месяце... Откинулась, не приходя в сознание.

– Черепно-мозговая?

– Да. Скорей всего, битой причесали... Убивать вряд ли хотели, скорее, просто оглушить, но тут не рассчитаешь. Мудачье! Сначала научись грабить, а потом грабь!.. Если такими темпами продолжат... Хреново, в общем. Мы сутками работаем.

– С утками? А я думал, с людьми.

– Петросян хренов!.. Мне не до приколов!

– Ладно... Ты говорил, двое остались живы. Что-нибудь помнят?

– Практически ноль. Если тебя сзади гантелей, к примеру, погладить, ты много вспомнишь?.. Но по первому эпизоду с обходом повезло. Бабка из окна засекла. Правда, не все видела, а только когда они ключи по карманам искали с документами. Двое было. Лет по двадцать пять – тридцать. Золотой возраст. Одежда обычная: темные куртки, шапочки. Морды не разглядела. Угнали «мерина». Спортивный такой, купе красное. Следом со двора вторая тачка выехала, «жигуль» – «четверка» серая. Может, конечно, левая. Но мы все хаты облазили, ни к кому такая не приезжала.

– Больше ничего?

– Ничего. Глухо, как в Марианской впадине, даже фотороботы не составить, хотя толку с них... Возможно, «черные» бомбят. Это их замашки. Наши более интеллигентно угоняют, без насилия. Подставы делать, сам понимаешь, нереально, по телеку тоже не предупредишь, смута начнется.

– А от меня-то ты чего хочешь?

Роман Романович вытащил из папочки пару листов бумаги и положил перед Чернаковым. Бумага была плохого качества. Серая и грубая, но зато толстая, словно упаковочный картон.

– Для начала напиши мне две справочки. Первую, что я тебя ориентировал на розыск преступника. Вторую, что ты ориентировал своих охранников и перекрыл стоянку возле магазина.

– «Бумажные войны»? – ничуть не удивился Вячеслав Андреевич.

– Куда ж без них... Дело резонансное. Чем больше бумаг, тем чище задница, хе-хе-хе...

Чернаков хмыкнул и, не капризничая, выполнил просьбу приятеля. «Ориентировался» и «перекрыл». Хотя со стороны это смотрелось как-то анекдотично. Но что для посторонних анекдот, в системе – драма, это он еще не успел забыть.

– А вообще, если что услышишь, дай знать. – Роман Романович аккуратно убрал свеженарисованные справки в папочку.

– И что, ты только за этим приезжал? Не мог, что ли, курсантов подогнать?

– У курсантов сейчас сессия, да и нельзя им серьезных дел поручать... А потом, я еще кое-что хотел, так сказать, заодно...

Роман Романович сменил игривое выражение лица на серьезное.

– Слав, я тут у вас чайничек присмотрел электрический. «Филипс». Теще на Новый год. В Симферополь отправить. Она старый спалила... Ты мне скидочку не сделаешь? У вас для своих наверняка есть.

– Есть, – еще раз улыбнулся начальник охраны, доставая из портмоне дисконтную карту, – держи. Вернешь охраннику на выходе.

– Спасибо... Какая здесь скидочка?

– Десять процентов.

Лутошин быстро подсчитал экономию и счастливо кивнул:

– Отлично... Сам знаешь – наша служба и бесплатна, и трудна. А премию к Новому году, дай Бог, в марте заплатят. А подарки всем вынь да под елочку положи.

На пороге кабинета Роман Романович обернулся:

– Ну, ты звони, если насчет теток чего узнаешь... Да и вообще – забегай...

Вряд ли Чернаков чего узнает. В городе каждый месяц какой-нибудь «гипер» или «супер» открывается. Подъезжай к любому да работай! Так что перекрывай не перекрывай... Перекрывалка сломается.

На сайт мотеля Вячеслав Андреевич возвращаться не стал, занялся составлением графика дежурств на рождественские каникулы. Головоломка. Всем хочется дурака повалить на праздниках, а «Планета» уже с третьего января работает по обычному графику. Поставишь не так – начнутся обиды, заговоры, интриги... Особенно среди женщин. Некоторые уже сейчас подходят и просят не ставить их на определенные дни. И попробуй поставь! Стрельбу откроют из газового пистолета.

Помучавшись с графиком, Вячеслав Андреевич спустился в зал. Разгар предпраздничной торговли. Торжество рыночной экономики. Тележки, тележки, тележки... У некоторых сразу по две. Забитые доверху. Петляющие очереди-змеи, выстроившиеся от отделов к кассам, словно железнодорожные составы, груженные ширпотребом. Люди спешат принести в жертву богу торговли свои сбережения. Дорога в супермаркет – дорога к храму. Психологи называют это «синдромом безудержного приобретательства». Ну и отлично. Зарплата начальника охраны напрямую зависит от вала покупателей. Воздадим хвалу богу торговли, поднимем кубок в его честь! Смилуйся, боженька, пошли нам скидочку побогаче!

Народ считает все, будто после Нового года вновь наступит социализм и, кроме хозяйственного мыла и спичек, на прилавках ничего не останется. Парадокс. Все жалуются на нехватку денег, но у «потребительской корзины» скоро отвалятся ручки или проломится дно. В каком-то журнале Чернаков читал, что супермаркеты не возникают абы где. Даже если в городе живет десять миллионов ртов, не факт, что в нем окажется хотя бы один супермагазинчик. Все зависит от доходов населения. Как только они превысят определенный рубеж – все, понеслось! Молдаване – за работу!.. Значит, в Питере превысил. Есть чем гордиться северной столице. Не культурой единой жив у нас человек!

Потолкавшись среди «потребительских корзин», он нашел Бушуева, который сегодня, согласно графику, шпионил за народом. Рассказал о визите Лутошина.

– А что мы сделать можем? – Пожал плечами детектив. – Пока не наследят реально или не стуканет кто, хрен поймает. Тачка у них наверняка с левыми номерами. Даже если камера их срисует – облом... У нас своих головняков хватает. Если как «Максистрой» заминировать, будет нам Новый год...

– Тьфу-тьфу, не каркай... Ничего, кстати, нового?

– Пока тишина. Условий террористы не выдвигают. Значит, это и впрямь злостное-презлостное хулиганство.

Чернаков продрался через полосу препятствий-тележек к выходу, забрал у стоящего на рамке охранника свою дисконтную карточку, оставленную Романом Романовичем. Через усе-

янное декоративными снежинками стекло он заметил на парковке знакомую личность с красным колпаком на голове. Личность втюхивала приехавшим в супермаркет автолюбителям стеклоочистители «по оптовым ценам». Правда, эти оптовые цены почему-то были чуть выше розничных, по которым точно такие же щетки свободно продавались в отделе автозапчастей «Планеты». Но покупатель об этой страшной тайне пока не догадывался, а личность гарантировала, что берет щетки у дилера напрямую и торгует без накруток. «Все фирменное, родное, на любую модель, пять щеток отдам по цене четырех...»

Личность звали простым русским именем Вася. Он был ровесником Чернакова, но выглядел гораздо старше. Причина банальна – алкоголь и богемный образ жизни, девять лет которой было отдано лесоповалу по приговору народного суда. Эстафета «три по три», как говорил сам Василий. Статьи так себе, не воровские, а нынче и вообще не актуальные... Первая была заработана в олимпийском восьмидесятом и отличалась особым цинизмом и дерзостью. Вася съездил в столицу, ночью пробрался в олимпийскую деревню и скупил у дружественной нигерийской команды спортивные костюмы «найк», специально пошитые к празднику спорта по заказу нигерийского правительства. Вернее, не купил, а выменял на ящик «Столичной», в то время являвшейся на мировом рынке социалистическим брендом номер один. Дружественные атлеты согласились на обмен с радостью: будет теперь чем нарушить спортивный режим! (О спирт – ты мир!) Но на выходе из деревни скупщика взяли бдительные чекисты, изъяв мешок с костюмами. Судили Васю закрытым, но показательным процессом по статье «покушение на спекуляцию». В последнем слове, вместо того чтобы упасть на колени и глубоко раскаяться, Василий ткнул пальцем в судей и с гневом заявил: «Вы можете меня посадить, но учтите – придет время, и костюмов у нас на всех хватит! Не только „найков“, но и „адидасов“». Такого неприкрытого кощунства в эпоху развитого социализма судья простить не смогла и вклеила борцу с дефицитом три года строгого режима с конфискацией имущества. Вещественные доказательства – костюмы made in Bundes-Deutschland – по приговору подлежали уничтожению, но, судя по тому, что спустя полгода в нем видели одного из чекистов, уничтожены они не были.

Вторую «трехлетку» несостоявшийся коммерсант заработал опять-таки на ниве рыночных отношений. В восемьдесят седьмом. Когда дефицитные товары народного потребления потихоньку заползали на отечественные прилавки, но не с той скоростью, какой желал бы освободившийся от оков социализма пролетариат. На этом Василий и играл, под видом импортных видеомagneтофонов торгуя отечественными кирпичами. Был пойман потерпевшими с поличным, жестоко бит и препровожден в участок, а оттуда на таежный лесоповал.

Про последнюю часть «трилогии» Василий Чернакову не распространялся. «Так, по глупости залетел... За драчку...» Про своих родственников или семью тоже ничего не докладывал. Обмолвился как-то, что живет у одной бабенки, лишенной от рождения ума. Играет с ней по вечерам в японские шашки («го» называются) и смотрит сериалы по древнему черно-белому телевизору. И в любой момент может быть выгнан на улицу родственниками сожительницы, претендующими на ее однокомнатную квартиру. Щетками и прочими нужными в хозяйстве мелочами торгует, чтобы заработать копеечку на хлеб и вино. Где достает товар – коммерческая тайна. Но не в «Планете». Там дорого, даже с золотой скидкой. Кассовым аппаратом не пользуется.

Именно эта торговля и познакомила коробейника Василия с Чернаковым. Примерно полгода назад некий представитель среднего класса, купивший у «оптовика» стеклоочистители, обнаружил в супермаркете точно такие же, но по правильной цене. А поскольку представитель не привык считать себя лохом, то не поленился вернуться к парковке и начистить козлу рыло.

За «чистой рыла» его и застал Чернаков, возвращавшийся с обеда. Представитель вдвое превосходил соперника по физике и технике и, если бы не начальник охраны «Планеты», проданные щетки могли бы стать для Василия последними в жизни. Вид у несчастного после изби-

ения был столь печален, что Чернаков разрешил ему умыться в служебном туалете, снабдив после этого бинтом и пластырем.

– Я что, под ружьем его заставлял щетки покупать? – стонал бедняга, заклеивая разбитый нос. – Сволочь... У нас свободный рынок.

– Сам-то ты с какого рынка?

– Маркетологи мы... Пскопские... У вас ста грамм не найдется? Или хотя бы двести? Много крови потерял, боюсь, до дома не дотяну.

Сто не сто, а в итоге выпил триста.

Вообще-то, подобная торговля не поощрялась руководством «Планеты», и в обязанности начальника охраны входило зачищать прилегающую территорию от различных «оптовиков» или «моряков загранки», якобы провозивших товары контрабандным путем, а поэтому крайне дешевых. Но Василия Вячеслав Андреевич зачищать не стал, растроганный его биографией. Да и своего человека на паркинге иметь не лишне (от дурной ментовской привычки вербовать теперь до конца жизни не избавишься! Намертво въелась! Хоть самого себя вербуй!). Здесь и «ломщики» валюты ошиваются, и воры автомобильные, и «барсеточники».

В общем, дружба завязалась. Месяц спустя Василий от чистого сердца, но инкогнито, сдал охранника «Планеты», внагляк обложившего оброком «парковщиков» и «маркетологов»...

Чернаков вышел к парковке.

– Василий, ты опять пользуешься моим главным недостатком.

– Ой, Вячеслав Андреевич... Здравствуй... И какой же у вас недостаток, простите за неосведомленность?..

– Доброта... С наступающим... Чем торгуешь?

– Вас так же, – расплылся в кривоизогнутой улыбке «маркетолог», поправив колпак и раскрыв большой пакет, – к Новому году товарец. Шутихи, фейерверки... Хлопушки. Прямо со склада.

– С военного?

– Обижаете! С оптового. Не желаете? Все с гарантией.

– Ага, гарантированно отрывает голову и руки... Ты бы сменил ассортимент, Васисуалий. Детей жалко. Щетками торгуй. Это безопасней.

– Щетки плоховато идут. Морозы... Вот, решил тему сменить.

– Тогда грелками... Я тебя озадачить хочу. Так, на всякий случай.

– Слушаю внимательно, как только могу.

Чернаков рассказал про серую «четверку» и про убитых женщин.

– Ты тут постоянно торчишь, вдруг заметишь... Два бойца.

– Машин много, – развел руками Василий, – но буду иметь в виду. Убивать нехорошо.

– Я бы сказал, совсем нехорошо.

В три часа Вячеслав Андреевич вызвал старшего смены, бывшего народного судью, двадцать лет заседавшего в процессах и в силу этого слегка подзабывшего родную речь. Точнее, не забывшего, а «профессионально сформировавшегося». Теперь, в гражданской жизни, в том числе и быту, он общался исключительно на протокольном, процессуальном языке. Возможно, ложась в постель с женой, он мог ляпнуть: «Я ходатайствую о выполнении вами супружеского долга в соответствии с Кодексом о браке и семье. Вы вправе отказать, но я заявлю протест. Сам или через своего представителя». Выслужив пенсион, он не переметнулся зашибать деньги в адвокатский стан, как большинство его коллег, а пришел в «Заботу». И, надо сказать, добросовестно выполнял свои обязанности. К тому же, обладая огромными связями в судейском корпусе, оказывал «Планете» неоценимые услуги во всяческих тяжбах.

– Валентин Михайлович, я уезжаю. До понедельника меня не будет. Остаетесь за старшего.

– Хорошо, Вячеслав Андреевич. Вы будете выносить отдельное поручение?¹²

– Нет, не буду. Работайте как обычно. Передайте по смене, чтобы завтра после полудня меня не беспокоили. Только в крайнем случае.

– Ходатайство принято.

«Совсем, бедняга, съехал... Теперь двадцать лет отучать надо...»

Прежде чем отправиться на стадион, Чернаков завернул к родителям. Он заезжал к старикам почти каждую субботу, если не случалось авралов. Мать готовила что-нибудь вкусное. Отца сегодня не было, ковырялся в гараже со старой машиной.

– У тебя что-нибудь с Ириной не так? – неожиданно спросила она, когда сын доедал солянку.

– В смысле?

– В смысле отношений... Семейных.

– С чего ты взяла?

– Какая разница? Ты не бойся, я-то тебя всегда пойму.

– Нет... Нормально все. – Чернаков посчитал, что, пока с женой окончательно не выяснены отношения, не стоит расстраивать родителей.

Может, мать видела его с Юлей? Или просто чувствует? Скорее, второе.

– Наташа-то как там с мужем? Давно не звонила.

– Денег не просит. Значит, нормально.

Дочка, в сентябре заключившая брачный контракт с начинающим адвокатом, переехала к мужу. Родительский дом посещала по праздникам или при дефиците денежных знаков. Муж еще не очень крепко стоял на юридических ногах, «разводить» клиентов только учился, поэтому молодая семья не могла назвать себя материально независимой. Сама Наташка училась на четвертом курсе финансово-экономического института, мечтая стать бизнесвуменшей или олигархичкой. Чернаков предлагал ей устроиться на полставки в «Планету» уборщицей или промоутером, но дочь обиженно фыркнула, что ей «не позволяет статус».

– Какой статус?! – обалдел Вячеслав Андреевич.

– Понимаешь, па, я человек серьезный, а серьезный человек должен заниматься серьезными вещами. Нельзя забивать гвозди микроскопом. А разговоры о том, что любой труд почетен, оставьте для неудачников и лузеров.

Кто такие «лузеры», Чернаков представлял плохо, но догадывался, что они не из тех, кто коллекционирует пластиковые карточки...

Мать принесла из закромов трехлитровую банку соленых огурцов – остатки дачного урожая.

– Ма, да у нас есть, не надо.

– Бери, бери. Нам с отцом все равно не съесть... А вы на стол новогодний поставите. Отмечать-то где будете? Дома?

– Не решили пока, – смутился Чернаков, – наверное.

Он действительно пока не знал, где будет встречать Новый год. Очень хотел с Юлей. Но если она не найдет достойный повод, чтобы свалить из любимой семьи, придется дома. Сам-то он мог исчезнуть, не объясняя причин. Ирина бы для проформы спросила, куда он собрался, и так же для проформы поверила бы в «служебную необходимость». Или не поверила, но истерик устраивать бы не стала. Считается, кто разговор начал, тот и виноват в разрыве.

Кем считается?... В чем виноват?..

А может, Ирина специально не выясняет отношения? Вдруг у верного супруга облом получится в личной жизни? Подождем. Сделаем вид, что все распрекрасно. Семью разбить

¹² Отдельное поручение – юридический термин.

никогда не поздно, а после «разговора» ее уже не склеишь. Семья – не разбитая чашка. А если склеишь, то не намертво. Не будем жить долго и счастливо и помирать в один день.

Марафон на выносливость. Задыхаемся от усталости, но с дистанции не сойдем. Терпеть будем.

– А хотите, к нам приезжайте, – предложила мать, не уточняя, с кем должен приехать сын.

– Прикинем...

Из машины Чернаков позвонил Юле. Она была дома. Готовила обед. Для мужа.

Вячеслав Андреевич напомнил, что завтра в полдень заедет за ней. Юля пообещала не опаздывать.

Нажав кнопку, тут же перезвонил в мотель.

– Здравствуйте... Это Джакузин звонит. Местечко не освободилось?

– Да, одна броня не подтвердилась... Правда, номер на нижнем уровне, но зато большой.

– В подвале, что ли?

– Не совсем... Вы будете бронировать?

– Буду.

– На свое имя?

– Да. Джакузин Федор Михайлович, если это имеет значение.

– Желательно внести предоплату... Приносим извинения, но некоторые отказываются в последний момент, и мы несем убытки.

– В девять вечера нормально? – Чернаков прикинул, что может завезти деньги после тренировки, тем более что мотель находился в той же части города, где и стадион.

– Разумеется... Будем ждать.

Погонять шайбу в тот вечер не удалось. «Спартак» – клуб первой лиги – проводил календарную игру, и тренировку любителей перенесли на другой день. Закрутившись, Чернаков забыл позвонить на стадион и уточнить расписание.

Он решил остаться и посмотреть игру, время позволяло. Поднялся на трибуну, сел на свободное место. Оглядевшись, заметил Пашу Сочнева, бывшего капитана бывшей команды ГУВД. Паша пил разливное пиво из большого пластикового стакана. И выпил уже много.

Сочнев жил недалеко от стадиона. Иногда он приходил посмотреть хоккей, благо вход был бесплатным. Сам уже не играл, ссылаясь на болячки. Уволившись на пенсию с должности заместителя начальника следственного управления, Паша устроился в солидный банк. Начальником службы безопасности. И добился определенных высот, завоевав уважение в банковской среде. Но потом пошла темная полоса. В банке сменилось руководство, началась чистка кадров. Сочнев зачистили первым, не продлив с ним контракт. Устроиться в другой банк он не смог. Возраст. Никто не хотел брать на серьезную должность пятидесятипятилетнего пенсионера. Разве только ночным сторожем или контролером на вахте. А что такое для человека, в чей кабинет не заходили без стука, вдруг оказаться в стеклянной будке вахтера?.. Нет, кому-то, конечно, без разницы, но Пашино самолюбие это сильно зацепило. Поиски работы в Интернете тоже оказались безуспешными. Всем нужны молодые и здоровые. Примерно в это же время он похоронил жену. Это окончательно его подломило. Выход из депрессии не отличался оригинальностью – «тонизирующие напитки». Деньги на релаксацию он доставал, читая лекции по основам государства и права в ближайшем лицее. Хотя до этого Сочнев практически не нарушал спортивный режим, особенно работая в банке.

Чернаков поднялся к Паше, присел рядом.

– Привет, Паш...

– А, Славик, – мутно улыбнулся Сочнев, протянув руку, – привет. Чего, «Спартак» пришел посмотреть?

– Тренировку перенесли.

– Пивка хочешь? – Паша протянул стакан.

– Нет, спасибо. За рулем... Сам-то как?

– Отдыхаю... В лицее сессия, потом каникулы... А ты? Все в магазине своем?

– В магазине...

Они потрепались немного, обсудив игру и положение дел в отечественном хоккее.

В перерыве Паша принес еще пару стаканчиков.

– Не сломаешься? – кивнул Чернаков на пиво.

– Да это так, разведка боем... Допинг.

– Слушай, Паш... У нас скоро еще два магазина откроются. Люди будут нужны. Ты как?

– Кем? Сторожем?

– Почему? Для начала старшим смены, а закрепиться, весь объект возьмешь. Только с допингом придется завязать. Сам понимаешь...

– Восемь раз завязывал, завяжу и в девятый... Не проблема.

Паша залпом отпил половину стакана.

Команды вышли на лед, зазвенел вечнозеленый дипапловский «Дым над водой», подбадривая игроков.

– Нет, Паш, я серьезно...

– А я тебе нужен?... Если ты так, из соболезнаваний, то не надо. Мне и в лицее нормально.

– Нужен...

– Ладно, прикину.

Команды скрестили клюшки. Спартаковский вратарь выкатился далеко из ворот, откинув прикатившуюся в зону шайбу. Когда к нему подлетел нападающий соперника, он красочно взмахнул руками и шлепнулся на спину. Со стороны показалось, что нападающий зацепил голкипера. Судья, задержавшийся на другой половине площадки, вскинул руку. Безвинно наказанный игрок бросился к вратарю, пытаясь заставить признаться в симуляции, но его быстро оттеснили от голкипера. Голкипер неприкосновенен. Легкая потасовка, две минуты штрафа. Численное преимущество. «Спартак» забросил шайбу.

– Липанули, – усмехнулся Сочнев и опустошил второй стаканчик, – а как иначе?

– Иначе надо ломаться...

Паша поставил пустую тару под ноги, вытер пену с губ и как-то по-детски обиженно, то ли себе, то ли Чернакову, сказал:

– Я все ту игру не могу забыть... Канадскую...

Чернаков понимающе кивнул.

– Не потому, что в Канаду не поехали. Черт с ней... Мне иногда даже снится... Забиваю шайбу, а судья не засчитывает...

Говорят, многие спортсмены до конца жизни не забывают об упущенных возможностях или обидных проигрышах. Победы, рекорды забываются, поражения – нет. Наверное, для Сочнева тот матч был самым главным поражением.

– Паш... Мы тогда выиграли... У тебя просто плохая память.

– А у тебя хорошая?

– Не жалею. Потому что, как говорил шахматист Алехин, память – это искусство забывать лишнее...

Мотель притаился на трассе, ведущей в Выборг. В курортной зоне, на берегу Финского залива. Дорогое место, но сейчас не сезон, номер на сутки стоил долларов пятьдесят. Чернаков проскочил пост ГИБДД, миновал памятник Ленину в Разливе, вспомнив старый анекдот. «Будьте добры, двести грамм водочки» – «А мы в розлив не продаем, Владимир Ильич» – «А мне не в Разлив, мне в Шушенское!» Чернакова здесь принимали в пионеры, здесь он давал торжественную клятву быть верным делу Ленина и коммунистическим идеалам, бороться за

светлое будущее. Клятву не сдержал, не смог... Теперь на месте шалаша, где прятался вождь, сиял огнями ресторан. С одноименным названием. Потчевал гостей, уже добравшихся до светлого будущего «стерлядь по-пролетарски».

Возле бензоколонки в манящих одеждах мерзли на ветру труженицы заплечного кооператива «Сосулька». Все страшны как на подбор, с ними дядька сутенер... Пример для подражания. Зимой и летом, в холод и зной они на боевом посту и по первому зову готовы оказать водителям две-три минуты сексуальной радости. («Я приехала в Петербург с Украины – посмотреть Эрмитаж и Русский музей. А показывают только бани да обочины».) Сегодня почти на всех были красные колпачки с белыми помпонами. Новый год. Праздник. Народный. Любимый.

Завидев тружениц «тыла и транспорта», Чернаков все время вспоминал случай, произошедший с ним лет десять назад. Как-то возле станции метро к нему подошли две девушки, лет по двенадцать-тринадцать. В вязаных шапочках, из-под которых выглядывали банты. Почему они выбрали из толпы именно его, он не понял. Скорей всего, чисто случайно. Предложили обслужить сексуально. В любой форме. «Дяденька, совсем недорого... Вам понравится...» Вячеслав Андреевич не стал раскрывать карты. По району шла серия нападений на товарищей, приманенных малолетними путанками. Есть возможность отличиться. «О`кей, крошки. Куда пойдем?» – «В парадную». Именно в парадных и бомбили похотливых лохов. Они направились в ближайший двор. Одна из подруг сходила на разведку в подъезд и вернулась опечаленная. «Занято... На нашем месте какие-то уроды квасят». Соседние подъезды были на кодовых замках. Минут десять искали достойный парадняк. Девчушки чуть не плакали от досады – хоть на улице обслуживай!.. Чернаков, куда-то спешивший, решил прервать спектакль, поняв, что грабить его не будут. Сдаст нимфеток в ближайший отдел, пускай местные менты проверяют подружек на причастность к разбоям.

– Ладно, девочки... Я знаю отличное место для любви. Тут рядом. Пойдемте.

Девочки среагировали мгновенно, словно тренировались. Пока Чернаков убирал в карман удостоверение, ломанулись в разные стороны, как воробьи от кота. Одна сиганула в узкую щель между домами, вторая сквозанула через арку. Чернаков погнался за второй. Досадно, когда от тебя, авторитетного опера, удирают какие-то соплявки. За аркой шумел проспект. Девчонка перемахнула через ограждение и бросилась на другую сторону. Визг тормозов, удар бампером «Волги». Летальный исход на месте... Как потом выяснилось, девочка была из вполне нормальной семьи: отец – директор крупного предприятия, мать – педагог. О своей погоне и о занятиях погибшей Вячеслав Андреевич никому не докладывал. Зачем родственникам знать? У них и так драма. Дорожно-транспортное происшествие. А куда или от кого девочка бежала, какая теперь разница?

Правило Алехина в данном случае не срабатывало. Чернаков до сих пор не мог забыть стеклянные глаза, испуганно смотревшие в небо, перепачканное грязью маленькое лицо и две косички с развязавшимися бантиками...

Мотель представлял собой рубленую двухэтажную избу, обшитую немецким пластиком. Точно такой продавался в «Планете». Наверное, раньше здесь была лодочная станция или лыжная база. Кругом лес. Можно выйти прямо к заливу, погулять, покормить семечками и попить водкой белок. Несколько авто на небольшом паркинге под навесом, стилизованном под лошадиное стойло с яслями. Пятнистый конюх-охранник. Из небольшой пристройки доносятся попсы, видимо, там ресторан. Есть даже круглый каток, метров пять в диаметре с елкой в центре.

Улыбчивая девушка-портье, дежурившая за стойкой, показала Чернакову комнату, которая хоть и находилась в подвале, но имела окошко под потолком. Через него можно рассматривать ноги гуляющих на улице гостей. Здание бывшей базы использовалось с максимальной

выгодой, подвал тоже шел в дело. Комната действительно оказалась просторной. Из интерьера – сдвоенная кровать-полигон, пара тумбочек и стульев, телевизор в углу. На стене – лубочные картинки на мотив русских сказок. В принципе, все, что нужно для «слияния двух лун».

– Здесь душ, туалет, – девушка приоткрыла дверцу, за которой Чернаков с удивлением увидел деревенский сортир «свободного падения». Но, пройдя в душевую, понял, что это причуда дизайнера – под дыркой, прорубленной в досках, белел цивилизный унитаз.

– На территории есть сауна и бассейн, – продолжила портье, – вас устраивает?

– Да, вполне.

Они поднялись в холл, напоминающий крестьянскую избу. Холл украшали коромысло, вилы, китайская искусственная елка и такой же китайский дед-мороз. Чернаков внес предоплату.

– Необычная у вас фамилия. Джакузин...

– Итальянская... У меня дедушка родом из Палермо.

Из машины он перезвонил старшему смены, узнать обстановку.

– В процессуальном порядке, – доложил бывший судья, – охранник Ерофеев грубо нарушил производственную дисциплину, употребив алкогольный напиток – пиво «Балтика» в количестве одной бутылки, объемом ноль-три литра. Я провел предварительное расследование, вынес ему частное определение и отстранил от выполнения служебных обязанностей. Он заявил кассационный протест, но я его отклонил... Других происшествий не зарегистрировано.

* * *

– Ты куда? – спросила Ирина, когда Чернаков натягивал подаренный ею два года назад темно-синий джемпер, делавший его фигуру несколько стройнее. Для проформы или нет, но все-таки спросила.

– На склад... Попросили подъехать... Ночью кто-то попытался забраться.

У «Планеты» на окраине имелось несколько складских помещений, охрану которых тоже осуществляла «Забота».

– И без тебя не могут разобраться?

– Не могут...

Сказано было не очень убедительно. Да и раскрытая спортивная сумка на полу плохо подтверждала его слова.

– Я сегодня на рынок хотела сходить. Затариться на неделю. Одной тяжело. Во сколько ты вернешься?

– Не знаю... Я позвоню.

Ирина скрылась на кухне. Он быстро покидал в спортивную сумку кое-какие вещички, пшикнулся туалетной водой, подаренной женой на последний день рождения, выскочил в коридор и накинул куртку. Жена вышла закрыть за ним дверь. Уже с лестничной площадки Вячеслав Андреевич бросил на нее взгляд. По супружьиной щеке сползала слеза. Или показалось?..

По пути к Юлиному дому Чернаков притормозил возле небольшого продуктового магазина на первом этаже жилого дома. Обедать в ресторане мотеля накладно, надо купить «перекус» и «перепив». На дверях магазина висело строгое предупреждение: «В магазине ведется скрытное видеонаблюдение!» Видимо, хозяева тоже страдали от проклятых несунув и подобным образом пытались защититься. Естественно, реального видеонаблюдения никто не вел, это дорогое удовольствие для такого лабаза.

Вячеслав Андреевич купил бутылку молдавского красного вина, колбасную нарезку, фруктов, хлеба и вафельный торт. Кофе можно заказать в мотеле.

Юля ждала его на остановке возле дома. Она была в симпатичной красной курточке с капюшоном, белой вязаной шапочке и джинсах. Легкий мороз успел подрумянить ее щеки, и выглядела любовница свеженькой и соблазнительной. И пахло от нее чем-то свежим, с цитрусовым оттенком. Нежный запах проник вместе с ней в салон, и у Чернакова как-то странно и приятно защемило сердце, словно кто-то внутри сдавил его легонько и отпустил. Он поцеловал ее в губы, мягкие и сладкие, по вкусу напоминавшие клубнику и беззаботное лето.

- Ты пахнешь летом и клубникой, – прошептал Чернаков.
- Дурачок, это блеск для губ такой. С клубничным оттенком.
- Вкусный. И сама ты вся такая вкусная... Если бы я был людоед, я бы тебя съел.
- Какое счастье, что ты не людоед.
- Рано радуешься, я – пенсионер-маньяк.
- Но это все-таки лучше. У меня, по крайней мере, есть шанс остаться в живых.
- Ну, это как повезет. С каждым часом твои шансы уменьшаются.
- Какая чушь! Да, «вам любовь не трали-вали».

Чернаков вышел из машины, протер заднее стекло ветошью – барахлил «дворник», вернулся и вырулил на проспект.

- Ты мужу что сказала?
- Как всегда. Едем с подругой за город...
- Поверил?
- Наверно...
- Трезвый?
- Да... А кстати, куда мы едем на самом деле?
- Кататься на коньках, – улыбнулся Чернаков.
- На каких коньках?

– Фигурных, – он протянул руку и достал с заднего сиденья белый женский конек для фигурного катания. Коньки остались от дочери, она уже лет пять их не надевала. Но размер должен был подойти и Юле. Накануне Чернаков отрыл их на антресолях.

- Ты с ума сошел! Я не умею!

– Я помогу. Там ничего сложного... Главное, падать правильно. А когда будешь делать тройной «тулуп», важно приземлиться на один конек, иначе можно сломать лодыжку... А остальное пустяки.

- Сломать лодыжку, тройной «тулуп»! О боже! На что ты меня обрекаешь!
- За удовольствие надо платить.

Через десять минут они свернули на Приморский проспект и взяли курс в курортную зону. Пробок не было, выходной. Но Чернаков не гнал, шел легкий снежок, машину могло занести на вираже. В прошлом году его крутануло на довольно спокойном повороте. Повезло, что вдоль дороги тянулся высокий сугроб, который и остановил вращение.

- Вчера мать звонила, – как-то невесело сказала Юля, – у них там совсем кисло.
- Что-то случилось?

– Шахту закрывают. Эстония отказывается покупать сланец, мол, проблемы будут с Евро-союзом. А других покупателей нет. Полторы тысячи шахтеров без работы останутся.

- Отца тоже уволят?
- Само собой.

Юлин отец работал на шахте, единственном предприятии, кормившем местный народ. Собственно, для добычи сланца городок и был построен. Теперь, с ликвидацией шахты, он мог оказаться на грани вымирания. Юля, получив образование химика-технолога, планировала вернуться в родные Сланцы, но осталась в Питере. Родители жили в трехкомнатной «хрущевке», Юля была единственным ребенком. Мать преподавала в начальных классах местной школы.

– Найдёт что-нибудь?

– Вряд ли... Он всю жизнь на шахте, ничего другого не умеет. Они там трассу с Эстонией перекрывать собираются, в знак протеста. А толку-то... Думает в Питер перебираться, у него брат здесь, дядюшка мой, но мать против. Нашу «хрущобу» даже на комнату в коммуналке не обменяешь...

– Можно на первое время сторожем устроиться, у нас на складах есть вакансии.

– Пока с жильем что-нибудь не придумают, нечего и дергаться.

Снег усилился, Чернаков еще немного скинул скорость. Периодически на обочине попадались патриотические плакаты, призывающие любить органы внутренних дел. Разбитая чашка и слоган «Участковый – от слова участие». «Соучастие», – поправил про себя Вячеслав Андреевич. Разбитая чашка... Он тут же вспомнил Ирину. Может, и правда, участкового вызвать? Пускай с ней поговорит, позицию ее выяснит. Потом начальству доложит в рапорте. Начальство примет решение. Бред...

Обогнали коптящий «Икарус»-гармошку, расписанный рекламой, как старый зэк наколками. От задней двери к передней раскинулось великое полотно неизвестного живописца-креативщика. На космической ракете, по форме напоминавшей ванну, мчались три свиньи (в смысле – поросенка), за ними, тоже на ракете, гнался голубой волк. Видимо, серой краски не хватило, либо она выгорела на солнце. Свиньи сжимали рабочие мастерки и со страхом обращались на голубого волка. Волк клал зубы. Свиньячья ванна-ракета подлетала к небесному телу, по форме напоминавшему большой дом с витринами. Над полотном протянулся слоган «Открой надежную „Планету“».

К полудню добрались до мотеля. Поставили машину в стойло, бросили вещи в номер и для разминки ринулись на пустующий каток. Чернаков захватил из машины клюшку и, используя ее в качестве буксира, возил Юлю по кругу. Пару раз она теряла равновесие, но Вячеслав Андреевич успевал поддержать ее. Короче, нормальный взрослый идиотизм. Главное – весело. Все проблемы мгновенно остались в городе. Казалось, они очутились не за тридцать километров от Питера, а в далекой Лапландии или сказочном Нижнем Тагиле.

Накатавшись, они пошли на ветреный залив. Несколько рыбачков добывали себе пропитание метрах в ста от берега. Компания молодежи, приехавшая на отдых, запускала фейерверк, выйдя на лед. Сейчас, при дневном свете, он смотрелся не так красиво, но, видимо, молодежи не терпелось выбросить деньги на ветер.

– У меня приятель есть, – вспомнил Чернаков, присев на сосновое бревно, валявшееся на берегу, – наш, мент. Его в том году главным гаишником назначили. В Кирпичевске, это под Питером. Ну, он за новую должность, естественно, поляну накрыл. Скромную, в своем кабинете, для избранных. За знакомство, так сказать. Посидели и разошлись – тихо, без помпы. А там рядом, на берегу залива, стоит воинская часть. В тот вечер там к празднику какому-то готовились, салют испытывали. Серьезный такой, залпов тридцать. На следующий день весь Кирпичевск на полном серьезе обсуждал нового начальника ГАИ. Надо же, в честь назначения реальный салют устроил... А оплачивать будет из нашего кармана, подонок... Как, Юля, все-таки много еще в мире жестокости и несправедливости...

Юля смахнула снег с бревна и присела рядом с Чернаковым.

– Здорово здесь... – прижалась она к нему.

– Я ж говорил, тебе понравится... – Он обнял ее за плечо.

– Мне так хорошо с тобой...

«Спасибо за добрые слова и оказанное доверие...»

– Seriously, что ли?

– Seriously...

«Блин, что ж теперь делать? Неужели залетела?! Мама, мама!...»

Юля смотрела на него с нежностью. И одновременно вопросительно. «Что скажете, Вячеслав Андреевич? Ну скажите, скажите наконец, не томите».

«Никогда бы не подумал, что катание на коньках так хорошо развязывает язык».

Чернаков еще сильнее прижал ее к себе. Улыбнулся и поцеловал в холодный нос. Юля по-прежнему ждала ответа, смотря ему в глаза.

«Сериал „Любовь и белочки“ (четыре премии „ТЭФИ“, одна „Золотой орел“, две „Ники“). Серия сто двадцатая, сопливая... Краткое содержание предыдущих серий: некий начальник службы безопасности супермаркета Джакузин, женатый мужчина сорока шести лет, неожиданно влюбляется в молодую продавщицу из отдела красок того же супермаркета. То ли в шутку, то ли всерьез. Но у нее есть ревнивый и рогатый муж, страдающий запора... тьфу ты, запоями... Влюбленные вынуждены скрывать свою страсть и заниматься сексом в непредусмотренных законом местах, рискуя нарваться на неприятности. Все это происходит на фоне производственных проблем в супермаркете на протяжении ста серий. Герою предстоит сделать нелегкий выбор – остаться в семье или зачать новую жизнь. Он терзается сто девятнадцать серий, не зная, как поступить. И вот, в один из выходных, накануне Нового года, они инкогнито едут в загородный мотель кормить белочек и любоваться природными красотами. Покатавшись на коньках, героиня не выдерживает и наконец признается герою в своих тайных чувствах... Продолжение завтра, после программы „Кривоватое зеркало“».

Звучит песня... «Rainstain», «Du hast».

– Я тебя люблю.

Не устоял. Ответил. Рубанул сгоряча правду-матку. Без всякого вступления, типа:

«Видишь ли, Юля, я старый сатрап и не знаю слов любви. И вообще, я втерся к тебе в доверие, чтобы получать информацию о продавцах, ворующих товар...» Свершилось, выбор сделан.

«Граждане, Минздрав предупреждает – не целуйтесь в месте скопления чаек, риск заражения птичьим гриппом возрастает многократно!»

Они вернулись в теплый номер, Чернаков-Джакузин принялся накрывать стол, вернее, прикроватную тумбочку. Появился достойный повод выпить и закусить. Все-таки не каждый день ты делаешь серьезный шаг влево, признаваясь в любви. Юля отправилась в душевую мыть фрукты.

Он вспомнил, что забыл штопор, позвонил наверх и попросил поднести. Через две минуты улыбчивый официант из ресторана стоял на пороге. Хорошая дрессировка. Как в цирке.

«Все-таки капитализм, несмотря на звериный лик, доставляет и маленькие удовольствия», – подумал Вячеслав Андреевич.

Забрал штопор, дал червонец на чай и закрыл дверь за замок.

Он разлил вино, они подняли стаканчики.

– Ну, что дальше?

Чернаков понимал, о чем идет речь. О выборе, о политической воле. «I love you» сказано, теперь придется за базар отвечать. Он правильно предполагал: Юля терзалась теми же мыслями, что и он. Так и кататься на коньках по выходным до старости? И гостиницы исследовать? В какой из них кровать шире?..

«Ну скажи, скажи, это не больно. Решительно и твердо. Ты ж солидный, уважаемый муж, не студент сопливый. Врежь кулаком по кровати! Ну! Ну давай, не менжуйся...»

– Дальше?

– Да.

– В каком смысле?

Ответить Юля не успела. В дверь снова постучались. Вероятно, официант вернулся за штопором. Либо посчитал, что червонца на чай мало.

Чернаков поставил стакан с вином, чертыхнулся и, подойдя к двери, повернул ключ. Юля вскрикнула.

На пороге стоял Дима. Ее законный, но рогатый муж. И был он недостаточно радостен. А рога острые.

* * *

У Василия совершенно некстати разболелся живот. Видимо, траванулся сардельками, купленными накануне в уличном лотке. Торговка гарантировала, что товар свежий, но, похоже, слукавила, гадина... Либо вином с того же рынка. С пестицидами, наверное, грузинское. А теперь брюхо сводит так, будто харакири сделал. И это в самый разгар выходной торговли, когда народ, охваченный предпраздничной лихорадкой, готов бездумно швыряться деньгами. Покупает всякую муть, на которую в обычный день даже не посмотрел бы...

Сейчас бы прилечь на часок-другой, ножки вытянуть, таблеточку скушать. Но в мешке еще на добрую тысячу хлопушек и петард. Их надо обязательно продать сегодня, в воскресенье, завтра такого наплыва народа в «Планету» не будет.

Вася вспомнил, как однажды у него прихватило живот в тюремной камере. Видно, был несвежим таракан, попавший в макароны. Вдобавок к животу тогда разболелась и голова. В камере стояла духота, да еще попутчики накурили. Мучался, мучался, а потом не выдержал – попросил цирика¹³, чтобы врача тюремного вызвал. Врач пришел. Через окошко, не заходя в камеру, спросил, в чем дело. Вася объяснил. «Лепила» достал из кармана большую таблетку, разломил ее пополам и протянул внутрь камеры.

– Вот эта половинка от головы, эта – от жопы. Смотри, не перепутай!

– Да у меня живот болит, а не жопа!

– Будешь возникать, – пообещал «лепила», – заболит и жопа!

Самое интересное, пилюля помогла. И от головы, и от брюха. Медицина!

Машины на парковку все прибывали и прибывали. На въезде образовалась пробка: два серьезных мужа на джипах не желали уступать друг другу дорогу, разминаясь пока словесной перепалкой.

– А чегой-то я должен? С какой стати?

– А я с какой? У тебя помеха справа!

– К уродам это не относится!

– Это кто тут урод?!

– Угадай с трех раз!!

Загадка разгадана верно, разминка закончилась – теперь музыкальный конкурс.

Василий давно заметил, что все проблемы у людей начинаются с фразы: «А чегой-то я должен?..»

Он присел на высокий поребрик, боль из нижней части живота перекатилась в верхнюю. Слева, в паре шагов от него, примостился мужичок гламурной наружности, характерной для лиц, проживших добрую половину жизни ниже уровня асфальта и переработавших на мочу не одну цистерну алкогольной продукции. Через минуту со стороны «Планеты» подвалил второй «гламур», отличающийся от первого разве что менее резкой вонью.

– Купил? – голосом утопающего, увидевшего спасательный круг, спросил первый.

– А то! – Второй гордо извлек из пошитого в начале шестидесятых пальто стеклянный пузырек с голубой крышечкой и присел рядом.

Тут же на свет появилось два пластиковых стаканчика и пол-литровая бутылка из-под минералки, наполненная мутноватой жидкостью. Затем началась привычная процедура изго-

¹³ Цирики (блатн.) – контролеры в тюрьмах.

товления коктейля «Яблоки на снегу». Рецепт был изящно прост: вода плюс стеклоочиститель с ароматом зеленого яблока.

Пили без соломинки, но медленно смакуя.

– Ну как? – деловито поинтересовался первый «сомелье».

Второй, прищутив глаз и несколько раз причмокнув языком, с видом знатока коньячных оттенков, выдал авторитетное заключение:

– Бодяжный «Снежок»... Не фирма...

– Вот, суки! – ругнулся его приятель, со злостью посмотрев на «Планету». – Даже здесь «паленку» продают!

– Это «черные» наверняка левак гонят...

– Да у нас, ежели что хорошее появится, через полгода подделывать начинают! Травят русский народ, травят...

У Василия что-то заурчало в животе, боль немного отпустила. Он не стал дожидаться второго приступа и ринулся в коммерцию.

– Барышня, салютик не желаете для своего мальчика? Совсем недорогой, прямо с базы, без посредников. Мальчик, смотри, какая штучка. Поджигаешь – и через десять секунд, как ё... Ха-ха-ха...

– Мама, мама, я хочу!

– Умный мальчик! Сразу видно, пятерочник.

– Отойдите от ребенка! Игорек, мы уже купили тебе салют.

Черт! Это все из-за живота! Болит живот, а перекосило рыло. С таким фэйсом хрен чего продашь. Только распугаешь. Бесплатно предложишь – не возьмут.

Вася поднял со снега мешок, оглядел парковку, заметил выгружающуюся из минивэна семейную чету с мальчиком лет десяти, подбежал. Повторил попытку. Был тут же послан пузатым главой семейства туда, куда хозяин посылает работника, попросившего прибавку к зарплате. Послан прямо при ребенке. Ребенок не отреагировал. Привык.

У конкурентов дела шли успешней. Одни, раскрыв багажник машины, демонстрировали лежащие там наборы ножей, заявляя, что ножи привезены прямо с итальянского завода. Другие предлагали немецкие, но сделанные в Турции смесители. Напрямую от дилера. Разыгрывались целые спектакли. Кто-то из своих изображал случайного прохожего, заинтересовавшегося товаром. Расспрашивал о качестве, после лез за кошельком и «покупал». Добрый продавец, естественно, скидывал ему пару десятков рублей. Таким образом, создавался локальный ажиотаж. Публика клевала и активно скупала второсортное дерьмо, пылившееся в любом магазине хозтоваров.

А может, ему тоже запустить пару ракет в рекламных целях? Наглядная агитация... Хотя сейчас светло, должного эффекта не получится.

– Мужики, фейерверк не нужен? – Вася заглянул в приоткрытое окно машины, в салоне которой курили два молодых парня, – по дешевке отдам... Прямо со склада.

Тот, что сидел за рулем, выкинул на снег окурочку и молча посмотрел на Васю.

«Очень выразительный взгляд. И лицо прекрасно, как яйцо Фаберже... Все понятно без слов...»

Второй все-таки произнес пояснительную речь:

– Вали отсюда...

Вася не стал вступать в дискуссию. На его стороне правда, а на их – сила. Молча поднял мешок и отвалил, как велено.

«Уроды... Ну сказали бы – не нужно, так нет – обязательно пальцы гнуть надо, словно я кот помойный. Подумаешь, на тачке... Крутизна. Ладно б джипарь был или „бумер“. А то „четверка“ дохлая...»

...«Четверка»... Кажется, серая...

Василий оглянулся. Конечно, цвет машины нельзя назвать чисто серым, скорее, он был бежевым. Но пассажиры вполне соответствовали стандартам. Такие не то что дамочку битой отбуксают – полгорода передуют и не заметят... Чего они тут высиживают, а не чешут в магазин, как все нормальные люди? «Планета» – не Исаакиевский собор, чтоб на нее любоваться.

Номеров на тачке не разглядеть, двойным слоем грязи замазаны, хотя сам кузов не очень-то и грязный...

«Ничего, ребятки, сейчас узнаете, как нормальных людей посылать...»

Вася, позабыв про боль, двинулся к дверям супермаркета. На «воротах» стоял охранник, не слишком уважавший «маркетологов», в том числе и Василия. Раньше, может, и уважал, когда те отстегивали «десятину» от выручки. Но после того как турнули напарника, вымогавшего «оброк», уважать перестал.

Чернаков, к слову, как и обещал, Василия не подставил. Иначе б «маркетологу» пришлось переезжать на другой объект, что в его планы не входило в силу удачного географического расположения «Планеты» – десять минут пешком от дома.

– Здравсте... Начальник работает? – Вася не стал называть фамилию Чернакова, дабы охранник не заподозрил, что они хорошо знакомы.

– Какой? Чернаков?

– Наверное... Мне все равно.

– Чернаков выходной, есть старший смены. А зачем тебе?

– Приятеля потерял... Хочу, чтоб объявление дали.

– Обойдешься...

Так, концепция меняется... Василий прикинул, стоит ли говорить охраннику про парней? Решил, что не стоит. Возможно, он ошибся, мало ли в городе серых «четверок»? А скажет – навлечет на себя ненужные подозрения.

Лучше вернуться и попробовать разглядеть номер машины, даже если он липовый.

– Всего доброго. С наступающим.

«Четверки» на прежнем месте уже не было.

У Василия снова свело болью живот.

* * *

– Достань, пожалуйста, аптечку... Слышишь? Там, в бардачке.

Юля вздрогнула.

– Что?..

– Аптечку достань. Там пластырь, кажется, был, – повторил Чернаков, прижимавший к правой скуле окровавленный платок.

Юля поспешно откинула крышку, вытащила коробочку с нарисованным красным крестом.

– Да, есть...

– Заклей... Я сейчас приторможу.

Он кинул взгляд в зеркало заднего вида, остановил машину. Юля отрезала кусок марли и пластыря.

– Очень больно?

– Ключкой по зубам больнее. А это мелочи, через неделю заживет.

«Но шрам останется наверняка, – подумал он, – ссадина глубокая, надо бы швы наложить... Еще повезло, что увернулся. Если б отвертка вошла в глаз, сейчас бы смотрел на мир в монорежиме. А потом еще и стекляшку пришлось бы вставлять».

Несмотря на трагичность момента, Вячеслав Андреевич улыбнулся, вспомнив рекламный ролик какого-то моющего средства. Ролик крутили пару дней по региональным каналам, но затем сняли, видимо, испугавшись тонкости юмора. Мужик в фартучке, стоя в профиль к зрителю, мыл у раковины посуду тем самым средством. Наконец, domыв последний стакан, он ставил его на стол и поворачивался лицом в экран. На глазу черная повязка. Мужик устало вытирал лоб, при этом нечаянно цеплял рукой повязку. После этого шел крупный план вымытого стакана. В стакан падал стеклянный глаз и начинал весело прыгать. На фоне этого веселья звучал рекламный слоган: «Чистота радует глаз!»

Если б не природная реакция, Чернаков завтра смог бы сыграть в подобной рекламе без дублера.

Да, сцена в мотеле удалась. Классика. Антология анекдота. «Возвращается муж Дима из запоя...» Впрочем, в тот момент было не до анекдотов. Смешно, это когда с другими...

Сразу за Димиными рогами Чернаков увидел отвертку. Приятных габаритов. С плоским жалом. При попадании в незащищенную часть тела пробивает ее насквозь. Инструмент, направляемый уверенной рукой, летел в лицо. С точки зрения мужа – в наглое донжуанское рыло.

Но любовник оказался тоже не лыком шит. Благо что ежегодно сдавал нормативы по физической подготовке. В том числе по искусству самообороны без оружия. До искусства, если честно, было далековато – зачеты больше сдавались формально, и нож у инструктора был резиновым. Но за двадцать лет даже обезьяна заучит минимальный набор движений.

Упражнение номер один. «Защита от удара ножом спереди». Делай раз! Шаг вперед, блокируем руку нападающего. Одновременно наносим расслабляющий удар ногой в голень врага...

Вышло хреново. Ибо нож был все-таки не резиновый, а удар не бутафорский. Жало зацепило скулу. Но, слава Богу, удалось захватить руку. После чего началось перетягивание отвертки, сопровождаемое первобытным матом с обеих сторон. Самое обидное – этот «рогоносец в потемках» не хотел ничего слушать. Только ревел, как лось сохатый: «Убью! Обоих!» Юля тоже что-то кричала, но Чернаков, увлеченный единоборством, ее не слышал.

Отвертку вырвать не удалось. Тогда в ход пошло упражнение номер два (печатается в инструкциях под грифом «Секретно»). «Атака предметом, подвернувшимся под руку». Подвернулась бутылка с вином. («Спонсор драки – винодельческая компания „Молдавские игристые вина“. Наслаждение в каждой глотке!» Простите: «...в каждой глотке».)

В последнюю секунду Вячеслав Андреевич все же ослабил удар, из практики помня о непредсказуемых последствиях черепно-мозговых травм. Либо дураком останется, либо вообще падет смертью труса. А устранять соперника в его планы не входило. Поэтому удар получился щадящим. Легкое поглаживание по лысеющему темени.

Но этого хватило. Бутылка разбилась, молдавские пестициды принялись жестоко добивать жертву ногами. Или что там у них... Дима рухнул на ковер вслед за осколками. «А все-таки я его замочил, – подумал Чернаков, – хотя бы в переносном смысле». В прямом – Дима остался жив. Схватился руками за головушку, свернулся калачиком и нецензурно мычал, словно недоенная корова. Юля, вместо того чтобы хладнокровно добить, бросилась к нему, понесла какую-то чушь вроде «Тебе не больно?..».

«За атаку игрока, не владеющего шайбой, на две минуты удаляется Вячеслав Чернаков, номер десятый...»

Запасы спиртного кончились, поэтому оставался один путь. На улицу. И побыстрее, пока к сохатому подранку не вернулись силы. Вячеслав Андреевич схватил одежду, обувь, сумку, не без усилий оторвал Юлю от ее благоверного и вместе с ней выскочил из номера. Запер дверь снаружи, оставив поверженного соперника наедине с нетронутой закуской.

Поднявшись, бросил ключ на стойку портье.

– В нашем номере отдыхает молодой человек. Не беспокойте его. Будет стучать, не обращайтесь внимания. Он немного выпил.

– Конечно... А что у вас с лицом?

– Побрился неудачно...

– Может, вызвать «скорую»?

– Спасибо, у меня в багажнике дежурный врач.

Они обулись прямо в холле и почти бегом покинули уютный мотель, так и не ставший для них родным. Чернаков зажал скулу платком и кое-как, одной рукой, вывел машину из конюшни. Проскочил по лесной дороге и выпорхнул на трассу.

В машине Юля расплакалась.

– И что теперь делать?.. Он же меня убьет...

– Спокойно, придумаем что-нибудь... Откуда он свалился?

– На машине приехал. Я ее видела. На парковке.

– У него есть машина?!

Неплохо живут нынешние пропойцы...

– «Копейка» отцовская. Рыжая такая. Во дворе стоит. Он на ней почти не ездит. Некуда. – Юля со страхом обернулась назад, опасаясь, что муж бросился в погоню.

– Но откуда он узнал, что мы тут? Может, разговор подслушал?

– Вряд ли... Я на кухне была, когда ты звонил. И потом, я ж не говорила, куда мы едем!

– Значит, все-таки прочухал... В принципе, за полгода мог. Ты ж не особо маскировалась.

– Старалась...

Чернаков вернулся на несколько часов назад, к моменту, когда забирал Юлю от дома. Они задержались на остановке на пару минут, не больше. Он протер заднее стекло и сразу поехал. По дороге в те машины, что едут следом, особо не вглядывался – больше о предстоящем отдыхе мечтал. Да если б и вглядывался? Слежка, она только в сериалах хорошо «рубится».

Но все равно что-то не клеится. Чтобы грамотно «сесть на хвост», надо стоять на «товсь». Маловероятно, что Дима, проводив жену, за минуту раскошегарил покрытую плесенью машину и бросился в погоню. С другой стороны, если бы готовился к поединку, взял бы не автомобильную отвертку, а что-нибудь повесомей.

– Когда он в последний раз садился за руль?

– Не помню... Месяца два назад, кажется. Какая разница?.. Мне-то что делать?

– Сказал же: придумаю!

Пока придумывалось не очень. Ситуация негуманная. Все равно что за минуту до казни узнать, что палач забыл наточить топор и четвертует тебя тупым. Доигрались в любовь. Он-то выпутается. А Юля? Может, привезти домой, познакомить с женой? «Это моя коллега по работе, мы давно дружим. Она немного поживет у нас, у нее с мужем конфликт интересов на почве нестыковок в семейных отношениях. Ты не против, дорогая?»

Юля свернула бинт, смочила его перекисью водорода, наложила на рану и приклеила пластырем. Чернаков еще раз взглянул в зеркало и вывел машину на трассу.

– Слав, а ты его не очень сильно? Он не умрет? – Юля вспомнила, что Дима для нее, в общем-то, не самый последний человек, – может, зря его заперли?

– Нормально... Он у тебя все время такой буйный?

– Просто вспыльчивый... Но отходит быстро.

– Самая фиговая категория. Настреляют, нарежут, а потом сопли пускают: извините, мол, вспылел, а по жизни я живопись люблю. Поговорить-то с ним реально?

– Не знаю. – Юля снова заплакала.

– У тебя есть где сегодня переночевать?

– У приятельницы, наверное, можно, с которой текилу пили. У нее муж сейчас в Швеции.

– Твой знает ее адрес или телефон?

– Нет... Телефон в моей трубке забит.

– Сейчас заскочим к тебе, заберешь все необходимое, потом поедem к ней. Позвони, договорись.

Юля достала из сумочки трубку, но набрать номер не успела, та запела мелодией вызова. «Плакала береза...» «Номер не определен», – сообщил экран.

– Это, наверное, Дима...

– Значит, оклемался... Ответь.

Юля нажала кнопку.

– Алло... Да... Успокойся... Не твое дело... Ну и живи там...

Конец связи.

– Из номера ему, видишь ли, не выйти. Просит, чтоб мы вернулись и выпустили.

– Серьезно?.. То есть он не совсем потерян для общества?

– В смысле?

– Раз не ломает дверь и не грозитя убить... Отошел, слава Богу... Короче, я завтра возьму пару ребят из бывшего отдела, съездим, потолкуем с ним. Чтоб выкинул из дурной башки дурные планы.

Вячеслав Андреевич мог взять своих бойцов из «Заботы», того же Ерофеева, но опасался, что их роман с Юлей тут же станет достоянием гласности. С другой стороны, кого теперь бояться? Муж-то все равно знает.

– На работу завтра не выходи. Отгул возьми или заболей. Вдруг притащится с разборками.

– А потом?.. Я же все равно не смогу с ним жить... В Сланцы возвращаться, к родителям?!

Чернаков не ответил, потому что пока не знал, что ответить.

* * *

В понедельник утром Чернакову позвонил Роман Романович Лутошин, большой человек из криминальной милиции.

– Поздравляю! Вчера еще один эпизод! Вы выбиваетесь в лидеры олимпиады!

– Жива?

– Тьфу-тьфу... Но пока без сознания. Девятнадцать лет. Увели «Тойоту-раф», папин подарок. Ребята вошли в раж, бомбят уже без выходных...

– Я думаю, там не одна бригада. С отлаженным сбытом. Тачки – не бананы, с лотка не продашь.

– Не исключено... Ты говорил, у вас камера парковку пишет, глянь на всякий случай и справочку накатай. Я после обеда пришлю кого-нибудь.

Вячеслав Андреевич нашел Харламова и посадил его перед монитором, объяснив задачу. Хотя на успех особо не рассчитывал: даже если объектив зацепил машину, вряд ли можно рассмотреть лица. А номера наверняка замазаны. Либо фальшивые.

Он посмотрел на свое отражение в стеклянной створке шкафа и срочно захотел выпить. Руководству и подчиненным он заявил, что благородную рану получил на тренировке. «Смерть легавым от конька!»

Накануне, отвезя Юлю к подруге и отдав ей всю наличность, он заехал в травмпункт. Врач наложил швы и подбодрил, пообещав, что шрам останется с Вячеславом Андреевичем до конца дней и ночей, если не сделать пластическую операцию. И надо радоваться, что не задет какой-то там лицевой нерв, иначе пациент мог лишиться симметричной улыбки.

Ирине он рассказал, что поранился на складе, задев в темноте «рог» автокара. Ирина проронила: «Сочувствую» – и больше ни о чем не спрашивала. Начать «серьезный разговор»

Чернаков вновь не решился. Потому что слово – предтеча действия. После разговора надо действовать: паковать чемоданы, собирать любимые игрушки и – «с вещами на выход!». А куда? Первое время можно, конечно, пожить у родителей, жилплощадь позволяла, но как они отнесутся к его амурному приключению?... Мать-то еще поймет, а вот батя – поборник морали – вряд ли. А дочка?..

По пути в «Планету» он купил газету с объявлениями о сдаче жилья. Однокомнатную квартиру в новостройках можно снять за девять тысяч – чуть меньше половины его зарплаты. В принципе, терпимо. Ведь есть еще прекрасная милицмейская пенсия в две с половиной тыщи целковых, то есть целых семьдесят евро. Надо было все-таки инвалидность «заработать» при увольнении, как грамотные люди советовали. Сейчас бы получал три тыщи. И забот бы не знал.

Но пока он по объявлениям не звонил. Сначала надо уладить конфликт с Димой. Потому что у него болая голова, не дающая покоя рукам. Достанет их и в съемной квартире...

После обеда он решил нанести визит Юлиному супругу. Для подстраховки возьмет Ерофеева. Вполне хватит. Если пообещать ему обед в китайском ресторане, трепать языком Дегустатор не будет.

Юля, как и договаривались, на работу не вышла, затаилась у подруги.

Но визит к роконосцу пришлось отложить. В полдень Чернакова неожиданно вызвали в следственный отдел местного райуправления.

– Вячеслав Андреевич, вас надо допросить по поводу задержания Копытиной, – сообщил милый дамский голосок.

– Какой еще Копытиной?

– Галины Михайловны. Которую задержали с неоплаченным набором ножей. Помните? «Галина Красная», – вспомнил Чернаков.

– Но ее задерживал охранник, я только оформлял акт.

– Охранник уже у меня.

Это было несколько непонятным. Естественно, отличившихся секьюрити, поймавших на контроле несуну, допрашивали. И потом они выступали в суде. Но Чернакова, как начальника СБ, не вызывали ни разу. Что интересного он может сообщить следствию? Скорей всего, будут напрягать на спонсорскую помощь к Новому году. Такое случалось, и не раз. Правда, другими службами.

– Хорошо, я приеду.

Ровно без пяти двенадцать он сидел перед следователем – строгой серьезной дамой лет двадцати пяти. Ее левую бровь украшал незатейливый пирсинг – три тоненьких золотых колечка. Пирсинг плохо сочетался с капитанским кителем, зато прекрасно гармонировал с ярко-розовым маникюром и помадой такого же цвета. В кабинете они находились одни, еще три стола пустовали. Грамота над головой следователя, врученная ко дню милиции, утверждала, что у Маргариты Викторовны Яблонской полный порядок с показателями и профессиональным мастерством. Включенный в полмощности магнитофон говорил о любви к группе «Зверьки».

– Слушаю вас, Маргарита Викторовна, – улыбнулся ей Чернаков, когда она вернула его документы.

– Благодарю, что приехали.

– Да пожалуйста... Чем могу быть полезен? Какие вопросы?

– Видите ли, Вячеслав Андреевич, – голос Яблонской, с одной стороны, был милым и приветливым, но, с другой, отдавал протокольным холодком, – Копытина заявила, что ее обыскали неправомерно...

– Да Бога ради! Они все об этом заявляют. Особенно, когда попадутся. Но мы никого не обыскиваем, потому что никого не обыскиваем никогда, – еще раз улыбнулся Чернаков, поправив отклеившийся пластырь на щеке.

– И каким же образом вы нашли у нее в сумке набор ножей?
– Да как обычно. Попросили показать сумку – она показала. Сама. Добровольно.
– И вы присутствовали при этом?
– К несчастью, нет. Но я доверяю своей охране. Они никогда не пойдут супротив закона и совести... Маргарита Викторовна, да какие проблемы? Вор пойман, вам показатель, премия к Новому году, хорошее настроение...

– Есть проблема. – Следователь, сверкнув пирсингом, оторвалась от бумаг и посмотрела Чернакову в глаза: – И называется она превышением служебных полномочий руководителем или служащим частного охранного предприятия. Статья двести три Уголовного кодекса. Помните про такую?

– Как не помнить, статья родная, хорошая... И кто что превысил, если не секрет?

– Охранник Лемешев. По вашему прямому указанию...

Дама достала из папочки протокол допроса, распечатанный на принтере.

– Копытина не позволила обыскивать ее, но охранник в грубой форме вырвал у нее сумку и досмотрел.

– И чем это подтверждается? Кстати, насколько я помню, ее задерживали два охранника. Допросите второго.

– Обязательно. Но речь не об этом. Вот допрос Лемешева. Он признал, что силой досмотрел сумку... Но даже не это главное. На ножах, изъятых у Копытиной, отсутствовала магнитная полоска. И тем не менее сигнализация сработала. Как вы думаете, почему?

– Потому что к ее шубе нечаянно прилип ценник с датчиком. Такое иногда случается.

– Не слишком ли часто?

– Каждые десять минут! – вспыхнул Чернаков, которому стал надоедать этот туманный разговор. Сказала б прямо: хотим подарков под елочку от дедушки Тагирова.

– Нет, Вячеслав Андреевич. Ценник не прилипал к шубе. Лемешев сам активизировал сигнализацию, заподозрив Копытину. Приказ же поступать подобным образом он получил от вас. Пожалуйста, можете почитать.

– Да ну?.. А номер приказа он, случайно, не назвал? Или показал письменное распоряжение?

– Не прикидывайтесь дураком! – Маргарита Викторовна выдала штампованную фразу, понимая, что по существу ей возразить нечего.

Чернаков взял протокол, пробежал глазами. Следователь не блефовала: охранник действительно резал правду-матку. То ли сдуру, то ли по неопытности, то ли еще почему. Он пришел в «Планету» не так давно. Возможно, это было его первое задержание. Но все равно – не от сохи парень. Не в поликлинике раньше работал и не в библиотеке. Хотя омонцев не особо волнуют юридические тонкости, особенно при разгоне демонстраций или футбольных фанов. Маска все стерпит.

– Чепуха... Мне б такое и в голову не пришло. Кстати, а с этой, как ее, Копытиной, что?

– Пока ничего... Дежурный следователь возбудил уголовное дело, задержал ее на двое суток.

– А потом? Арестовал?

– Она дала подписку о невыезде. Но дело, с учетом открывшихся обстоятельств, будет прекращено. Хочу напомнить, что улики, полученные незаконным путем, являются недопустимыми. Я уже согласовала вопрос с прокурором, завтра вынесу постановление о прекращении.

– Оценивать допустимость доказательств может только суд.

– Вы плохо знаете закон.

Такому повороту Чернаков несколько не удивился. Картина привычная: девочке проще скинуть дело в архив, чем страдать от писанины, доводя его до суда. Либо Копытина заинтересовала следователя материально. В принципе, цена вопроса не так уж и велика – тысячи две-

три «унылых енотов». Но чтобы прекратить дело, нужен хотя бы формальный повод. Вот он и нашелся.

– Еще один вопрос. Если не тайна следствия, конечно... Ходок¹⁴ у Копытиной сколько?

– Две... Но это тут совершенно ни при чем.

– Не сомневаюсь.

– Материалы в отношении вас и Лемешева я передам в дознание¹⁵. Не знаю судебную перспективу, но лицензии ваша контора может лишиться запросто.

Так, интересно... И при чем здесь лицензия? С какого перепоя тебя, красавица розовая, сей вопрос волнует?

Но спрашивать об этом верного стража закона Чернаков не стал. Сделал вид, что пропустил реплику мимо ушей.

Наверное, лет пятнадцать назад в подобной ситуации он рванул бы рубашу на груди, забрался на броневик и толкнул обличительную речь. «Что ж вы, шкуры продажные, творите?! Воров на свободу, а нас на нары! Где справедливость? Революция в опасности! Все на баррикады!»

А сейчас он просто в очередной раз улыбнулся. Раз его прессуют, значит, работу свою он делает справно.

Маргарита Викторовна записала показания, Чернаков оставил на протоколе автограф и, пожелав успехов в борьбе с мировым злом, покинул следственный отдел. Вернувшись в «Планету», нашел Лемешева.

– Ну и кто тебя за язык тянул, правдолюб?

– В смысле? – не пряча взгляда, спокойно переспросил охранник.

– В смысле допроса.

– А чё? Как было, так и рассказал. Она ж украла? Украла. Это главное.

– Юра, ты сколько лет в милиции работал?

– Много... Два года.

– Кодекс за это время успел прочитать? Уголовно-процессуальный?

Охранник захлопал глазами, вполне возможно, впервые услышав мудреное слово.

– Да... За кражу – до пяти лет.

Чернаков расстроено вздохнул. Да, это его прокол. Расслабился. Все-таки полагаться исключительно на отдел кадров при подборе сотрудников не стоит. С нового года начну проводить собеседования лично, как раньше.

– Когда ты попадешь на нары, Юра, у тебя будет много времени, чтобы понять разницу между Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексом. Очень много времени. Птица-говорун...

Поднявшись к себе, Вячеслав Андреевич позвонил в отдел кадров «Заботы».

– За что Лемешева уволили из ОМОНа?

– Минутку... Он потерял автомат. Дело не возбудили, пожалели, но из органов попросили.

– А мы-то его на хрена взяли?

– А у нас нет автоматов...

До восьми вечера Чернаков не смог вырваться из «Планеты» для решения задачи «наибер ван». Может, и к лучшему, такие задачи надо решать в нерабочее время. Ибо итог непредсказуем. Не исключена повторная дуэль на отвертках.

¹⁴ Ходки (жарг.) – судимости.

¹⁵ Дознание – служба органов внутренних дел, в чьи функции входит расследование определенной категории уголовных дел, как правило, небольшой тяжести.

Несколько раз он звонил Юле на городской телефон. Та безвылазно сидела у подруги, боясь не то что выйти на улицу, но даже выглянуть в окно. Мобильник отключила.

– Выпей текилы, успокойся, – посоветовал Вячеслав Андреевич.

Вчера вечером он позвонил в мотель узнать обстановку. Диму выпустили через час после их позорного бегства, когда раненый муж догадался позвонить портье. Ему перевязали голову, и он уехал. Материальных претензий к господину Джакузину нет.

В начале девятого он вызвал Дегустатора-Ерофеева и попросил подстраховать его во время важной встречи, пообещав заплатить за переработку. Бывший собровоц в просьбе не отказал.

– Пушку брать? – уточнил он.

– Нет. Заедем по пути в оружейку, сдашь. Чтоб назад не возвращаться.

С пистолетом было бы, конечно, спокойней, но стрелять из него вне охраняемого объекта все равно запрещено, нечего и гусей дразнить.

Выезжая со двора «Планеты», Чернаков заметил Василия, промышлявшего оптовой торговлей. Сегодня он нарядился в Деда Мороза. Только без бороды.

– погоди, я сейчас, – велел он Ерофееву, покидая машину.

Василий, как всегда, был вежлив.

– Здравствуйте, Вячеслав Андреевич. Надумали-таки салютик купить?

– Нет, Вася... Вчера тетку опять бомбанули. От нас пропали. Ты о просьбе моей не забыл?

– Черт! Я ж как чувствовал!

– Что такое?

Василий поведал о грубиянах, оскорбивших его человеческое достоинство.

– Надо было мне на трубу позвонить.

– Да кабы номерок знать, позвонил бы...

Чернаков достал из кармана визитку.

– Вот... Если меня вдруг не будет, подойди к старшему смены, я предупрежу. Узнать бойцов сможешь?

– Наверняка.

– Не факт, что это те же самые, но если увидишь, позвони... Ты где костюм взял?

– В Доме культуры выпросил. У меня там приятель ночным сторожем. Бороды, правда, не было, пропили, наверно.

– Ну и как торговля?

– Гораздо энергичней... Я позвоню, Андреич, не волнуйся...

По дороге Ерофеев с грустью вспоминал свои боевые годы.

– Погуляли мы как-то, Андреич. Славно так, в кабачке центровом. Из Чечни вернулись, ну и решили отметить от души. Пожрать хоть по-человечески, а то от тушенки вонючей уже блевать тянуло. Нормальненько так посидели, до часа ночи. Помню, барбекю был добрый, да и другой хавчик ничего. Потом в пять тачек загрузились – и с ветерком по набережной. Боевая колонна пехоты, хе-хе. Разогнались малеха, под сотенку с небольшим. Не скорость, в общем-то. Я как раз в головной тачке с Олежеком сидел, на штурманском месте. Едем, песни поем, никому не мешаем. Немного в отрыв ушли. И тут какой-то летеха с полосатой палкой! Вздумал нас тормознуть, мусорок! Чего ему спокойно не стоялось? Видно же сразу, что люди непростые, ну и отойди в сторону!.. Олечек по тормозам, и сразу из тачки, мол, глаза разуй, братишка, думай, на кого палку поднимаешь! На героев Чечни!.. Мы с мужиками тоже наружу, подлеца на место ставить... А тут и остальные подлетают... У нас же закон: друга обижают – вступишь! На подмогу приди.

– И что?

– Да, блин, со скоростью не рассчитали... Отдохнули-то хорошо... Короче, четыре тачки так одна в одну и вошли! Как костяшки в домино! И все из-за этого урода с палкой! Мы его в Неву скинуть хотели вместе с корытом его. Он нам потом полгода бабосы выплачивал.

– Выплатил?..

– А куда б он делся, гад, с подводной лодки? Для его палочки это не такие уж и деньги. Не зря же анекдот придумали: «Может ли ишак прокормиться на асфальте?» – «Может, если он одет в гаишную форму». Да, в общем, славное было время... Как это, слово такое есть... Когда по прошлому скучно?

– Ностальгия.

– Во, точно...

Они заехали в оружейку «Заботы», где Дегустатор с сожалением сдал дежурному свой пистолет.

По дороге Чернаков пытался представить разговор с Юлиным супругом.

Представлялось с трудом. И, главное, непонятно было, какую позицию занять? Жестко накатить? Но супруг контуженый, в атаку пойти может. Чернаков-то отобьется, а с Юлей что?.. По-доброму поговорить, за чашкой чая «Беседа»? После вчерашнего удара пестицидной бутылкой по голове добрая беседа вряд ли получится.

И самое поганое, что Вячеслав Андреевич не чувствовал в себе уверенности. Какой-то моральной правоты. Ибо весь сыр-бор затеял именно он, а не Дима. «У тебя что, своей жены нет? Есть. А что ж ты с чужими трахаешься? Аморально это, не по-комсомольски!» И возразить нечего. Не рассказывать же про свой переходный возраст и про солнечный лучик, попавший в цель?..

Он вспомнил, как в восемьдесят пятом, когда партия и комсомол еще держались на плаву, в его отделе «разбирали» на собрании постового милиционера, осмелившегося закрутить роман с женой осужденного угонщика. «Объясни-ка нам, сержант, где твоя комсомольская совесть? Тебе нормальных женщин мало, надо обязательно с замужней гулять? И не просто замужней! А за классовым врагом замужней!» Все единогласно осудили и постановили: роман в трехдневный срок прекратить, о любви забыть! Постовой отдал честь и написал рапорт об увольнении. Говорят, женился. До сих пор живут...

Интересно, а Чернакова бы сейчас разбирали, если б по-прежнему был социализм? А вдруг бы помогло? Указали б ему вовремя на «аморальное поведение», пристыдили всем коллективом – глядишь, он бы и уgomонился. И никакого тебе треугольника, где все углы – болезненно острые. Заплати партвзносы и живи себе спокойно, без головной и сердечной боли. Пусть голова и сердце болят у секретаря партийной ячейки, отвечающего за твой «облико морале».

Какую занять позицию, Вячеслав Андреевич так и не решил. Применим старый принцип: ввязаться в бой, а дальше действовать по обстановке.

– Значит, так. Стой спокойно, в разговоры не вступай, – велел Чернаков, когда они остановились возле Юлиного дома, девятиэтажной коробки-«корабля». – Если полезет в драку, просто осади. Без последствий.

– А что за клиент?

– Пьянь... Но буйная.

– Тогда без проблем... Осадим. – Дегустатор нежно погладил кулак, размером с небольшую дыню.

Свет в окнах не горел. Плохо, если Димы не окажется дома. Чернаков осмотрел двор. Грязная рыжая «копейка» отдыхала под тонким слоем снега.

Дверь подъезда защищал домофон. Чернаков позвонил в первую попавшуюся квартиру.

– Кто?

– Двое с карабином.

Домофон запищал и дал зеленый свет. Ну и какой смысл в таких системах?

Большой. Для тех, кто их устанавливает.

До пятого этажа доехали на лифте, стену которого украшал несмываемый призыв: «Нерисуйте на стенах, пидоры! Нам здесь жить!»

– А у нас в лифте каждое утро чистый лист вешают и фломастер, – с гордостью поделился Ерофеев. – Чтоб на стенках не писали.

– Ну и как, помогает?

– Не очень... Одного листа не хватает...

Чернаков позвонил в Юлину дверь.

– Дома нет, – сделал мудрый вывод бывший собровец после минутного ожидания, – либо засел... Дверь, кстати, говно, мы такие с одного удара... Да и замок никакой.

Он несильно дернул за круглую ручку, привинченную к реечной облицовке. Дверь спойно открылась, из старого реечного замка вынырнул ригель.

– Да у него и не заперто, – последовал второй мудрый вывод. – Заходить будем?

Чернаков не ответил, еще раз нажав кнопку звонка.

...Дима лежал на пыльном паласе, лицом вниз. Окровавленный топор с треснутой рукоятью валялся рядом. По полированной створке шкафа стекали еще свежие капли крови и мозгов. Огромная рубленая рана, походившая на кратер вулкана, чернела на лысине. Именно в эту точку вчера нанес удар Чернаков. Кто-то проконтролировал и добил. Умеючи, с одного раза. Секретер нараспашку – вещички на полу. Что-то искали... Глухарь... Надо писать план по раскрытию... Первый подозреваемый тот, кто обнаружил труп, то есть начальник службы безопасности магазина «Планета-Хауз». Второй – тот, с кем проживал потерпевший. То есть Юля. У обоих есть прекрасные мотивы, один прекрасней другого...

– Андреич, ты об чем задумался?

Чернаков вздрогнул, очнулся, посмотрел на вечно улыбающегося Ерофеева:

– Ностальгия... Наваяло.

– В хату-то, спрашиваю, пойдем? Все равно приехали...

– Пошли.

Чернаков потихоньку потянул дверь, переступил порог. Двухметровая тесная прихожая. На вешалке Диминой зеленая куртка с эмблемой «Пумы» на спине. Следы высохшего вина на воротнике... Мертвая тишина. Блин, неужели...

Вячеслав Андреевич жестом остановил Ерофеева, зачем-то вставшего в боксерскую стойку, и осторожно шагнул в комнату.

Дима лежал на полу лицом вниз. Рядом валялась пустая бутылка из-под водки и надкусанный кусок хлеба. Юлин муж был в тельняшке, трусах и одном носке. На голове повязка с запекшейся кровью. «Шел отряд по берегу, шел издалика...».

– Да он пьяный в говень, – поставил диагноз заглянувший в комнату Ерофеев. – Ну и вонища...

Только тут Чернаков почувствовал едкий запах сивухи. Открыл форточку, оглядел комнату. В целом довольно опрятно и уютно, если не учитывать тело на полу и бардак на столе. Юля неплохая хозяйка. На почетном месте – бушлат с рядками медалей. Над ним карандашный портрет хозяина. Стеллаж с книгами и акварельными пейзажами на полках. Юлино творчество.

Платяной шкаф перегораживал комнату пополам. Вячеслав Андреевич заглянул за него. Фото в рамке на стене. Дима и Юля. В обнимку. На фоне Адмиралтейства. На нем камуфляж с медалями, на ней легкое светлое платье. Оба улыбаются.

Под карточкой – супружеское ложе. Разобранное. Единственное. Правда, есть еще диванчик во второй половине комнаты. Ревность больно кольнула в подбрюшье. Здесь, на этой простыне, спит его любимая женщина. Не одна... Даже если только в плане ночлега. Но, скорей всего, не только. Для конспирации... Ох, как колет... Умом-то вроде все понимаешь, а сердцем...

Законный супруг захрапел. Он использовал самый доступный способ психотерапии. В отместку изменившей жене нажрался... Смотрите, люди добрые, как я страдаю. Хоть бы дверь закрыл, страдалец. Обнесут же. Где, интересно, денег на бухло нашел? Юля говорила, что не дает, пока на работу не устроится. Видимо, заначка.

Ерофеев, судя по хлопнувшей дверце холодильника, уже обследовал кухню. Вернулся, поглощая подпорченный банан.

– Все равно пропадет, – пояснил он, поймав хмурый взгляд начальника.

Потом нагнулся и потряс лежащего за плечо.

– Эй, друг...

Дима разлепил глаза, пару секунд таращился на гостей, прошептал что-то вроде «...ука», попытался протянуть к ним руку, но опять провалился в сон.

– Поехали, – шагнул к двери Вячеслав Андреевич, – он до утра вряд ли оклемается. Завтра поговорим.

– Завтра у меня театр.

– Какой театр?

– Да этот, как его... Ну, буфет там еще на втором этаже, с зелеными шторами. Жена билеты взяла, придется идти. Сам-то я больше в цирк люблю... Там бутерброды с рыбкой всегда свежие...

Они вернулись в прихожую.

– Дверь сможешь закрыть? – спросил Чернаков.

Дегустатор осмотрел замок и покачал головой:

– Без ключа никак!

– Нельзя оставлять. Обнесут.

– Ну и х... хорошо! – простодушно возразил Ерофеев. – Не нас же!

– Не нас. Но оставлять нельзя.

– Клинышком дверь подожжем. Для близиру хотя бы.

– Давай.

Часов в девять Чернаков позвонил Юле, чтобы поведать о страданиях мужа.

– Он же простыть может на полу! – испугалась любовница.

– Не простынет... Мы его укутали...

* * *

Отставной генерал Глухарев, учредитель охранного предприятия «Забота-сервис», в данную секунду чем-то напоминал французского комиссара Жюва из старых фильмов про Фан-томаса. Напоминал не внешне, а, прежде всего, манерой разговора. Так же размахивал руками, разбрасывал по полу подвернувшиеся вещи и через слово матерился. Действие происходило не во Франции, а в кабинете Вячеслава Андреевича Чернакова. Утром следующего дня.

Перед начальником службы безопасности «Планеты» лежала газета регионального значения «Криминальная правда», или «Криминалка», как звали ее в народе. Довольно популярная ввиду тематики и легкой желтизны. Издание рассказывало читателям о негативе, творящемся в северо-западном регионе, и бичевала местный преступный мир и коррупцию.

Теперь под всевидящее око журналистики попал Глухарев и его детище, что и вызвало гнев отставного генерала. Статья, подковыристо названная «Спасибо за „Заботу“», повество-

вала об ужасах, творящихся под крышей охранного предприятия. Во главу угла ставилась история с задержанием несчастной Галины Михайловны Копытиной, ставшей жертвой коварных козней нечистых на руку секьюрити, возглавляемых бывшим сотрудником криминальной милиции Чернаковым В. А. (в прошлом, по непроверенным данным, – оборотнем в погонах). Публикация бичевала провокационные методы, применяемые «Заботой» при охране супермаркета «Планета-Хауз». Липовые срабатывания рамки, незаконные слежки, а главное – обыски, проводимые в грубой, циничной форме, нехарактерной для демократического государства. И как следствие – покалеченные судьбы бедных доверчивых покупателей, попавших в эти паучьи сети. А цель распоясавшихся охранничков банальна – получение премиальных от хозяев «Планеты» за преданную службу.

Под раздачу попал и сам Глухарев. Фотография его дачи украшала центр статьи. Вот, мол, какие роскошные особняки возводятся на наших с вами костях и страданиях. Какая связь между поимкой Копытиной и дачей генерала, особо не объяснялось. Вместо комментариев обличаемых следовал универсальный финт – «комментарии получить не удалось». Финал статьи украшал актуальный и вполне логичный вопрос – а не пора ли власть предержащим лишить «Заботу» лицензии? И не ужесточить ли вообще контроль при выдаче лицензий? Чтобы уберечь население от подобных «Забот»?.. Ну и далее стандартно: «Городская прокуратура решает вопрос о возбуждении уголовного дела. Мы будем следить за развитием событий». Подписался под текстом некий Эдмунд Дзержинцев, то есть практически аноним. Но хорошо хоть не Лаврент Бериев. Или Никола Ежов-Рукавищев. Так было бы куда страшнее...

– Комментарии им, паскудам, получить не удалось! – хрипел, словно раненый гризли, генерал. – Они тебе звонили?

– А зачем?

– Они бы лучше написали, сколько у этой «жертвы аборта» судимостей! А ты тоже хорош! Не мог своего бойца проинструктировать, чтобы язык за зубами держал!..

– Согласен, виноват! Впредь не повторится!

Чернаков почти дословно повторил формулу, которая выручала его все годы службы в милиции. Обычно она безотказно умирляла легионы проверяющих и начальников всех мастей. В этой вербальной конструкции было все – глубокое раскаяние, бесконечное уважение к интеллекту и опыту руководства, а главное – обещание трудиться, не щадя своих сил.

Вот и сейчас, услышав знакомые фразы, генерал слегка успокоился.

– Впредь не повторится... – пробурчал он. – Это если мы здесь останемся! Тагиров словно чайник кипит! Это ж какая реклама для «Планеты»! А что они про прокуратуру наплели? Да еще городскую?! При чем здесь прокуратура?!

– Хорошо хоть не Генеральную... Для значимости. Следачка материал в дознание скинула, но перспективы там – ноль. Хотя...

– Что?

– Статейка не вчера писалась. Откуда этот Эдмунд фото вашей дачи взял? Вряд ли из Интернета.

Генерал нервно схватил газету со стола, нацепил очки, придирчиво рассмотрел фото.

– Недели две назад снято или раньше. Глухарь на крыше еще есть. Флюгер.

– А сейчас?

– Сперли. На цветные металлы, наверное. Он из алюминия.

– Копытину мы прихватили три дня назад. Вот и делайте вывод...

– Но они же не могли знать, что вы ее тормознете, – резонно возразил Глухарев.

– Значит, был бы кто-нибудь другой... Не принципиально. Заказали нас, похоже, Виталий Степанович, заказали... Либо «Планету». Правда, для «Планеты» эта парашная статейка – комариный укус. Непонятно, чего Тагиров так страдает? Про статейку через день забудут. Да

и прочитают ее от силы тысяч пять любителей криминальной «клубнички». А в Питере пять миллионов душ. Нашей «Планете» покупателей хватит.

– И кто заказал? – Генерал немного успокоился, усевшись на подоконник.

– Кактус...

– Какой кактус?

– Там кактус на окне, не уколитесь... А заказать кто угодно мог. Тот же «Максистой».

– А при чем здесь лицензия? Нет, Слава, это по нам удар, только по «Заботе». Мне уже звонили из разрешительной¹⁶. Да и Тагиров поинтересовался с намеком, справимся ли, когда они расширятся? Я, конечно, заверил, костыми лечь пообещал, но он как-то прохладно отреагировал. Ох, боюсь, попросят нас на будущий год из «Планеты»...

– Найдем что-нибудь другое.

Чернаков сказал это, чтобы успокоить шефа. Он прекрасно знал, что конкуренция на рынке охранных услуг дикая, и найти такой объект, как «Планета», сейчас практически невозможно. Занято все или почти все.

Вообще, ситуация с охранными фирмами чем-то напоминала ему ситуацию с крышами начала девяностых. Братки примерно так же воевали за объекты. Разница лишь в методах ведения боевых действий. Сейчас стреляют и подрывают поменьше, что уже радует. Но между собой за место под солнцем все равно грызутся. Чернакову повезло, он на богатом объекте, но есть те, кто в активном поиске.

– Найдем... Ты попробуй найти. – Глухарев со вздохом встал с подоконника. – Я ведь не Господь Бог. Погоны хороши, когда они на плечах, а не в шкафу на кителе... Стали забывать старого генерала. А когда забывают, перестают бояться...

– С этим согласен.

– Короче, я дал команду нашему юристу готовить иск к этой газетенке. Тебе еще не звонили из дознания?

– Нет. Вряд ли они за выходные получили материал.

– Все дело от установки... Этого мудака охранника пинком под зад, чтоб не трепал языком.

– Я бы пока не спешил. Уволим, он озлобится и не изменит показания. Да еще всякой чепухи нагородит.

– Ладно, пусть остается, но инструктаж с ним проведи... Ох, Слава, не нравится мне все это, ох как не нравится! Жопа чувствует скрытую угрозу, эпизод первый... Турнут нас отсюда, турнут. Не дай Бог, если что случится...

Случилось в семь вечера, в час пик будничной торговли, когда люди бурным потоком стекаются в магазины и магазинчики тратить личные и общественные средства.

Сначала Чернаков, находившийся на складе, услышал громкой хлопок, словно лопнул гигантский воздушный шарик. Через секунд пять затрещала рация.

– Андреич! У нас рвануло!!

Это был голос детектива Толика Бушуева. Не дослушав, Чернаков бросился в зал, чуть не сбив с ног продавщицу, тащившую несколько рулонов обоев.

Черный дым поднимался к потолку из противоположного от входа на склад угла. Оттуда же доносились крики.

«Что там? – вспоминал на бегу Чернаков. – Автозапчасти, электротовары, краски... Краски! Черт!»

– С дороги! Охрана!

¹⁶ Разрешительная – речь идет о разрешительной системе ГУВД, выдающей лицензии частным охранным структурам.

Он продрался через толпу покупателей, словно хоккейный нападающий через защитников, с той разницей, что силовые приемы применяли не они, а он. Чуть не опрокинул Санта-Клауса с птичьим гриппом в мешке.

Люди устроены странно. Если животное, почуяв опасность, устремляется прочь, то человек, увлекаемый любопытством, наоборот, – бежит к ней. Узнать, что случилось, и насладиться увиденным, чтобы потом минимум на пару недель обеспечить тему для разговоров. А если повезет – и героем себя выставить. Поэтому пробиться к месту событий оказалось не так просто.

Расталкивая тележки, Чернаков заметил Харламова, тоже пытавшегося пробуриться сквозь толпу.

– Вход перекройте! – на ходу прокричал ему начальник охраны. – Людей только выпускать!

Харламов молча кивнул и устремился к центральному входу.

– Спокойно, спокойно, граждане... Все в порядке!

Чернаков наконец добрался до цели. Худшие предположения подтвердились.

Рвануло в отделе красок. Едкий дым валил из-под стеллажа. Пара продавцов, молодых парней, кувыркались по полу, крича от боли и зажимая лица руками. Девушка-продавец из соседнего отдела пыталась оказать одному из них какую-то помощь. Несколько покупателей отплевывались, но они, похоже, не пострадали. Автоматической системы тушения пожара в зале не предусматривалось, слишком высокие потолки. Но огня, слава Богу, не было. Может, потому, что один из охранников быстро сориентировался, сорвал со стены огнетушитель и залил пеной место взрыва. Не было и осколков – стеллажи в отделе красок, к счастью, не закрывались стеклянными витринами.

К Чернакову подбежали старший смены Доценко и Толик Бушуев.

– Всех сюда! – прокричал Вячеслав Андреевич, прикрывая платком рот. – Оцепить отдел! «Скорую» вызывайте!

– Уже вызвали!

– Стас, дуй к себе, дай объяву, что магазин закрывается по техническим причинам. Только не переборщи, а то передают друг друга... Вентиляцию на полную! Аварийные выходы открыть!

– Понял!

Доценко скрылся в толпе.

– Толя, давай к кассам! Пусть закрывают! – прокричал Чернаков в ухо детективу.

– Тырить начнут!

– Плевать!..

Самая сложная задача при террористических актах или массовых катастрофах – быстро эвакуировать людей из зоны поражения. Каждый охранник, принимаемый на работу в «Планету», проходил серьезный инструктаж и даже сдавал экзамены, как действовать в случае атаки. Но, к сожалению, только теоретические. Поэтому вся нагрузка сейчас легла на начальника СБ и старшего смены. В любую секунду могло рвануть еще где-нибудь...

Чернаков склонился над одним из раненых. Лицо в районе левого виска почернело, но глаза были целы.

– Старик, ты как?

– Что?! Не слышу!

– Понял... Все хорошо... Потерпи...

С медициной Вячеслав Андреевич не дружил, из процедур умел делать искусственное дыхание и измерять температуру, но сейчас это не требовалось. «Хорошо что Юлия сегодня не вышла на работу», – мелькнула непроизвольная мысль.

Народ и не думал разбегаться, хотя многие уже поняли, что это не утечка газа и не упавший случайно со стеллажа взрывоопасный товар. Наоборот – зеваки прибывали с каждой секундой, несмотря на вонь, едкий дым и давку. Как можно пропустить такое реалити-шоу? И ведь гаркнуть нельзя, что магазин заминирован. Понесутся прямо через оконные витрины. А кое-кто еще и прихватит что-нибудь под шумок. Халява дороже жизни. Сам погибай, но выгоду не упускай. Буржуи себе еще наторгуют...

Появившиеся охранники заняли круговую оборону. Чернаков отдал необходимые распоряжения и поспешил к центральному входу. Стекланные раздвижные двери были заблокированы, с улицы в «Планету» никто уже зайти не мог. Теперь предстояло без потерь выпустить тех, кто находился внутри. С максимально возможной скоростью, пока не случился рецидив. Третью, запасную дверь контролировал Ерофеев, видимо, все-таки увильнувший от посещения театра. Дима выпускал желающих наружу, притормаживая особо нетерпеливых дубинкой, поэтому пробок у центрального входа не наблюдалось.

Доценко по внутренней связи принес покупателям извинения и объявил, что магазин закрывается по техническим причинам. Набранный в корзины товар предлагалось оставить в зале. Кассиры выключили кассовые аппараты, народ повалил на выход. Рамка беспрерывно визжала, как бензопила, захлебываясь от перенапряжения. Но никого не обыскивали. Это не тот ущерб...

Да здравствует коммунизм! У Деда Мороза сперли мешок.

Чернаков дал команду, охранник разблокировал двери, и людской поток устремился на морозную улицу, где сверкала огнями новогодняя елка и переливался гирляндами проспект...

Большинство выпусков вечерних теленовостей, в том числе на центральных каналах, началось с экстренного сообщения о взрыве в строительном супермаркете. Репортеры стекались к «Планете», словно стая шакалов к раненому слону. Причем некоторые примчались на место происшествия раньше спецслужб. Наиболее осведомленные уже выдавали первую продукцию: не менее сорока раненых, бомба с часовым механизмом, тротилловый эквивалент... Тут же, как водится, выдвигались версии: «Что это? Чеченский след? Ответный удар хозяев „Максистроя“, не так давно тоже ставших жертвами подобной атаки? Взрыв бытового газа или банки с краской?»

Калейдоскоп картинок – «скорая» перед входом, милицейское оцепление, встревоженные лица, папахи с кокардами... Интервью с очевидцами. «Я услышала страшный хлопок, когда покупала подарок внучке на Новый год. Внучка увлекается резьбой по дереву, и я хотела подарить ей набор резцов и досочку... Запахло дымом, и я сразу поняла, что это пи...»

Не дослушав окончания фразы, Чернаков выключил телевизор и, забрав журнал происшествий, быстро вернулся в зал.

«Сорок раненых... А почему не двести? Сенсация требует жертв... Ну, фантасты ненаучные...»

На самом деле, кроме двух продавцов, никто не пострадал. Да и те, в принципе, не сильно. Одному повредило слух, но врач заверил, что он без проблем восстановит из ада, второму обожгло часть лица.

Сейчас, спустя два часа после взрыва, суматохи внизу не убавилось. Только теперь вместо покупателей там толкались задницами представители власти, спецслужб и охранники. Разумеется, здесь же находилось руководство магазина – Тагиров, Аршанский и какие-то мужи, которых Чернаков видел впервые. Генерал Глухарев, велевший Чернакову принести журнал происшествий, что-то доказывал им, активно жестикулируя. Причем некоторые жесты были откровенно эротического свойства.

Спецслужбы, как всегда, прибыли в максимально возможном ассортименте: ФСБ, ГУВД, МЧС. А также прокуратура, районная милиция, вневедомственная охрана, пара кинологов с

собаками и – на всякий случай! – «главдурь» (госнаркоконтроль). От убойного отдела приехал Роман Романович Лутошин, которому не повезло с дежурством. Каждый из начальников хотел взять руководство на себя, поэтому осмотр места происшествия продвигался крайне медленно и бестолково. Впрочем, спешить особо уже и некуда. С некоторыми операми ФСБ Чернаков был знаком – пересекались в прошлой жизни.

Кинологи с собаками облазили зал и доложили, что взрывных устройств больше не обнаружено, рецидива можно не опасаться. Потом к делу приступили милицейские эксперты и взрывотехники ФСБ.

От Аршанского Вячеслав Андреевич уже выслушал обличительную речь, большая часть которой сводилась к трем словам «Я же предупреждал!». Перепсиховавший Чернаков тоже хотел ответить тремя словами, но удержался. Сам-то Аршанский во время эвакуации покупателей в зале не появился – притаился в кабинете. Видимо, опасался стать жертвой следующего взрыва. Зато теперь осмелел. Тагирова на момент атаки в «Планете» не было, он тусовался на какой-то презентации, но, получив тревожную весточку, немедленно примчался в супермаркет.

Спустившись, Вячеслав Андреевич отдал журнал Глухареву, после подошел к Лутошину, рассматривающему итальянскую стиральную машину.

– Не знаешь, хороший агрегат? – поинтересовался старший опер. – Жена на Новый год канючит. А то она все по старинке. С тазиком.

– Без понятия. Потом у продавца спросишь... Что тут нового?

– Взрывники закончили... Короче, заряд в банке из-под краски был. Механизм вроде часовой.

– А что за начинка?

– Забыл название... Короче, дыму от него много и вони. Но, тьфу-тьфу, ничего больше. Ни гвоздей, ни шариков, ни стекол. А то бы ползала посеколо. А так только банку разнесли да дыму напустили. Я бы, в принципе, отказал¹⁷. Самопроизвольный взрыв, бывает...

– Где банка стояла? На стеллаже?

– Да, но в самом низу, причем отдельно от других. Такое ощущение, что пугануть хотели. Иначе б поближе поставили. В общем, кипеж беспонтовый.

– С продавцами успели поговорить?

– Я нет, их уже увезли. Может, «старшие братья» успели. – Лутошин кивнул на мрачных эфэсбэшников, кучковавшихся в отделе обоев. – Да и чего они скажут?.. Еще повезло, что в отделе, кроме них, никого не было. У тебя-то какие мысли?

– Аль-Кайда шалит. – Вячеслав Андреевич не стал затевать бесполезных разговоров с бывшим подчиненным, заметив появившегося в зале Бушуева.

Лутошин продолжил изучение тактико-технических характеристик стиральной машины, волновавших его гораздо больше, чем выдвижение версий.

Чернаков отозвал в сторону детектива, вернувшегося из комнаты старшего смены.

– Есть что-нибудь по записи?

– Записать-то записалось, но эфэсбэшники кассеты забрали, сами изучать будут. А там – как повезет. Может, ничего, а может, кого и зацепило. Если банку вчера поставили.

Речь шла о видеокассетах с записью камер наблюдения. Одной кассеты хватало на рабочий день. Потом она автоматически перематывалась, и запись начиналась по новой. Переоборудовать систему под другие носители, вроде жесткого диска компьютера, хозяева жмотились. Поэтому информацию с камер записывали по старинке – на видеокассеты. Таким образом, если банка была заложена, скажем, позавчера, просмотр записи ничего не даст.

– А кто им сказал, что мы пишем?

¹⁷ Отказал (милицейский жаргон) – речь идет об отказе в возбуждении уголовного дела.

– Я, – чуть смутился Бушуев. – А что, не надо было?

– Лучше б сначала сами посмотрели. Запись парковки тоже забрали?

– Говорю же: все...

– Что насчет «Максистроя» думаешь? Бомба-то, похоже, бутафорская, один дым. Но на пару дней мы зависнем. Им в радость.

– Не они... В «Максистрой» сегодня письмецо пришло по электронной почте. Или выкуп платите, или продолжим гостинцы слать. Нам, кстати, тоже прийти может. Если это одна и та же команда.

– Много просят?

– Да не то чтобы... Двести пятьдесят «тонн». Евро.

– Кто ими занимается? ФСБ?

– Все подряд. Чтоб было на кого свалить в случае провала.

Позвонила Юля. Она видела сюжет по телевизору. Вячеслав Андреевич в двух словах рассказал. (Нет худа без добра – хорошо что на работу не вышла.) Пообещал заехать, если получится. Но вряд ли получится. Осмотр часов до трех ночи затянется, а то и до утра.

Генерал, закончивший общаться с руководством «Планеты», жестом подозвал Чернакова.

– Все, отговорила рожа голубая... Им на охрану денег жалко, а мы, как всегда, крайние! «Почему не предотвратили, почему допустили!» И хрен чего докажешь! Чувствую, пошлет нас Тагиров...

– И что делать?

– Для начала отписываться. Требуют отчеты. Иди пиши, как теракт проворонил! Почему каждую банку с краской не обнюхал и взрывчатку не выявил! За что тебе деньги платят?!

– Когда они планируют открыть магазин?

– Завтра точно не откроют. Хорошо если в четверг. Это ж какие убытки! Тагиров рехнется! Магазин – не машина, от аварии не застрахован!

Вячеслав Андреевич кивнул на следователя прокуратуры лет двадцати двух, усевшегося на стремянку и сочинявшего протокол осмотра.

– Что возбуждать думают?

– Да как всегда, наверное... Хулиганство. Злостное. Ты говорил, вы кассира прихватили на той неделе. За «скидки». Не мог отомстить?

– Во-первых, это женщина, а во-вторых, если из-за каждого увольнения начнут бомбы закладывать... Маловероятно.

– Ты как будто в ментуре не работал... Короче, прикидывай. Если быстро найдем этого хулигана злостного, есть шанс остаться. И то, весьма маленький.

Как и предполагал Чернаков, осмотр закончился в половине четвертого. Последним его допросил следователь прокуратуры. Особенно понравились вопросы – «не случалось ли чего-то похожего ранее» и «не замечали ли вы чего-нибудь подозрительного в принципе».

В остальном – ничего принципиально нового. Главное, сохранился прекрасный старинный обычай, бережно передаваемый из поколения в поколение, – отмечать начало расследования, произнеся первый тост за успешную поимку преступника. Двадцать лет назад поднимали за то же самое. Сегодня отмечали в кабинете Ильи Романовича Аршанского и, естественно, как требовал славный обычай, – за его счет.

Домой Владимир Андреевич приехал в половине пятого. На сон и восстановление сил оставалось два с половиной часа.

«Да, навалилось проблем к празднику... Будем решать по мере срочности. Сначала Дима. К завтрашнему дню он должен протрезветь. Если с утра не напьется снова».

* * *

Силы восстанавливались, восстанавливались, но до конца не восстановились. Двух часов не хватило. В «Планету» Чернаков приехал с чугунной башкой, подстегнув себя двойной порцией черного кофе. Бдительный панкреатит тут же напомнил о своем существовании. Пришлось глотать таблетки.

Супермаркет, как и предполагалось, был закрыт для посторонних, несколько сонных оперов допрашивали персонал – кто где находился в момент взрыва. Особой пользы эти допросы не принесут, но зато никто не упрекнет органы в бездействии. Заодно не мешало бы допросить и потерпевшего Санта-Клауса. «Скажите, вы сможете опознать человека, похитившего ваш мешок? Мы попробуем составить фоторобот... Почему вы молчите? Вы обязаны давать показания».

Дело в производство взяла городская прокуратура. Все-таки хоть и хулиганство, но резонансное. Раздолье для новостных программ и криминальных хроник.

В кабинете Вячеслава Андреевича расположился штаб по раскрытию хулиганства. Но начальника службы безопасности на его заседания не пустили, дав понять, что спецслужбы в его услугах пока не нуждаются. Чернаков не обиделся, он и сам бы, наверное, не пустил. Правда, опасался, что сыщики нечаянно надыбают в его компьютере туалетную слезку или эротический тетрис (игрой он иногда скрашивал свои пресные будни). Компьютерные развлечения боссы «Планеты-Хауз» не особо приветствовали.

Около полудня ему позвонил один из оперов ФСБ, накануне присутствовавший на осмотре. Попросил срочно приехать в Большой дом, на Литейный¹⁸, есть, мол, кое-какая информация.

Чернаков поехал на метро, чтобы не терять времени в бесчисленных пробках. Двое беженцев, собирающих дань с пассажиров, столкнулись в узком проходе вагона и устроили жесткий диспут, кто из них более авторитетно «бегает». Спору помешал продавец, торгующий милицейскими секретными базами данных по сто рублей за диск... У Вячеслава Андреевича такие уже имелись. Купил за полтинник на одном из перекрестков у пацана лет пятнадцати и активно пользовался.

«Станция „Чернышевская“. Спонсор открытия дверей – строительная компания номер один...» И под землю пробрались...

Явно не выспавшийся опер встретил его внизу, в центральном холле, пожал руку, выписал разовый пропуск и провел через вахту, мимо угрюмых парней в камуфляже и с «калашом» на плече. Знакомая проходная, знакомые коридоры, знакомый туалет... В самые махровые перестроечные годы в коридоре стоял лоток, с которого торговали ширпотребом – колготками, шампунями и прочей галантереей, появившейся в то время на свободном рынке. Кто разрешил его здесь поставить, никого особо не интересовало. Главное, удобно.

Сейчас лотка, естественно, не было. И в кабинетах уже не милицейские чины. «Старшие братья». Хотя не понятно, почему они «старшие»? Просто немного иной профиль работы. Напрасно, кстати, переименовались: КГБ звучало роднее и как-то авторитетней. Чернаков никак не мог привыкнуть к «эфэсбэшникам», для него люди, работавшие в Большом доме, по-прежнему были «комитетчиками».

– Заходи. Кофе будешь?

– Лучше чая... Диета. Поджелудочная шалит.

– Не вопрос. – Опер захлопотал возле небольшого журнального столика, расставляя чашки.

¹⁸ Литейный – речь идет о здании управления ФСБ Санкт-Петербурга, расположенном на Литейном проспекте.

Как звать «старшего брата», Вячеслав Андреевич не помнил, а спрашивать стеснялся. Решил применять универсальное «старик» или «брат».

Обстановка кабинета, к слову, особо не изменилась с тех времен, когда здесь располагалась милиция. Та же теснота, те же древние столы, больше пригодные на дрова. Черный диван с провисающим низом, подушка с серой наволочкой, смятое байковое одеяло. Обязательный портрет Феликса Эдмундовича и прикольные лозунги на стенах, типа висящего над стулом «Без стука не садиться». Короче, уют и теплота, которых Чернакову в его евроофисе так ужасно не хватало.

– Я кассеты до семи утра изучал... На часок только прикорнул.

– Что-то есть?

– Один субъект любопытный. Не на сто процентов, конечно... Я тебе покажу, может, узнаешь кого из персонала? Правда, рожу он не засветил, но вдруг?.. Ты говорил, вы со многими по-плохому расставались.

– Было дело.

Опер вставил в старенькую видеодвойку кассету, запустил просмотр. Камера захватывала не весь отдел красок, но большую его часть, в том числе и заминированный стеллаж. Запись была хоть и черно-белая, но неплохого качества – в отделе хорошее освещение.

Вячеслав Андреевич узнал раненого продавца, что-то объяснявшего покупателю. Пома- ячив перед камерой, оба исчезли из поля зрения.

– Вот он, – опер надел очки.

Человек зашел в отдел не со стороны центрального прохода, на который был направлен объектив, а с противоположной. Поэтому лицо не попало в кадр. Он находился в отделе всего несколько секунд. Не рассматривал товары – поковырялся в пакете, быстро нагнулся. Как раз в том месте, где вчера рвануло. Затем, не оборачиваясь, вышел на центральный проход, сунув пустой пакет в карман.

Комитетчик перемотал запись назад и поставил ее на паузу. Человек застыл на экране.

– Ну как? Не узнал?

– Нет, – выдавил Чернаков, – пока нет...

Вообще-то узнал. И находился примерно в том состоянии, как если бы увидел на экране Дзержинского, исполняющего стриптиз.

Узнал куртку. Не по цвету – картинка черно-белая. По кошечке, вышитой на спине. Эмблема фирмы «Пума». Made in China.

И второе, еще весомее. Перевязанная голова. Которую он в минувшее воскресенье собственноручно разбил бутылочкой молдавского винца.

Дима. Законный супруг его любовницы, продавщицы отдела красок... Фронтоник. Ну, здравствуй, козерог.

Решил отыгаться, минер-умелец... Тундра! Хоть бы шапочкой повязку прикрыл, Щорс недоделанный.

Это все из-за пестицидов. Как чувствовал, что не надо покупать молдавское вино. Купил бы проверенное, чилийское, и сейчас бы никаких мучений.

За несколько секунд Чернаков прокрутил возможные варианты. Отличная «лав стори». Начальник службы безопасности, не совсем старый козел, крутит шашни с продавщицей. Будучи застуканным мужем на месте преступления, избивает беднягу и подло смывается. Кон- туженный соперник, не дождавшись дома любимой женщины, мастерит бомбу и закладывает в отдел, где она трудится. То ли ее зацепить хотел, то ли его. Скорее, его – вряд ли после взрыва начальника охраны оставят на должности. Ай, молодец...

И если сейчас дать расклад – прощай, «Планета». Ладно он – мужики пострадают. Генерал тот же. После таких приключений контракт на охрану с «Заботой» черта с два продлят. У вас, видишь ли, страсти любовные, а у нас убытков на три миллиона и люди раненые. Вовремя

надо со своими женщинами разбираться, как Жеглов говорил. И ведь не поспоришь. Да еще материал в дознании по Копытиной и статейка в газетке до кучи. Совсем непразднично. Не по-новогоднему.

– Что, похож на кого-то?

Видимо, опытный «брат» засек на лице Вячеслава Андреевича непередаваемую словами игру чувств.

– Вроде кладовщик наш... Хотя нет, не он. Точно не он... А потом, еще неизвестно, зачем товарищ нагнулся. Может, шнурок завязать.

– Может... Только больше никто не нагибался.

– Здесь записаны всего сутки.

Опер выключил магнитофон. Зашумел чайник. Чернаков перевел дух. Спокойно, спокойно. Не паникуй.

Ситуация тупиковая. Что так, что эдак. Но, если взрыв повиснет «глухарем» и Диму не найдут, остается шанс, что с «Заботой» все-таки продлят контракт. В конце концов, Аршанский сам виноват – сколько раз его просили увеличить штат охраны. Пожадничали – теперь пожинайте плоды. Скупой платит трижды.

Да, спешить не будем. А с Димой потолкуем душевно. Отличный повод прочистить ему контуженные мозги, если они еще есть. Не оставишь Юлю в покое – сядешь лет на пятнадцать. С гарантией.

Он залпом, словно водку, выпил чай, пожаловался, что тоже не выспался. Потрепался на отвлеченные темы. Пожелав «брату» удачи и заверив, что всегда готов к взаимовыгодному сотрудничеству, покинул учреждение, до сих пор обходимое многими стороной. «Брат» отметил пропуск, лично проводил до выхода (таков порядок!), попросил звонить, если что-то вспомнит, и оставил номер мобильного телефона, не написав на бумажке имя. Как же его зовут?..

В ларьке Чернаков купил пачку легких сигарет и зажигалку. Он не курил, но тут не то что закуришь... Сел на покрытую ледяной коркой скамейку.

«Когда ехать? Прямо сейчас? Или вечером? Сейчас надо быть в „Планете“, контролировать ситуацию (заметать за идиотом следы). Значит, вечером... Лучше ранним, затягивать нельзя, Дима может повторить атаку. Или все-таки сдать его? Он же не перфоратор украл и не набор отверток стырил. Все-таки «злостное хулиганство».

Реалити-шоу «Любовь до гроба». Генеральный спонсор – ведущий производитель гробов и ритуальных товаров для населения компания «Тутанхамон»...

Покулив, Чернаков немного успокоился¹⁹. Но какая-то мысль все равно не давала покоя. Было что-то не укладывавшееся в общую картину. Причем вроде бы очевидное и в силу этого незаметное. Что, что? Казалось, все стройно. Дима смастерил бомбу, спрятал ее в банку из-под краски, приперся в магазин, сунул на стеллаж. Потом вернулся домой и нажрался до отключки. На другой день контакты в банке замкнулись.

Что не так, что?..

На другом конце скамейки сидела девушка лет двадцати. Она курила и читала книгу. Чернаков разглядел столбики стихов. Надо же. Кто-то еще читает стихи. Он тоже любил стихи. Только не читал. Не до них.

Вячеслав Андреевич набрал Юлин номер.

– Привет, малыш... Твой не звонил?

– Звонил, но я никому не отвечаю, кроме тебя...

– Если позвонит, сними, послушай.

– Что-нибудь еще случилось?! У тебя голос взволнованный...

¹⁹ Данное предложение не является рекламой сигарет и ведения нездорового образа жизни.

– Мировые цены на нефть опять упали. Это страшно... Вечером я скажу, что делать. Целую. Пока.

Дурак ты, Вячеслав Андреевич... Чего тебе не хватало? Все есть. Солидная должность, жена, двухкомнатный угол. Не жизнь, а чистый мед, одним словом. Хочешь поблудить – да Бога ради, сходи налево, развлекись. Одноразовых девочек – на каждом перекрестке. И семья не разбита, и сам в порядке. Большинство его приятелей так и делают. Гуляют налево-направо, но при этом «отличные семьянины». Жены довольны и счастливы, сами – тоже.

А ты что, особенный? Поэзии захотелось? Серьезных чувств? Вот и расхлебывай. Давно замечено – чем серьезней намерения, тем серьезней последствия.

...Что, что не срастается?..

...Думай, думай...

Новых бомбардировок и атак на «Планету» за время его отсутствия не произошло. Несколько репортеров притоптывали на морозе перед закрытыми дверьми в ожидании новостей. Узнав начальника службы безопасности, устремились к нему, словно гномы к Белоснежке, доставая из карманов и сумок диктофоны.

– Скажите, как продвигается следствие? Есть ли подозреваемые? Никто не взял на себя ответственность?

– Это рука Березовского, – буркнул Чернаков, быстро направляясь к служебному входу.

Репортеры обиделись, хотя Вячеслав Андреевич не хотел их обижать и в иной ситуации что-нибудь пояснил бы. Люди ведь, тоже зарабатывают себе на жизнь. А заработок у репортеров теперь во многом зависит от чужих несчастий. Капитализм because!

Рабочие ремонтировали поврежденный взрывом стеллаж. Чернаков подошел и немного постоял рядом. Дима хоть и больной на голову, но не окончательно потерянный. Банку с зарядом поставил отдельно, в нишу с кистями и валиками. Может, и случайно, конечно. Нет, не случайно. Потому что начинки в бомбе не было. Не хотел, чтобы посторонние пострадали.

Значит, это ему, Чернакову привет. Ибо у Чернакова по-любому будут проблемы. Большие проблемы.

Позвонил генерал. Обрадовал, что в офисе «Заботы» свирепствует комиссия из разрешительной системы. Проверяют бумаги и оружейку. Все ли соответствует нормативам? И не ошибочно ли выдана лицензия? Глухарев отбивался с трудом, генеральская папаха и связи уже не выручали: в наше время это не аргумент. Выручить могли только деньги. В крайнем случае, хорошая баня с хорошими банщицами. Он предупредил, чтобы Чернаков был готов: скорее всего, комиссия заглянет и в «Планету».

Тоже известная политика. Гораздо проще раздолбать охрану, прозевавшую бомбу, чем искать тех, кто эту бомбу поставил...

– Как там Тагиров? Не выставляет за дверь?

– Тагиров – вменяемый мужчина. Он-то как раз понимает, что мы ни при чем. Но решает не он, а московские ребятки. А они особо разбираться не будут. Раз допустили – значит, виноваты.

«Да, правильно, что я не сдал Диму. Тогда бы никаких вариантов...»

Он не стал дожидаться вечера. Чем быстрее поговорит с Юлиным мужем, тем лучше. Но Дегустатора Ерофеева брать уже не стоит.

Вячеслав Андреевич поднялся в свой кабинет, где продолжал заседать штаб, взял из сейфа «Осу», оружие останавливающего действия. Наспех, без аппетита, перекусил в корпоративном кафе. Оно, несмотря на катаклизм, продолжало функционировать, торгуя лапшой.

Нашел народного судью, бывшего сегодня старшим смены. Предупредил, что исчезнет на час-полтора.

– Ходатайство принято, – сухо ответил Валентин Михайлович.

По дороге вновь попытался продумать линию поведения. В отличие от прошлого раза, теперь ему есть что предъявлять несчастному супругу. Хочешь со мной разбираться, козел? Вот и разбейся! А посторонние страдать не обязаны.

Сначала, без разговоров, – в морду. Стоит захватить клюшку. Не откроет дверь, выбью к чертовой матери... Правда, Димочка может ответить огнем. Вдруг у него действительно граната припрятана...

Значит, надо брать лаской, по-доброму. «Я тебя очень хорошо понимаю, Дмитрий Баткович...» И только потом в морду...

Город сверкал мишурой. Люди вдохновенно готовились к празднику. Наверное, самое лучшее время. Предвкушение. Многие очень любят предновогодние хлопоты. И Чернаков любил.

Непременно в морду... Я тебя вылечу от контузии... «За грубую игру на две минуты удаляется...» Плевать, отсижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.